ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Чапчиков Сергей Сергеевич

САМОУПРАВСТВО: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель -
доктор юридических наук, профессор
Шевелева Светлана Викторовна

Курск - 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Введение…… 3

Глава 1. Самоуправство как объект криминологического исследования……... 20

§1. Теоретико-методологические основы исследования самоуправства…… 20

§2. Общественная опасность самоуправства и его место в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации……. 33

§3. Качественно-количественная характеристика состояния самоуправства……..…… 52

Глава 2. Характеристика механизма совершения самоуправства….. 78

§1. Характеристика личности преступника, совершающего самоуправство……...…. 78

§2. Факторы детерминации самоуправства…….. 96

§3. Ситуационный подход при исследовании самоуправства…....…….. 118

Глава 3. Предупреждение самоуправства……... 137

§1. Общесоциальные меры предупреждения самоуправства……...……... 137

§2. Специально-криминологические меры предупреждения самоуправств…….……... 154

§3. Индивидуальные меры предупреждения самоуправства……...……... 171

Заключение…….. 189

Список литературы…… 199

Приложения.……..…… 224

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) выступает гарантом того, что человек, его права и свободы являются высшей социальной ценностью (ст. 2), а также закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45). При этом осуществление указанных прав не должно нарушать права и свободы других лиц (ч. 3 ст. 17)[1]. Данное конституционное положение предопределяет возможность осуществления гражданами своих прав и свобод исключительно в рамках действующего законодательства.

Несовершенство правового регулирования общественных отношений в сфере защиты гражданских прав[2] формирует в массовом сознании ложное преставление о допустимости защиты своих прав и разрешения имущественных конфликтов фактически любыми способами. Современные социально-экономические и политические реалии обуславливают появление значительного числа субъектов, стремящихся разрешать споры в неюрисдикционном порядке, нередко прибегая к противоправным, в том числе насильственным действиям. Участники таких отношений в нарушение установленного законом порядка совершают самоуправные действия с целью восстановления своих мнимых или действительно нарушенных прав. Как правило, такие действия связаны с неправомерным завладением, удержанием или повреждением имущества, принадлежащее потерпевшему, в результате чего самоуправные действия приобретают форму уголовно наказуемых деяний.

Самоуправство исторически выступает одним из распространенных противоправных способов принудительной реализации субъективных интересов.

---

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 27. Ст. 4196.

[2] См.: статья 14 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

В отличие от многих других преступлений, виновный нередко воспринимает собственные действия как восстановление справедливости, возврат долга, защиту имущества или осуществление принадлежащего ему права. При этом вместо обращения в правоохранительные органы, суд, органы принудительного исполнения или иные уполномоченные государственные органы, лицо самостоятельно определяет содержание своего права, пределы его осуществления и способы принуждения другой стороны. Поэтому самоуправство следует рассматривать как криминальную форму разрешения социального или гражданско-правового конфликта. Особую общественную опасность представляют насильственные формы самоуправства. Применение насилия или угрозы его применения переводит посягательство из исключительно имущественной сферы в сферу защиты личности, создавая угрозу для жизни и здоровья человека. Учитывая высокую распространенность подобных конфликтов, требуется разработка комплексной системы эффективных мер предупреждения данного преступления.

Согласно статистическим данным, число зарегистрированных преступлений, предусмотренных статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)[3], составило: в 2016 году - 2566, в 2017 году - 2212, в 2018 году - 1954, в 2019 году - 1858, в 2020 году - 1638, в 2021 году - 1513, в 2022 году - 1261, в 2023 году - 1023, в 2024 году - 936, в 2025 году - 800[4]. При этом количество ежегодно поступающих в органы внутренних дел сообщений о данном преступлений кратно превышает показатели официальной регистрации. Так, за анализируемый период зафиксировано следующее количество таких обращений: в 2016 году - 199172, в 2017 году - 221649, в 2018 году - 223350, в 2019 году - 231272, в 2020 году - 222217, в 2021 году - 227339, в 2022 году -

[3] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[4] См.: Сводный отчет по России (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет о преступности». Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

227345, в 2023 году - 238686, в 2024 году - 239611, в 2025 году - 216545[5]. Таким образом, несмотря на снижение числа официально зарегистрированных преступлений, общий объем поступающих в правоохранительные органы сообщений о самоуправстве остается на стабильно высоком уровне.

Приведенные данные наглядно указывают на системные проблемы профилактики, выявления, уголовно-правовой квалификации и расследования самоуправства. Это обусловлено сложной социально-правовой природой исследуемого деяния, деструктивным характером его проявлений и латентностью. Действующая правоприменительная практика испытывает острую потребность в современном научно-теоретическом обеспечении, раскрывающем криминологическую характеристику самоуправства, а также в выработке доктринально обоснованной системы мер его предупреждения.

Изложенные обстоятельства предопределяют актуальность комплексного исследования проблем предупреждения самоуправства, а также его высокую научно-теоретическую и практическую значимость.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования характеризуется наличием фундаментальных теоретических трудов, посвященных различным аспектам анализа преступного поведения, механизмам его детерминации, а также общим принципам предупреждения преступности.

Вопросы уголовно-правовой квалификации самоуправства и его места в системе преступлений против порядка управления подробно исследованы в работах Г. А. Агаева, С. У. Ванеева, Е. В. Витман, Н. А. Егиазарян, В. И. Капканова, А. В. Кошкина, Е. С. Пинягиной и И. П. Титенкова. В контексте разграничения смежных составов преступлений, сопряженных с противоправным принуждением или неправомерными действиями по возврату задолженности, существенное значение имеют труды И. В. Власовой и Е. И.

[5] См.: Сведения о рассмотрении органами внутренних дел сообщений о преступления (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 2-Е (МВД). Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

Дубова. Криминологические факторы детерминации самоуправных действий и меры их предупреждения исследовались в исследованиях С. В. Артюшкиной, А. П. Биньковского и И. К. Суркова. Межотраслевые аспекты соотношения самоуправных действий с гражданско-правовыми институтами самозащиты гражданских прав, а также с неюрисдикционными способами разрешения имущественных споров и исполнения обязательств нашли отражение в работах Ю. В. Зуевой, Е. Б. Казаковой и О. Г. Лазаренковой.

Признавая фундаментальное теоретическое значение трудов указанных авторов, следует констатировать, что большинство диссертационных исследований, посвященных непосредственно проблематике самоуправства, проводились в период с 2003 по 2012 год и носили преимущественно уголовно-правовой характер. На современном этапе развития отечественной правовой доктрины отмечается очевидная недостаточность самостоятельных комплексных исследований, направленных на системный криминологический анализ специфики и предупреждения самоуправства.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с совершением самоуправных действий и их предупреждением.

Предметом исследования являются теоретико-методологические основы установления социально-правовой природы и криминологической сущности самоуправства, характеристики состояния данного преступления, личности преступника, ситуации его совершения, особенности детерминации, а также комплекс мер предупреждения самоуправства.

Цель исследования заключается в получении нового комплексного научного знания о криминологической характеристике самоуправства и формировании на его основе предложений по совершенствованию системы мер его предупреждения.

Для достижения указанной цели решены следующие **задачи**:

1) выработаны теоретико-методологические основы исследования самоуправства;

2) представлена характеристика общественной опасности самоуправства и его места в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации;

3) представлена качественно-количественная характеристика состояния самоуправства;

4) установлена характеристика личности преступника, совершающего самоуправство;

5) выявлены объективные и субъективные факторы детерминации самоуправства;

6) установлена характеристика ситуации совершения самоуправства;

7) определены направления совершенствования общесоциальных мер предупреждения самоуправства;

8) предложены специально-криминологические меры предупреждения самоуправства;

9) разработаны индивидуальные меры предупреждения самоуправства.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет диалектический метод познания, в соответствии с которым самоуправство изучается как динамическое социально-правовое явление, находящееся в неразрывной связи с эффективностью функционирования правоприменительных институтов и уровнем правосознания общества.

Теоретические положения диссертации сформулированы на основе применения общенаучных методов анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования и конкретизации. Посредством системного и структурно-функционального подходов определено место самоуправства в общей структуре преступности, а также раскрыта внутренняя организация и взаимосвязь уровней системы предупреждения данного деяния. Применение деятельностного и конфликтологического подходов позволило исследовать механизм преступного поведения как противоправную стратегию разрешения имущественного спора и определить этапы его криминальной трансформации.

Специфика объекта и предмета исследования обусловила необходимость интеграции частнонаучных методов познания. Историко-правовой метод использован при анализе генезиса нормативного конструирования самоуправства и эволюции мер противодействия ему. Формально-логический и логико-семантический методы применены в процессе конструирования дефиниций, раскрытия теоретического содержания признаков состава преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, а также при определении правовых границ исследуемого криминологического явления и его отграничения от институтов правомерной самозащиты гражданских прав и смежных административных правонарушений.

Статистические методы (включая приемы группировки и анализа динамических рядов) использованы при обработке количественных и качественных показателей для фиксации состояния, структуры и динамики самоуправства с учетом объективной неполноты официальных статистических данных. Методы криминологической классификации и типологизации выступили средством систематизации эмпирического материала, сведений о социально-демографических, психологических и правовых свойствах личности преступника и жертвы при построении их криминологических профилей.

Социологические методы (контент-анализ, дискурс-анализ, экспертные опросы) реализованы для установления характеристик латентных проявлений самоуправства, а также при обосновании мер превентивного воздействия. Методы криминологического моделирования и прогнозирования применены при разработке перспективных направлений совершенствования системы предупреждения исследуемого вида преступного поведения.

Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные научные труды отечественных авторов в области криминологии, уголовного, гражданского и административного права, криминалистики, а также общей теории государства и права.

Теоретические основы исследования детерминации противоправного поведения, системного анализа преступности и принципов предупреждения

преступлений сформированы на базе трудов Г. А. Аванесова, Ю. М. Антоняна, М. М. Бабаева, Л. А. Букалеровой, Я. И. Гилинского, М. А. Желудкова, А. Н. Игнатова, М. И. Ковалева, Ю. Ю. Комлева, В. Н. Кудрявцева, В. Н. Куфлевой, С. Я. Лебедева, В. В. Макарова, А. В. Маркина, И. М. Мацкевича, К. И. Петухова, Ю. Е. Пудовочкина, С. П. Степкина, С. В. Шевелевой, В. Е. Эминова, А. В. Яшина.

Проблемы латентности преступности, виктимологического моделирования и ситуационного анализа, имеющие определяющее значение для комплексной характеристики самоуправства, нашли отражение в исследованиях Р. М. Акутаева, В. А. Ананича, К. В. Вишневецкого, В. И. Задорожого, Н. В. Исаева, Ю. Ф. Каменецкого, Е. А. Коваленко, И. М. Комарова, С. А. Корягиной, Д. А. Корецкого, В. В. Лунеева, В. В. Назарова, С. А. Назарова, В. А. Плешакова, В. И. Полубинского, Д. В. Ривмана.

Межотраслевые аспекты исследования, связанные с функционированием гражданско-правового института самозащиты прав, неюрисдикционными и принудительными механизмами осуществления прав и исполнения обязательств, основаны на теоретических положениях, содержащихся в работах Ю. Н. Андреева, Д. Х. Валеева, И. И. Макарова, Н. М. Чепурновой и Т. В. Ярошенко.

Криминологические и правовые основы деятельности органов внутренних дел, прокуратуры и иных институтов по профилактике правонарушений, использованию мер официального предостережения и минимизации криминогенных угроз составили труды А. Н. Варыгина, Э. А. Мамонтовой, Т. Ю. Михеевой, Е. В. Поздняковой, А. П. Титаренко, М. А. Яковлевой.

Правовую основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также

профильное федеральное законодательство, регулирующее общественные отношения в сфере защиты гражданских прав и осуществление превентивной деятельности, в том числе: федеральные законы от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», а также иные подзаконные нормативные правовые акты, включая постановления Правительства Российской Федерации.

Эмпирическую базу исследования составили:

1) статистические сведения Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее - ГИАЦ МВД России) за период 2016–2025 гг. в сфере состоянии преступности: статистические отчеты по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет преступности»;

2) статистические сведения ГИАЦ МВД России за период 2016–2025 гг. о лицах, совершивших преступления: статические отчеты по форме № 429 (2-ЕГС) «Сведения о лицах, совершивших преступления»;

3) статистические сведения ГИАЦ МВД России за период 2016–2025 гг. о рассмотрении органами внутренних дел сообщений о преступлениях: статистические отчеты по форме № 2-Е (МВД) «Сведения о рассмотрении сообщений о преступлениях»;

4) статистические сведения Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о состоянии судимости в Российской Федерации за период 2016–2025 гг.;

5) результаты изучения материалов 141 уголовного дела по преступлениям, предусмотренным статьей 330 УК РФ, рассмотренных судами Российской Федерации в период с 2016 по 2025 г.;

6) результаты опроса 206 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, (в том числе опрошенных - 109 следователей и 97 дознавателей);

7) результаты контент-анализа и дискурс-анализ репрезентативных информационных ресурсов органов публичной власти, материалов средств массовой информации и контента информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» по теме исследования.

Научная новизна исследования заключается в разработке криминологической концепции самоуправства, позволившей сформировать целостное научное представление о социально-правовой природе данного деяния, его криминологической характеристике и системе мер предупреждения. Использование авторского теоретико-методологического подхода к исследованию самоуправных действий позволило установить специфику их проявлений, закономерности детерминации и ситуационные особенности совершения таких действий. Уточнена криминологическая характеристика личности лица, совершающего самоуправство, раскрыта специфика его мотивационной сферы. Установлен и систематизирован комплекс объективных и субъективных факторов детерминации самоуправства, а также выявлена прямая связь между недостатками правоприменительной практики и дефектами правосознания участников имущественных и иных правоотношений. Разработана криминологическая характеристика ситуации совершения самоуправства, установлены закономерности ее формирования и реализации, что в комплексе с научным знанием о личности преступника и детерминации его преступного поведения позволило представить типовые модели механизма совершения самоуправства. Научную новизну конкретизирует разработанная автором многоуровневая система общесоциальных, специально-криминологических и индивидуальных мер предупреждения данного преступления.

Научную новизну диссертационного исследования подтверждают **основные положения, выносимые на защиту:**

1. На основе авторского многоуровневого междисциплинарного методологического подхода, интегрирующего нормативную, фактическую и криминологическую познавательные модели, установлена социально-правовая природа самоуправства как криминального феномена, определяющая необходимость рассматривать его в качестве исторически сложившейся и устоявшейся самостоятельной криминальной практики разрешения имущественных споров и противоправной реализации собственного имущественного интереса или интересов третьих лиц.

2. Обоснована необходимость изменения законодательного подхода к систематизации уголовно-правовой нормы о самоуправстве и ее переноса в главу 21 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против собственности». Данное решение обусловлено исключительно имущественным характером самоуправных действий, которые не затрагивают вертикальные (субординационные) отношения в сфере государственного управления, а нарушают установленный порядок осуществления вещных и обязательственных прав субъектов гражданского оборота, посягая на право собственности иных лиц. Изменение родового объекта позволит точнее отразить направленность посягательства, обеспечить приоритетную охрану права собственности, повысить качество квалификации деяния и снизить уровень его латентности.

3. Состояние самоуправства характеризуется имеющими место на фоне снижения количества регистрируемых преступлений тенденциями уменьшения количества выявленных лиц, совершивших преступления и доли предварительно расследованных деяний, а также тенденцией возрастания доминирующей в структуре самоуправства доли его насильственного вида. Установлено, что в суды направляются уголовные дела лишь по каждому четвертому зарегистрированному факту самоуправства, а осуждается только каждое второе выявленное лицо. Указанное свидетельствует о наличии трудностей в деятельности органов внутренних дел по выявлению и расследованию данного преступления. Два из трех преступлений остаются латентными, что обусловлено

преимущественно правовыми и организационными дефектами правоприменения.

4. Специфика мотивационной структуры личности преступника, заключается в том, что в основе его поведения лежит субъективно воспринимаемая потребность в восстановлении действительного или предполагаемого права (как собственного, так и третьих лиц) и убежденность в легитимности своих притязаний. При этом самоуправство совершается как устойчиво криминализированными лицами, так и лицами, которые в условиях конкретной конфликтной ситуации избирают незаконный способ реализации субъективного права.

5. Ключевыми детерминантами самоуправства выступают нормативная неопределенность границ правомерной самозащиты гражданских прав и несовершенство уголовно-правовой регламентации ответственности за самоуправство, порождающие проблемы правоприменительной практики и способствующие формированию на массовом уровне дефектов правосознания граждан, включая установку на допустимость использования неюрисдикционных и принудительных способов одностороннего разрешения имущественных споров.

6. Механизм совершения самоуправства представлен двумя моделями:

- ситуационно-конфликтная модель - характеризуется возникновением умысла непосредственно в ходе конфликта или внезапно сложившейся ситуации; переход к изъятию или удержанию имущества обусловливается отказом потерпевшего выполнить требование, оспариванием притязания, уклонением от исполнения обязательства или иным конфликтным поведением; самоуправство при данной модели имеет преимущественно реактивный характер, выступает результатом эскалации непосредственного взаимодействия виновного и потерпевшего и отличается высокой вероятностью применения насилия;

- инструментально-принудительная модель - характеризуется принятием решения о самовольной реализации действительного или предполагаемого права до начала непосредственных преступных действий; изъятие или удержание

имущества заранее избирается виновным в качестве средства взыскания долга, получения платы или компенсации, обеспечения исполнения обязательства, защиты интересов третьих лиц либо иного принуждения потерпевшего; этой модели свойственны целенаправленность действий, возможность предварительной подготовки, выбора благоприятной обстановки и привлечения соучастников.

Выделение указанных моделей обладает высоким прогностическим потенциалом и ориентирует правоохранительные органы на дифференцированное применение мер предупреждения самоуправных посягательств.

7. Определены концептуальные основы предупреждения самоуправства, направленные на нивелирование межотраслевого дисбаланса между охранительными институтами публичного права и регулятивными нормами частного права. В целях повышения превентивного потенциала правовых и правоприменительных средств обоснована необходимость реализации комплекса мер:

- нормативного закрепления в гражданском законодательстве императивного запрета на ограничение правомочий собственника в порядке самозащиты гражданских прав вопреки его воле, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом;

- законодательной конкретизации конструктивных признаков диспозиции уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за самоуправство, в части ограничения оценочного характера признаков самого деяния и его общественно опасных последствий;

- построения организационно-управленческой модели цифрового правового просвещения населения на базе интеграции государственного портала «ВПРАВЕ.РФ» с Единым порталом государственных услуг в сочетании с развитием институтов досудебной медиации и бесплатной юридической помощи.

8. Сконструирован межведомственный механизм предупреждения самоуправства, направленный на двухуровневую нейтрализацию детерминант преступного поведения, своевременное выявление криминогенных рисков на ранних стадиях и недопущение трансформации гражданско-правовых деликтов в уголовно наказуемые деяния. На информационно-аналитическом уровне предусмотрена интеграция потенциала предиктивного анализа (на базе единой цифровой платформы) ведомственных цифровых массивов ГИАЦ МВД России, ГАС «Правосудие» и ФССП России в целях раннего выявления признаков криминогенной эскалации имущественных споров. На правоприменительном уровне разработана система оптимизации превентивных механизмов, включающая:

- регламентацию обязанности судов по незамедлительному направлению в правоохранительные органы материалов, содержащих признаки противоправного принуждения, установленных в ходе гражданского или арбитражного судопроизводства;

- нормативное закрепление обязанности органа предварительного расследования выносить официальное уведомление о недопустимости самоуправных действий, выступающего обязательным приложением к постановлению об отказе в возбуждении уголовного дела по фактам имущественных конфликтов;

- расширение практики применения сотрудниками ФССП России мер административной и уголовно-правовой юрисдикции;

- более активную реализацию надзорных полномочий прокуратуры и мер реагирования в отношении должностных лиц органов внутренних дел и ФССП России в целях пресечения фактов несвоевременного и ненадлежащего реагирования на первичные обращения граждан.

9. Разработан комплексный подход к индивидуальному предупреждению самоуправства, направленный на нейтрализацию деформаций правосознания и криминогенной мотивации участников конфликта посредством дифференцированного, в зависимости от доминирующих субъективных

факторов детерминации преступного поведения и стадий конфликта, применения превентивных мер (профилактики, содействия, ограничения, контроля, стимулирования), а также использования информационных карт безопасного поведения участников имущественного спора и содействия реализации процедур досудебного примирения.

В рамках предложенного подхода обосновано доктринальное положение, согласно которому сознательное игнорирование лицом официального предостережения о недопустимости совершения правонарушений и продолжение им противоправных действий выступают юридическим критерием, опровергающим доводы субъекта о добросовестном заблуждении относительно наличия у него законного права. Указанный критерий *позволяет* достоверно устанавливать признаки субъективной стороны состава преступления, разграничивая уголовно наказуемое самоуправство и смежные гражданско-правовые деликты.

Теоретическая значимость исследования заключается в развитии криминологического учения о самоуправстве как самостоятельной форме преступного поведения, возникающей на стыке уголовно-правовых, административно-правовых, гражданско-правовых, социально-психологических и организационно-управленческих отношений. Сформулированные в работе выводы вносят вклад в развитие криминологии и иных смежных отраслей юридической науки, расширяя доктринальные представления о социально-правовой природе самоуправства, его объекте, механизме совершения, факторах детерминации, личности преступника, роли жертвы и особенностях криминогенной ситуации. Полученные результаты способствуют уточнению места самоуправства в системе преступлений, связанных с незаконной реализацией имущественных интересов, и имеют значение для дальнейшего развития криминологической теории предупреждения преступности, уголовно-правовой доктрины об объекте преступления, а также теории детерминации и механизма преступного поведения.

Разработанные автором модели механизма совершения самоуправства могут быть использованы в последующих научных исследованиях насильственной, имущественной и ситуационной преступности, а также способствуют развитию методологии криминологии в части типизации преступлений. Научные выводы о специфике детерминации самоуправства углубляют научные представления о влиянии правовой неопределенности, дефектов правоприменения, процессов цифровизации, деформации правосознания и виктимологического фактора на формирование криминальной мотивации и механизм преступного поведения. Тем самым исследование создает теоретическую основу для дальнейших научных изысканий в сфере уголовно-правовой и криминологической охраны участников имущественных отношений от преступных посягательств.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его выводов и предложений в следующих сферах:

- в правотворческой деятельности - при совершенствовании норм уголовного законодательства, в части изменения систематизации, оптимизации санкций и конкретизации признаков состава преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, а также при совершенствовании гражданско-правового регулирования пределов самозащиты гражданских прав;

- в правоприменительной деятельности правоохранительных и иных государственных органов – при разработке ведомственных нормативных правовых актов, методических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию самоуправства (включая деяния, совершаемые с использованием цифровых технологий); при внедрении алгоритмов раннего выявления имущественных конфликтов, программ превентивного межведомственного взаимодействия, а также официальных предостережений о недопустимости совершения правонарушений;

- в профилактической деятельности – при реализации разработанного автором алгоритма индивидуальной профилактики самоуправства, механизмов досудебного урегулирования споров, оказания квалифицированной

юридической помощи и минимизации рисков виктимного поведения потенциальных потерпевших;

- в образовательной и научно-методической деятельности - при преподавании курсов криминологии, уголовного права, криминалистики, профильных спецкурсов по предупреждению преступлений и административных правонарушений; при подготовке учебных и методических пособий, лекционных курсов и программ повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена его методологической обоснованностью, основывающейся на фундаментальных положениях теории уголовного права и криминологии, а также комплексным применением апробированных методов познания. Достоверность выводов подтверждается опорой на репрезентативную эмпирическую базу, привлечением широкого круга нормативных правовых актов, монографических и диссертационных исследований, а также сопоставлением полученных результатов с результатами смежных отраслевых исследований.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования нашли свое отражение в 9 научных статьях, 6 из которых опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (общий объем – 6,3 п. л.).

Результаты исследования докладывались и обсуждались на научно-практических конференциях различного уровня: международных научно-практических конференциях «Уголовная политика и культура противодействия преступности» памяти профессора В. Е. Квашиса (г. Краснодар, 2024, 2025 гг.), «Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра» (г. Санкт-Петербург, 2025, 2026 гг.), «Актуальные проблемы уголовно-правовой науки в современных условиях» (г. Москва, 2026 г.); всероссийских научно-практических конференциях «Криминологическая политика и практика противодействия»

преступности памяти профессора кафедры В. А. Уткина (г. Москва, 2025 г.), «Региональные особенности противодействия организованной преступности и экстремизму» (г. Ставрополь, 2026 г.).

Результаты диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность ... , а также в учебный процесс Юго-Западного государственного университета.

Структура исследования определена целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих девять параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ГЛАВА 1
САМОУПРАВСТВО КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

§ 1. Теоретико-методологические основы исследования самоуправства

Теоретико-методологическое осмысление самоуправства в рамках криминологического исследования предполагает отказ от упрощенного восприятия данного феномена как частного случая нарушения установленного порядка совершения определенных действий. Подобный формально-юридический подход ограничивается рамками нормативного конструирования состава преступления. Будучи основанным исключительно на диспозиции статьи 330 УК РФ, такой подход не позволяет в полной мере раскрыть комплексную социально-правовую природу рассматриваемого явления и препятствует выработке научно обоснованной модели его предупреждения[6].

В доктрине уголовного права и криминологии самоуправство рассматривается как противоправная форма поведения, нарушающую установленный нормативными правовыми актами порядок регулирования общественных отношений[7]. Сущность данного деяния заключается в том, что субъект, совершая активные действия, уклоняется от соблюдения нормативно регламентированного порядка реализации или защиты своих действительных или предполагаемых прав, прибегая к неправомерным способам их принудительного осуществления. Тем самым происходит подмена легальной правовой формы разрешения спора актом внеправового принуждения с целью достижения желаемого материального или иного результата.

---

[6] См.: Сурков И.К. Уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 4.

[7] См.: Горбунова Л.В. К вопросу об определении наличия состава самоуправства // Марийский юридический вестник. 2015. № 4 (15). С. 67; Касницкая И.Ю. Уголовно-правовая характеристика самоуправства и его отграничение от смежных составов преступлений // Научно-методический электронный журнал Концепт. 2017. № Т 31. С. 1431.

В этом проявляется социально-правовое противоречие самоуправства: обусловленное внешними и внутренними факторами стремление субъекта к осуществлению действительного или предполагаемого права по своему содержанию и способу реализации выступает отрицанием права как нормативно организованного порядка разрешения социальных конфликтов. Именно поэтому комплексное криминологическое исследование самоуправства не может ограничиваться рамками анализа состава преступления и формальным разграничением со смежными деяниями.

В этой связи методология диссертационного исследования должна обладать не только описательным, но и объяснительным потенциалом. Это позволит детально раскрыть механизм преступного поведения: от возникновения материально-правового спора до его трансформации в уголовно наказуемое деяние. Подобный подход дает возможность установить, почему такая трансформация воспринимается субъектом как допустимая или оправданная, а также выявить причины, по которым государственные и общественные институты оказываются неспособными своевременно его предупредить.

Современные криминологические исследования демонстрируют устойчивую тенденцию к формированию многоуровневой методологии, сочетающей философские основания, общенаучные подходы, специально-юридические, статистические, социологические и иные методы познания. При этом специфика самоуправства обусловливает то, что рецепция сложившегося методологического инструментария без его специальной адаптации оказывается гносеологически недостаточной. Обоснованной является позиция А. Н. Варыгина, согласно которой задача исследователя должна заключаться не только в выявлении актуальных особенностей отдельных видов преступности и определения тенденций их развития, но и в разработке новых, эффективных мер

их предупреждения, отвечающих как современному уровню развития науки и техники, так и состоянию общества[8].

Самоуправство выступает не изолированным преступлением, а прямым следствием социально-правового конфликта. Последний может быть вызван спором о праве, владении, пользовании или распоряжении имуществом, исполнении обязательств, порядке доступа к благу и иными разногласиями. Именно поэтому методология исследования природы самоуправства требует реализации интегративного подхода, предполагающего применение виктимологического, институционального и межотраслевого анализа. Игнорирование данных аспектов влечет за собой упрощение сущности самоуправного поведения, неоправданно низкую оценку его общественной опасности и сведение рассматриваемого феномена к уровню бытового правонарушения, тогда как в действительности он отражает комплекс деформаций правового и социального порядка.

Фундаментальным основанием исследования природы самоуправства выступает диалектический метод познания. Следует согласиться с тем, что данный метод позволяет изучить феномен преступности в динамике его развития и социального познания[9]. Значение диалектики определяется тем, что рассматриваемое деяние по своей внутренней структуре носит выраженный противоречивый характер. С одной стороны, субъект апеллирует к праву, справедливости, законному интересу либо необходимости восстановления нарушенного положения и возвращения принадлежащего ему блага. С другой стороны, способ реализации этой цели характеризуется игнорированием установленной государством формы защиты и осуществления прав. Применение данного подхода позволяет выявить противоречие между индивидуальной моделью поведения субъекта и установленным порядком разрешения споров.

[8] Варыгин А.Н. Современные аспекты методологии проведения прикладного криминологического исследования // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 164, кн. 4. С. 116.

[9] См.: Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. 2015. № 2. С. 131.

При таком рассмотрении становится очевидным, что общественная опасность самоуправства заключается и в самом игнорировании принципа обязательности правовой процедуры как формы существования права. Диалектический метод также позволяет раскрыть механизм совершения самоуправства, игнорирование динамики и закономерностей функционирования которого существенно обедняет криминологическую характеристику исследуемого деяния.

Исторический подход позволяет изучать самоуправство с точки зрения временной динамики развития данного явления[10]. Вместе с тем детерминация самоуправных действий не ограничивается исключительно действующим законодательством или организационно-правовыми недостатками – факторы ее генезиса коренятся в традиционных деформациях правосознания. Неформальные и силовые способы разрешения конфликтов на протяжении длительного времени воспринимались в обществе как допустимые, а в некоторых случаях и в качестве альтернативы судебной защите. Подобные стереотипы нельзя отождествлять с преступностью, однако именно они создают социально-психологические предпосылки, при которых самоуправное поведение получает субъективное оправдание.

Уголовно-правовой и криминологический анализ динамики и этапов развития самоуправства представлен в трудах отечественных исследователей[11]. Однако трансформация данного феномена в современных условиях развития имущественного оборота и цифровизации требует непрерывного

[10] См.: Коваленко Е.А. Методология криминологического исследования имущественного насилия // Методология и методики проведения криминологических исследований М54 и экспертиз (Долговские чтения): сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 21–22 марта 2024 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев; [сост. М.В. Ульянов, Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации; Рос. криминолог. ассоц. М., 2024. С. 82.

[11] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 27 с.; Ванеев С.У. Уголовная ответственность за самоуправство по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 25 с.; Витман Е.В. Самоуправство: проблемы квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 27 с.; Капканов В.И. Уголовная ответственность за самоуправство: проблемы законодательной регламентации и квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2006. 26 с.; Кошкин А.В. Ответственность за самоуправство по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 24 с.; Пинягина Е.С. Уголовно-правовая оценка самоуправства: ст. 330 УК РФ: дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2026. 200 с.; Сурков И.К. Самоуправство (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2006. 20 с.; Титенков И.П. Уголовная ответственность за самоуправство: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. 22 с.

совершенствования научно-методологической базы. Научный аппарат должен учитывать данную эволюцию, гарантируя соответствие теоретических выводов реальным криминологическим вызовам.

Для изучения сложных правовых явлений, таких как самоуправство, необходимо применение методологии, позволяющей выявить взаимодействующие факторы[12]. На общенаучном уровне основное значение для исследования самоуправства имеет системный подход. Его применение обусловлено тем, что рассматриваемый феномен существует не изолированно, а в системной взаимосвязи с другими социальными явлениями и процессами[13]. В рамках системного анализа самоуправство подлежит исследованию в трех основных аспектах: как элемент механизма осуществления и защиты субъективных гражданских прав; как часть системы преступности, находящаяся в тесной связи с посягательствами на собственность, личность, сферу экономической деятельности и правосудие; как объект системы предупреждения преступности, в которой общесоциальные, специально-криминологические и индивидуальные меры образуют функционально связанную конструкцию.

Системный подход позволяет выявить, что самоуправство посягает на установленный порядок осуществления прав, дестабилизирует имущественный оборот, при насильственной форме угрожает здоровью и безопасности личности. Сложная структура поражаемых социальных связей требует отказа от узкого формального подхода к анализу самоуправства исключительно как посягательства на порядок управления[14].

---

[12] См.: Коваленко Е.А. Методология криминологического исследования имущественного насилия // Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения): сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 21–22 марта 2024 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев; [сост. М.В. Ульянов, Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации; Рос. криминолог. ассоц. М., 2024. С. 78-85.

[13] См.: Колченогова О.П. Системно-структурный подход методологии в криминологии // Социально-экономические и правовые исследования. 2018. № 2(52). С. 82-90; Нагаева А.И. Возможности и пределы использования системного подхода в криминологических исследованиях // Наука и современность. 2015. С. 266-270; Игнатов А.Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97-104.

[14] См.: Чапчиков С.С. Общественная опасность самоуправства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 143-151.

Особого внимания заслуживает связь системного подхода с определением места самоуправства в структуре Особенной части уголовного закона. Для криминологического анализа принципиально не только легальное размещение состава, но и реальное содержание охраняемых отношений, образующих основу общественной опасности данного посягательства. Поскольку в основе самоуправного поведения лежит имущественный интерес, реализуемый вопреки законному порядку урегулирования споров, оно неразрывно связано с посягательствами как на собственность, так и на сферу правосудия[15]. Указанное обстоятельство имеет определяющее значение для формулирования выводов о сущности рассматриваемого деяния и его научно обоснованного размещения в структуре Особенной части уголовного законодательства.

Важным методологическим основанием исследования самоуправства выступает деятельностный подход. Рассматриваемое деяние не может быть полноценно осмыслено вне процесса его совершения. Самоуправство представляет собой не статическую юридическую конструкцию, а особый вид целенаправленной противоправной деятельности, структура которой охватывает мотив, цель, предмет притязания, способ, средства, этапы реализации и конкретный результат. В рамках деятельностного подхода самоуправство исследуется как внеправовая форма достижения интереса в обход нормативно установленных механизмов урегулирования спора. В этой перспективе преступное поведение предстает как последовательность волевых актов: субъект оценивает действительное или предполагаемое право, соотносит его с фактической ситуацией, принимает решение о допустимости непосредственного принудительного воздействия и сознательно отказывается от официальных юридических процедур, воспринимая их как препятствие реализации своих интересов.

Деятельностный анализ особенно важен потому, что самоуправство субъективно не воспринимается лицом в качестве уголовно наказуемого деяния.

[15] См.: Чапчиков С.С. Место самоуправства в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2025. № 3. С. 40-45.

В его сознании оно интерпретируется как способ восстановления нарушенных прав. Поэтому исследование генезиса самоуправства требует анализа внутренних механизмов формирования убежденности субъекта в правомерности своих действий. Следует учитывать позицию Ю. М. Антоняна, который отмечает, что необходимо исследовать не отдельные аспекты преступного поведения, а исследовать его как вид человеческой деятельности[16]. В данном случае деятельностный подход выступает одновременно теоретическим ядром и онтологической категорией, объясняющей сущность и мотивацию поведения преступника[17].

При анализе потенциала деятельностного подхода в исследовании природы самоуправства следует учитывать разработанную С. В. Шевелевой концепцию свободы воли и принуждения в уголовном праве[18]. Она позволяет объяснить специфику психологического механизма, при котором субъект умышленно выбирает противоправный способ принудительного осуществления притязаний при наличии законных механизмов.

Логическим дополнением деятельностного анализа выступает структурно-функциональный подход. Его применение позволяет выявить функции самоуправства и причины его воспроизводства в качестве устойчивой противоправной практики. В субъективном плане самоуправное поведение является средством оперативного достижения результата, минимизации временных и материальных издержек, преодоления правовой неопределенности, а также навязывания собственной воли контрагенту и демонстрации статуса и силы. Напротив, в объективном социальном плане данный феномен носит выраженно дисфункциональный характер, поскольку разрушает доверие к правовым институтам, нормализует в общественном сознании практику незаконного принуждения, усиливает конфликтность и формирует

[16] Антонян Ю.М. Методологические проблемы в криминологии // Труды Института государства и права РАН. 2024. Том 19. № 2. С. 163.
[17] См.: Каменецкий Ю.Ф. Деятельностный подход в методологии исследования следственной профилактики // Предварительное расследование. 2020. № 1. С. 59.
[18] См.: Шевелева С.В. Концепция свободы воли и принуждения в уголовном праве: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 248 с.

представление о факультативности судебной защиты. Функциональный анализ самоуправства также позволяет установить, какие именно институциональные недостатки детерминируют выбор субъектом неправомерной модели поведения. Снижение эффективности исполнения судебных актов, доступности квалифицированной юридической помощи и длительность судебного производства повышают вероятность выбора самоуправства в качестве практически эффективного инструмента.

Вместе с тем применение исключительно философских и общенаучных подходов познания не исчерпывает методологических задач исследования самоуправства. Специфика данного преступления требует привлечения специального криминологического инструментария, ключевым элементом которого выступает конфликтологический подход[19]. Теория конфликта исходит из того, что в обществе нет и не может быть единства и согласия в отношении его базовых ценностей. Криминогенные конфликты в сфере самоуправства имеют свои особенности, связанные с тем, что конфликт в данном случае выступает не внешним детерминирующим фактором, а структурным ядром преступления. Без глубокого анализа природы данного конфликта, его субъектного состава, предмета, стадий развития и предшествующих попыток урегулирования невозможно раскрыть механизм совершения самоуправства и выстроить эффективную систему его предупреждения. Конфликтологическая парадигма позволяет интерпретировать уголовно наказуемое самовольное деяние как стратегию разрешения спора, при которой одна из сторон отказывается признавать обязательность юридической процедуры и навязывает другой стороне фактическое решение спора.

Методологическая ценность конфликтологического подхода обусловлена тем, что самоуправные действия связаны с непосредственным выходом субъекта за рамки правового поля при разрешении спора. В конкретной ситуации субъект располагает широким спектром форм и средств защиты: переговоры, медиация,

[19] См.: Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк: учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ДГСК МВД России, 2019. С. 115-116.

договорные механизмы, судебная защита, исполнительное производство, административное обжалование или обращение в правоохранительные органы. Переход к самоуправным действиям означает не просто совершение преступления, а системный кризис правовой коммуникации сторон. В связи с этим криминологический анализ должно быть направлен на установление этапов, на которых конфликт утрачивает правовую форму разрешения. Исследованию подлежат факторы детерминации, побуждающие лицо к отказу от законных процедур[20].

С конфликтологическим подходом тесно связан виктимологический анализ, поскольку потерпевший в механизме самоуправства редко является пассивным объектом преступного посягательства. Его правовая неосведомленность, зависимость, неспособность к своевременной защите своих интересов, а также предшествующее поведение в конфликте формируют специфическую ситуацию совершения преступления. В этих условиях самоуправное воздействие воспринимается преступником как наиболее эффективный способ разрешения спора. Виктимологический подход необходим не для «перераспределения» уголовной ответственности, а для установления механизмов включения потерпевшего в предкриминальную ситуацию. Особое значение имеет исследование уязвимых социальных групп с повышенной виктимностью. Следовательно, предупреждение самоуправства требует не только снижение криминогенного потенциала личности правонарушителя, но и минимизации виктимогенности межличностных ситуаций.

Важным элементом методологии исследования самоуправства выступает ситуационный подход как методологическая концепция, структура которой на основе интегрированных положений теорий вероятности, ситуационного моделирования, версионного анализа, рефлексивного мышления, криминалистической диагностики и других форм синтезированного знания обеспечивает разрешение теоретических и практических проблем для целей

[20] См.: Чапчиков С.С. Субъективные факторы детерминации самоуправства // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 2. С. 164-172.

эффективного правоприменения[21]. Самоуправное поведение преимущественно реализуется в условиях правового конфликта при достижении им высокой степени интенсивности, когда субъект считает возможным немедленное самовольное вмешательство. Поэтому исследование должно учитывать пространственно-временные и коммуникативные особенности конкретной ситуации: степень публичности конфликта, присутствие очевидцев, доступность легальных механизмов защиты, эмоциональное состояние участников, а также применение физического насилия и угроз. Ситуационный анализ позволяет дифференцировать заранее спланированные самоуправные действия, обусловленные устойчивой криминальной установкой личности, и ситуативные действия, вызванные сочетанием обстоятельств в ходе спора. Кроме того, именно через призму криминогенной ситуации раскрывается механизм интеграции объективных и субъективных факторов детерминации в конкретном преступном деянии.

Принципиально важным является институциональный подход. Его применение обусловлено тем, что детерминация самоуправства не исчерпывается характеристиками личности преступника или динамикой межличностного конфликта. В значительном числе случаев оно выступает индикатором недостаточной эффективности механизмов и органов, призванных обеспечивать разрешение споров и эффективную защиту нарушенных прав. Судебная система, исполнительное производство, правоохранительные органы, институты квалифицированной юридической помощи, механизмы медиации и досудебного урегулирования формируют правовую среду, качество функционирования которой может выступать фактором криминализации конфликта. Негативное восприятие гражданами указанных структур ввиду их чрезмерного формализма, длительности процедур, высоких издержек или низкой эффективности обуславливает выбор самовольного способа защиты своего права

[21] См.: Комаров И.М., Пономаренко Н.Ю., Ян Е.И. Ситуационный подход как научно-практическая категория криминалистики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. С. 104-114.

как утилитарно целесообразного. В этом смысле самоуправство представляет собой не только проявление индивидуальной криминогенности, но и закономерное следствие институциональных дефектов.

Применение институционального подхода позволяет интегрировать в рамки исследования проблему самозащиты права, поскольку значительная часть самоуправных посягательств субъективно мотивируется виновным как вынужденное осуществление права на защиту нарушенного интереса. Однако правовая природа самозащиты, пределы допустимого фактического воздействия, соотношение юрисдикционной и неюрисдикционной форм защиты гражданских прав, а также критерии правомерности остаются дискуссионными как в доктрине, так и в правоприменении[22]. В результате правомерная самозащита, злоупотребление правом, превышение пределов допустимого поведения и уголовно наказуемое самоуправство тесно соприкасаются. Методологически это обуславливает необходимость специального анализа дефектов функционирования института самозащиты[23]. Неоднозначность его доктринального понимания, несовершенство нормативной регламентации, противоречивость судебной практики и низкая правовая культура граждан выступают детерминантами самоуправного поведения.

Специфика самоуправства обуславливает необходимость межотраслевого правового анализа, поскольку данное деяние формируется на стыке процессуального и таких отраслей материального права, как уголовное, гражданское и административное. Оценка его признаков невозможна без обращения к регулятивным нормам, определяющим содержание притязаний сторон, законность их обязательств и пределы правомерной самозащиты. Межотраслевая методология необходима для минимизации судебно-следственных ошибок, когда самоуправство необоснованно сводится к

[22] См.: Зуева Ю.В. Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника): автореф. дис. канд … юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 28 с.

[23] См.: Чапчиков С.С. Дефекты функционирования института самозащиты как социально-правовой фактор детерминации самоуправства // Уголовная политика и культура противодействия преступности: Материалы Международной научно-практической конференции памяти профессора В.Е. Квашиса, Краснодар, 20 сентября 2024 года. Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2024. С. 429-433.

гражданско-правовому спору или смешивается с административным проступком[24].

Учитывая проблему латентности самоуправства[25], методология исследования данного вида преступного поведения должна исходить из презумпции неполноты официальной уголовной статистики[26] и необходимости комплексного изучения не только зарегистрированной, но и скрытой части самоуправного поведения. В этой связи криминологический методологический инструментарий должен включать в себя методы анализа статистических данных, изучения материалов уголовных дел, а также метод экспертных оценок.

Детерминация самоуправного поведения связана не только с институциональными дефектами, но и с устойчивыми представлениями о допустимости фактического принуждения как средства защиты частного интереса. В информационном обществе такие представления активно воспроизводятся в цифровом пространстве. Медийная сфера способствует широкому распространению и ложному оправданию неправомерных практик самостоятельного взыскания задолженности, принудительного выселения, ограничения доступа к имуществу, диффамации и незаконного использования персональных данных в качестве инструментов принуждения. Поэтому криминологическое исследование самоуправства должно учитывать деструктивное влияние цифровой среды, которая снижает уровень общественной нетерпимости к данному преступлению и укрепляет стереотип о факультативности законного порядка по сравнению с актами фактического воздействия. Методологически данная задача предопределяет необходимость применения методов контент-анализа и дискурс-анализа средств массовой коммуникации.

---

[24] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 05.05.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). Ст. 1.

[25] См.: Чапчиков С.С. Организационно-правовые факторы латентности самоуправства // Криминологическая политика и практика противодействия преступности (памяти профессора кафедры В.А. Уткина): Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 марта 2025 года. Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. С. 477-482.

[26] См.: Варыгин А.Н., Желудков М.А. Криминология сегодня (состояние, проблемы, развитие) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15, № 3(57). С. 64.

Эвристическим потенциалом криминологического исследования самоуправства обладает сочетание методов типологизации и моделирования. Если типологизация направлена на выделение типичных ситуаций и особенностей структуры личности преступника, то метод моделирования обеспечивает воссоздание динамики изучаемых процессов[27]. Синтез указанных методов позволяет абстрагироваться от единичных проявлений преступного самоуправного поведения и перейти к конструированию моделей механизма совершения самоуправства, которое объединяет все уровни анализа (объективные и субъективные факторы детерминации, свойства личности преступника и жертвы, а также ситуацию совершения преступления) и формированию на этой основе системы мер предупреждения данного преступления на общесоциальном, специально-криминологическом и индивидуальном уровнях.

С учетом изложенного в данном параграфе можем сделать следующие выводы.

Проведенный теоретико-методологический анализ позволяет констатировать, что самоуправство представляет собой комплексный социально-правовой феномен, научное осмысление которого не может ограничиваться рамками формально-юридического подхода. Объективная оценка его признаков требует реализации междисциплинарного интегративного подхода, сочетающего в себе исследовательский потенциал системного, деятельностного, институционального, конфликтологического и виктимологического анализа. При этом специфика преступления, выраженная в его латентности и подверженности деструктивному влиянию современной информационной среды, предопределяет необходимость применения методов типологизации и моделирования.

[27] См.: Седнев В.В. Модели в криминологии: типология и применение // Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения): Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 21–22 марта 2024 года. М.: Университет прокуратуры РФ, 2024. С. 161-168.

Внедрение указанного инструментария и разграничение нормативной, фактической и криминологических моделей самоуправства позволяет соотнести абстрактные требования правовой определенности со сложной социальной реальностью. Сформированная в параграфе методологическая установка обеспечивает последовательный переход к анализу места самоуправства в системе уголовно-правовой охраны, оценке его состояния, характеристике механизма совершения, установлению личности правонарушителя и жертвы, выявлению объективных и субъективных факторов детерминации, а также к построению научно обоснованной системы предупреждения преступления.

§ 2. Общественная опасность самоуправства и его место в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации

Современный этап развития гражданского оборота сопровождается ростом числа правовых конфликтов, возникающих вследствие ненадлежащего исполнения обязательств или неправомерного использования институтов самозащиты прав. В условиях правовой неопределенности границ дозволенного фактического воздействия участники споров нередко прибегают к принудительным способам одностороннего удовлетворения притязаний вопреки установленному законом порядку. Указанные действия могут быть связаны с воздействием на имущество потерпевшего, а также включать иные акты поведения, характеризующиеся превышением пределов самозащиты прав. Подобная практика нарушает баланс интересов сторон, дестабилизирует правопорядок и обусловливает возникновение правоприменительных трудностей при разграничении уголовно наказуемых деяний, административных проступков и гражданско-правовых деликтов. Надлежащая уголовно-правовая квалификация подобных деяний и выработка эффективных мер их предупреждения требуют анализа характера и степени общественной опасности

самоуправства, а также определения его места в системе Особенной части УК РФ.

Высокая степень востребованности научно обоснованных рекомендаций в данной сфере подтверждается результатами проведенного эмпирического исследования. Так, в ходе опроса сотрудников органов внутренних дел большинство респондентов признало криминологическое исследование самоуправства с целью выработки эффективных мер его предупреждения актуальным (59,2%) или крайне актуальным (37,4%) (см.: приложение 1).

В юридической доктрине общественная опасность рассматривается как социальный (материальный) признак преступления, выражающийся в двух формах: фактическом воздействии на общественные отношения посредством причинения вреда либо в создании угрозы наступления таких последствий[28]. Следовательно определяющее значение при оценке общественной опасности преступлений имеет их направленность на причинение вреда охраняемым объектам или создание угрозы его причинения.

В то же время отдельные исследователи полагают, что содержание общественной опасности как результата социальной оценки деяния образуют и субъективные факторы[29]. Подчеркивается, что признак общественной опасности используется законодателем применительно к конкретному деянию, а не преступлению в целом[30]. Показателями общественной опасности выступают: во-первых, ее характер, определяемый объектом посягательства и объективными признаками состава; во-вторых, ее степень, определяемая интенсивностью конкретного посягательства и размером причиненного вреда.

---

[28] См.: Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. С. 60-61; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М.: Госюриздат, 1961. С. 155-157.

[29] См.: Ковалев М.И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации. Свердловск, 1977. С. 34; Куфлева, В. Н. Проблемы общественной опасности преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2024. Т. 18, № 4(70). С. 618-627; Куфлева В.Н. Опасное состояние личности и основание уголовной ответственности: доктринально-нормативный опыт // Lex Russica (Русский закон). 2026. Т. 79. № 1 (230). С. 121-133.

[30] См.: Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета. Монография. М.: Юриспруденция, 2015. С. 48.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что общественная опасность самоуправства обусловлена не только нарушением прав конкретных граждан или юридических лиц[31], но и причинением вреда либо созданием угрозы его причинения обществу в целом[32].

Несмотря на наличие законодательного определения ответственности за самоуправство в части 1 статьи 330 УК РФ, характер и степень общественной опасности данного деяния не всегда адекватно оцениваются в правоприменительной деятельности.

Законодательное отнесение самоуправства к категории преступлений против порядка управления (глава 32 УК РФ) предопределяет понимание его видового объекта. В доктрине общественная опасность преступлений против порядка управления заключается в том, что они «посягают на социально полезную, организующую и реализующую деятельность всех органов государственной власти; противодействуют нормальной законодательно регламентированной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, подрывают основы управления, дестабилизируют работу органов правопорядка»[33].

Специфика общественной опасности самоуправства заключается в том, что реализация субъектом действительного или предполагаемого права осуществляется самовольно, вопреки указанному законом порядку. При этом именно направленность умысла на осуществление указанного права позволяет в правоприменительной практике отграничивать случаи самовольного изъятия или удержания имущества от хищения[34]. В теории уголовного права традиционно

[31] См.: Сардак Д.Б., Брагин К.С. Социальная обусловленность криминализации самоуправства // Закон и право. 2022. № 3. С. 195-197.

[32] См.: Чапчиков С.С. Общественная опасность самоуправства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 5. С. 143-151.

[33] Кузнецов А.П. Преступления против порядка управления: юридическая характеристика, проблемы классификации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 106.

[34] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

выделяют две сферы общественных отношений, выступающих объектом самоуправного посягательства – публичную и частную.

Так, по мнению Н. С. Таганцева публичный элемент самоуправства заключается «в самовольном захвате, присвоении судебной или административной власти, выражающемся в совершении таких действий, которые могут быть исполнены органом государственного управления»[35]. С другой стороны, присутствует и частный элемент, выражающийся в «нарушении прав и интересов лица, когда виновный не захватывает власть, он лишь не обращается к ней»[36].

Как указывает Е. В. Витман, рассматриваемые преступления совершаются в сфере публичного (внеслужебного) управления. При этом исследователь отмечает, что «именно частным лицом, подвластным субъектом, нарушаются те или иные правила организации общественной жизни, изданные властвующим субъектом и адресованные этому самому подвластному субъекту, а нарушение этих правил влечет за собой нарушение в той или иной форме нормальной деятельности органов публичной власти»[37].

Ряд ученых предлагают признавать непосредственным объектом самоуправства установленный порядок осуществления прав и обязанностей[38], совершения юридически значимых действий[39], а также интересы организаций или граждан, которым причиняется вред[40]. Если исходить из концепции, в соответствии с которой объектом преступления является закрепленный порядок отношений между субъектами, то представляется обоснованным утверждать, что в результате самоуправства осуществляется противоправное воздействие на нормативно установленный порядок осуществления субъективных прав как

[35] Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Санкт-Петербург, 1894. С. 309.
[36] Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Санкт-Петербург, 1894. С. 309.
[37] Витман Е.В. Самоуправство: проблемы квалификации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 11.
[38] См.: Капканов В.И. Уголовная ответственность за самоуправство: проблемы законодательной регламентации и квалификации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2006. С. 17.
[39] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 16.
[40] См.: Сурков И.К. Самоуправство (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 11.

меры возможного поведения управомоченного субъекта, включая защиту субъективного права в случае его нарушения, в результате чего причиняется существенный вред интересам потерпевшего.

Отдельные исследователи анализируют зарубежный опыт уголовно-правовой охраны порядка управления от самоуправных действий и приходят к выводу о возможности имплементации его позитивных аспектов в современную российскую норму о самоуправстве[41]. В частности, анализ кодифицированных актов бывших союзных республик позволяет констатировать, что самоуправство рассматривается большинством государств как преступление против порядка управления, за исключением отдельных стран, например, Республики Молдова, где данный состав отнесен к преступлениям против публичной власти и безопасности государства.

Анализируя законодательство стран дальнего зарубежья, ученые приходят к выводу, что самоуправные действия квалифицируются как посягательства на установленный порядок реализации отношений собственности (имущественных прав) (Италия, Швеция, Норвегия, Дания)[42]. В Швейцарии и Германии данные деяния признаются преступлениями против свободы, в Болгарии – против порядка и общественного спокойствия, а в Японии самоуправство отнесено к категории преступлений, сопряженных с угрозой[43].

В уголовном законодательстве ряда зарубежных государств не предусмотрено ответственности за самоуправство на уровне общей нормы, однако законы содержат специальные составы, в которых криминализированы отдельные аспекты самовольного осуществления лицом своего права (Австрия, Бельгия, Германия, Франция).

Учитывая существующие дискуссии относительно уголовно-правовой оценки деяний, связанных с самовольным осуществлением лицом

---

[41] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 15.

[42] См.: Ванеев С.У. Уголовная ответственность за самоуправство по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... кандид. юрид. наук. М., 2006. С. 15.

[43] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 15.

действительного или предполагаемого права, обоснованной представляется позиция И. П. Титенкова, который отмечает, что «общественная опасность самоуправства состоит не только в причинении существенного вреда установленному порядку совершения определенных действий и другим общественным отношениям, охраняемым уголовным законом, но и в том, что такой вред может носить неопределенный характер и обладает способностью качественного изменения социума»[44].

Таким образом, характер общественной опасности исследуемого преступления определяется группой общественных отношений, на которые осуществляется уголовно противоправное посягательство. В соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации, ими выступают общественные отношения, обеспечивающие установленный порядок управления.

Нарушая нормативно установленный порядок осуществления и защиты субъективных прав, лицо посягает на базовые принципы гражданско-правового регулирования, нивелирует превентивную функцию гражданского права[45]. Это актуализирует научную дискуссию о соотношении приоритетов уголовно-правовой охраны порядка управления и отношений собственности, поскольку самовольное осуществление субъективного права сопряжено с нарушением имущественных прав субъектов гражданского оборота.

Данный тезис подтверждается результатами анкетирования. В ходе экспертного опроса 206 сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации 57,7% респондентов указали, что общественная опасность самоуправства определяется прежде всего посягательством на собственность, тогда как 42,3% опрошенных отметили в качестве объекта установленный порядок управления.

---

[44] Титенков И.П. Уголовная ответственность за самоуправство: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 7.

[45] См.: Игнатов А.Н., Семенова Е.Г. Гражданско-правовые меры в системе мер противодействия преступности // Общество и право. 2018. № 1 (63). С. 30.

Самоуправные действия могут посягать и на иные сферы общественных отношений, которые, в соответствии с действующим уголовным законодательством, определяются как факультативные объекты данного преступления. Указанные отношения обладают повышенной общественной опасностью, обусловленной их экономическим содержанием и негативными социальными последствиями.

Специфика причиняемых самоуправством последствий отражена в диспозиции статьи 330 УК РФ посредством использования оценочной категории «существенный вред». При уничтожении или повреждении имущества законный владелец лишается возможности использовать объект по своему усмотрению, а восстановление прежнего состояния требует значительных материальных затрат[46]. Таким образом, общественная опасность самоуправства выражается в причинении существенного вреда имущественным интересам граждан и юридических лиц, что нарушает их конституционные права и гарантии экономической деятельности и собственности.

Также следует учитывать, что, осуществляя защиту действительных или предполагаемых прав, субъект не только создает угрозу безопасности в сфере экономики и дестабилизирует гражданский оборот, но и причиняет вред интересам правосудия. Нормативно регламентированный порядок разрешения споров предполагает соблюдение правил подсудности и установленных процессуальных процедур. При совершении самоуправства действия виновного направлены на принудительное удовлетворение притязаний, в том числе путем обращения взыскания на имущество потерпевшего вопреки порядку гражданского судопроизводства и исполнительного производства. Указанные действия ограничивают право потерпевшего на судебную защиту, выступающее гарантией всех прав и свобод субъектов гражданского оборота[47].

---

[46] Букалерова Л.А., Михневич А.В., Новиков И.Н. Уголовная ответственность за уничтожение военного имущества в России и Китае // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2025. № 9 (34). С. 10-16.

[47] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Определяя общественную опасность самоуправства, ее характер и степень, необходимо также учитывать, что законодатель дифференцирует уголовную ответственность, выделив в части 2 статьи 330 УК РФ квалифицирующий признак - совершение деяния с применением насилия или с угрозой его применения. Следовательно, реализация данного способа совершения преступления определяет причинение вреда или создание угрозы его причинения жизни и здоровью человека.

Кроме того, характер общественной опасности самоуправства определяется и общественной опасностью личности преступника, игнорирующего установленный порядок осуществления субъективных прав и избравшего преступный способ достижения целей. Особенно это касается применения виновным насилия или угрозы его применения при осуществлении самоуправных действий.

Таким образом, общественная опасность самоуправства определяется тем, что самовольные действия лица не только нарушают установленный законом порядок управления, но и способны причинить вред иным объектам уголовно-правовой охраны, обладающим высокой социальной ценностью (отношениям собственности, интересам правосудия). Реализация насильственного способа самоуправства создает угрозу причинения вреда либо непосредственно причиняет вред жизни и здоровью человека. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость точного установления места самоуправства в системе Особенной части УК РФ.

Системный анализ диспозиции части 1 статьи 330 УК РФ позволяет констатировать, что в процессе правоприменения возникают коллизионные ситуации, обусловленные в том числе недостатками законодательной техники. К ним относятся абстрактный характер описания деяния, составляющего объективную сторону данного состава, и специфики его последствий. Ситуация усложняется тем, что в широком доктринальном понимании любое преступное деяние совершается вопреки установленному правопорядку, причиняя вред или

создавая угрозу его причинения интересам граждан, организаций или государства.

Особенности объективных признаков данного состава анализировались в исследованиях С. В. Артюшкиной, А. В. Кошкина, И. П. Титенкова, а теоретико-прикладные вопросы квалификации рассматривались С. У. Ванеевым, Е. В. Витманом, И. К. Сурковым, В. И. Капкановым и другими исследователями. Однако до настоящего времени в доктрине уголовного права не достигнуто единства мнений относительно понимания объекта данной группы посягательств, а также определения точного места самоуправства в системе Особенной части УК РФ[48].

Именно объекту преступления отводится ключевая роль в разграничении смежных составов[49]. В соответствии с действующей редакцией уголовного закона самоуправство включено в главу 32 УК РФ «Преступления против порядка управления». Вместе с тем дискуссионность дефиниции родового и видового объектов рассматриваемой группы деяний обуславливает актуальность установления места самоуправства, исходя из его социально-правовой природы и характера общественной опасности.

Так, еще советские исследователи отмечали, что все преступления против порядка управления в соответствии с их характером могут быть разделены на следующие группы: а) посягательства на деятельность органов власти, а также на жизнь, здоровье или достоинство представителей власти; б) посягательства на установленный порядок ведения официальной документации; в) деяния, нарушающие специальные правила, установленные для обеспечения порядка управления (в частности, правила въезда, выезда, регистрации, подъема государственного флага)[50].

[48] См.: Чапчиков С.С. Место самоуправства в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2025. № 3. С. 40-45.

[49] См.: Дуюнов В. К. Квалификация преступлений / В. К. Дуюнов, А.Г. Хлебушкин. Москва: Риор ИНФРА-М, 2012. С. 53.

[50] См.: Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против управления. М.: Юрид. лит., 1966. С. 10–12.

Современные авторы дополняют эту систему иными группами преступлений, к которым относится или которые непосредственно составляет самоуправство, посягающими на: «порядок осуществления оспариваемых прав»[51], «нормальный порядок реализации гражданами своих прав и призыва на военную или альтернативную гражданскую службу»[52], «установленный порядок реализации прав и обязанностей граждан»[53], «авторитет государства»[54], «символы и верховенство государственной власти»[55], а также «отдельные правила, обеспечивающие порядок управления»[56]. При этом относительно содержательного наполнения каждой из групп преступлений, входящих в систему преступлений против порядка управления, в научном сообществе отсутствует единый доктринальный подход. В отношении отдельных составов преступлений, включая самоуправство, высказываются противоположные точки зрения о целесообразности их отнесения к той или иной группе. Это обусловлено сложностями в определении как видового объекта преступлений, предусмотренных главой 32 УК РФ, так и непосредственного объекта самоуправства.

Под объектом преступлений против порядка управления понимаются общественные отношения по осуществлению органами государственной власти и органами местного самоуправления законодательно закрепленных за ними функций и полномочий[57]. Учитывая видовой объект большинства преступлений, предусмотренных главой 32 УК РФ, П. А. Филипповым предложена система

---

[51] См.: Уголовное право России. Особенная часть: учебник / отв. ред. Б.В. Здравомыслов. М.: Юристъ, 1996. С. 47.

[52] См.: Морозов В.И., Скутин С.Л., Сумачев А.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления: учеб. пос. Тюмень: Тюмен. юрид. ин-т МВД России, 1999. С. 9–10.

[53] См.: Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.И. Борзенкова, В.С. Комиссарова. М.: Зерцало-М, 2002. Т. 5. С. 208–277.

[54] См.: Лобанова Л.В. Порядок управления как объект уголовно-правовой охраны и классификация преступлений, на него посягающих // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. 2012. № 1 (16). С. 104-105.

[55] См.: Егиазарян Н.А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование): монография (отв. ред. Чучаев А.И.). М.: Контракт. 2013. С. 9-10.

[56] См.: Таможник Е. Система преступлений против лиц, осуществляющих порядок управления // Законность. 2006. № 3 (857). С. 30-32.

[57] См.: Филиппов П.А. Преступления против порядка управления в отечественном уголовном праве. Монография. М.: Проспект, 2021. С. 12.

преступлений, содержащихся в разделе X УК РФ, в рамках которой обосновывается целесообразность выделения самостоятельной главы «Преступления, посягающие на осуществление органами государственной власти и местного самоуправления своих полномочий». В структуре данной главы исследователем выделяются три группы посягательств: 1) посягательства на жизнь и здоровье представителей власти и их близких; 2) посягательства на отношения, связанные с миграционным учетом (миграционные преступления); 3) посягательства на отношения, связанные с удостоверением фактов, имеющих юридическое значение, и регулирующие оборот средств идентификации. В связи с тем, что непосредственный объект самоуправства не соответствует видовому объекту разработанной главы, П. А. Филиппов аргументирует необходимость исключения статьи 330 из данного раздела. Указанное деяние квалифицируется как посягательство на интересы правосудия с последующим отнесением в главу 31 УК РФ[58].

По мнению Г. А. Агаева, преступления, предусмотренные главой 32 УК РФ, следует разделить на две группы: 1) преступления против исполнительной власти (ст. 317-323, 328 УК РФ); 2) иные преступления, предусмотренные главой 32 УК РФ (ст. 324-327, 329, 330 УК РФ), в число которых автором включено и самоуправство, как деяние, нарушающее порядок осуществления оспариваемых прав [59].

В свою очередь, О. Н. Рябченко обосновывает, что к преступлениям против порядка управления следует относить лишь некоторые из деяний, предусмотренных главой 32 УК РФ (ст. 317, 318, 319, 320, 324, 325, 326, 327, 329), которые предлагается объединить в две группы: 1) преступления против субъектов управленческой деятельности; 2) преступления против символов и знаков управления. «Общность этих деяний, - отмечает автор, - заключается в том, что, лицо их совершающее, не выполняет своих обязательств по

[58] См.: Филиппов П.А. Преступления против порядка управления в отечественном уголовном праве. Монография. М.: Проспект, 2021. С. 12.

[59] См.: Агаев Г.А. Преступления против порядка управления: проблемы теории и практики / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб, 2005. С. 21-22.

субординации в рамках управленческих отношений и отчетливо демонстрирует негативное отношение к государству»[60]. Относительно самоуправства О. Н. Рябченко предлагает переместить указанный состав в главу 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина».

В контексте анализа места самоуправства в системе Особенной части уголовного закона значимым является исторический аспект развития ответственности за данное преступление. В Артикуле воинском 1715 года наказание устанавливалось за «самовольство», под которыми понимались любые действия, направленные на ограбление, совершаемые «без указу», «без позволения», а также самовольные действия в отношении недвижимости и ее владельца[61]. Данное деяние определялось как преступление против государственной власти.

Позднее в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года самоуправство стало рассматриваться в качестве преступления против порядка управления. Согласно данному акту, самоуправно действовал тот, «кто и в случае оказанной ему како-либо несправедливости, или же неисполнения законных его требований, вместо того, чтобы просить об удовлетворении надлежащим установленным на то порядком, употребит для этого самовольно какие-либо, соединенные с насилием, меры» (ст. 300)[62]. С принятием в Российской империи в 1864 году Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, самоуправство было отнесено к преступлению против личной безопасности (ст. 142)[63].

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 года уголовная ответственность за самоуправство была предусмотрена статьей 103, определяющей данное деяние как «самовольное осуществление кем-либо своего действительного или предполагаемого права, совершенное с нарушением такого же права другого

---

[60] Рябченко О.Н. Преступлений против порядка управления. Система, теория, компаративистика. Монография. М.: Зерцало-М, 2016. С. 134.

[61] См.: Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984-1994. Т. 4. С. 327-330.

[62] См.: Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984-1994. Т.6. С. 300.

[63] См.: Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984-1994. Т.8. С. 409.

лица»[64]. Указание в норме на «действительное или предполагаемое право» было сохранено в Уголовном кодексе РСФСР 1926 года и Уголовном кодексе РСФСР 1960 года. Однако в статье 90 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года диспозиция данной нормы была дополнена признаками совершения деяния «помимо установленной власти», а также оспаривания его правомерности «другим лицом»[65].

В статье 200 Уголовного кодекса РСФСР 1960 года формулировка была дополнена признаком совершения действий «с нарушением установленного законом порядка», а также последствием в виде «причинения существенного вреда гражданам либо государственным или общественным организациям»[66]. Во всех уголовных кодексах советского периода нормы о самоуправстве традиционно включались в разделы (главы) о преступлениях против порядка управления.

Проведенное исследование показывает, что уголовно-правовая регламентация ответственности за самоуправство эволюционировала от преимущественной охраны имущественных отношений до конструирования состава преступления против порядка управления. Таким образом, исторический анализ свидетельствует о том, что в отечественных памятниках права традиционно признавался имущественный характер вреда от самоуправных действий. Вместе с тем в отнесении данного состава к преступлениям против порядка управления прослеживается преемственность исторических традиций отечественного правотворчества.

По нашему мнению, состав самоуправства имеет собственную правовую специфику, определяемую действиями виновного лица, которые нарушают не столько установленный в государстве порядок управления в целом, сколько нормативно регламентированный порядок осуществления и защиты

---

[64] См.: Уголовный кодекс РСФСР. Офиц. изд. М.: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1925. С. 24.

[65] См.: Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года: С изменениями до 1 марта 1929 г. / РСФСР. Офиц. изд. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. С. 31

[66] См.: Уголовный кодекс РСФСР. Офиц. текст с изменениями на 1 декабря 1963 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. М.: Юрид. лит., 1964. С. 83.

субъективных (и прежде всего, имущественных) прав. Правильность такого понимания социально-правовой природы самоуправства подтверждается и сложившейся правоприменительной практикой.

Так, анализ судебной практики (см.: приложение 2) показывает, что типичными ситуациями совершения преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, являются:

– изъятие имущества у должника в счет погашения просроченной (ненадлежащим образом исполненной) задолженности, совершенное кредитором;

– изъятие (удержание) имущества с целью понуждения к надлежащему исполнению обязательств (обеспечения оплаты по договору, возмещения причиненного имущественного вреда);

– изъятие имущества с целью возмещения затрат, понесенных в период совместного проживания, а также вследствие нарушения законного режима совместной собственности супругов;

– изъятие (удержание) имущества с целью разрешения неимущественного конфликта, а также в качестве компенсации морального вреда;

– изъятие имущества, являющего, по мнению виновного лица, его собственностью, из предполагаемого незаконного владения иных лиц и т.п.

Во всех анализируемых ситуациях предметом преступления выступает имущество, в отношении которого у виновного не имеется действительного права (добросовестно заблуждается в его наличии), либо имущество, изымаемое в качестве альтернативной компенсации. Так или иначе, действия виновного лица направлены на самостоятельное удовлетворение имущественных интересов (как в сфере вещных, так и обязательственных отношений) путем обращения взыскания (изъятия, удержания) на имущество потерпевшего вопреки его воле, в том числе в качестве незаконного способа обеспечения обязательства.

Так, приговором Черновского районного суда г. Читы от 20 февраля 2024 года виновным признано лицо, совершившее самовольные, вопреки

установленному законом порядку действия по изъятию имущества (сотового телефона), принадлежащего потерпевшей, с угрозой применения насилия в счет возмещения имущественного долга[67].

Приговором Благовещенского городского суда Амурской области от 9 января 2024 года виновным в совершении самоуправства признано лицо, которое вопреки установленному порядку и в нарушение положений статьи 35 Конституции Российской Федерации, регламентирующей, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда, самовольно завладел имуществом (автомобилем), принадлежащим потерпевшей в целях обеспечения исполнения обязательства по возврату задолженности[68].

К числу самоуправных относятся действия, направленные на реализацию предполагаемого права на распоряжение чужим имуществом, а также действия, в результате которых законный собственник лишается возможности осуществления своих правомочий. Например, приговором Заельцовского районного суда г. Новосибирска от 22 января 2024 года установлено, что подсудимый, оказывая услуги по перевозке граждан, в целях понуждения к оплате проезда применил насилие и открыто завладел принадлежащим потерпевшему имуществом (наушниками), удерживая до момента выплаты вознаграждения по договору в размере 300 рублей[69].

Приговором Заиграевского районного суда Республики Бурятия от 20 декабря 2023 года также признано виновным лицо, которое в целях обеспечения оплаты оказанной им услуги и осознавая отсутствие законных оснований для изъятия имущества, самовольно в нарушение положений статьи 35 Конституции Российской Федерации и статьи 209 Гражданского кодекса Российской

---

[67] См.: Приговор Черновского районного суда г. Читы Забайкальского края от 20 февраля 2024 г. по делу № 1-106/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/2zFHTS1JUZZ0/

[68] См.: Приговор Благовещенского городского суда Амурской области от 9 января 2024 г. по делу № 1-156/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/OYmgWH5X5Y5U/

[69] См.: Приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 22 января 2024 г. по делу № 1-595/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/GF8Q7GzD7JgK/

Федерации, изъяло имущество потерпевшей (сотовый телефон), причинил последней существенный вред, выразившийся в нарушении права собственности[70].

Приговором Благодарненского районного суда Ставропольского края от 24 октября 2023 года также установлено, что подсудимый, реализуя преступный умысел, направленный на совершение самоуправства, в целях принуждения потерпевшего к возврату денежных средств за выполненную работу по оказанию транспортно-экспедиционных услуг, действовал самовольно, в нарушении части 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации, умышленно завладел транспортными средствами, находящимися у потерпевшего на основании договора, и перегнал их к месту своего проживания с целью последующего неправомерного удержания, что повлекло причинение существенного вреда, выразившегося в невозможности реализации правомочий собственника[71].

Следует отметить, что Пленум Верховного Суда РФ ограничивается разъяснениями относительно отграничения самоуправства от хищения чужого имущества: «от хищения следует отличать случаи, когда лицо, изымая и (или) обращая в свою пользу или пользу других лиц чужое имущество, действовало в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права на это имущество (например, если лицо обратило в свою пользу вверенное ему имущество в целях обеспечения долгового обязательства, не исполненного собственником имущества). При наличии оснований, предусмотренных статьей 330 УК РФ, в указанных случаях содеянное образует состав самоуправства»[72]. Изложенное указывает на наличие смежных признаков самоуправства и

[70] См.: Приговор Заиграевского районного суда Республики Бурятия от 20 декабря 2023 г. по делу № 1-224/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/69zC6YEEPpx/

[71] См.: Приговор Благодарненского районного суда Ставропольского края от 24 октября 2023 г. по делу № 1-157/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/7ZAq4SNtwZmJ/

[72] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

корыстных преступлений против собственности, что предопределено сложной социально-правовой природой самоуправных деяний.

Таким образом, анализ правоприменительной практики позволяет выявить расхождение между содержательными характеристиками самоуправства и доктринальными определениями объекта анализируемого преступления. Представляется спорной позиция ученых, рассматривающих в качестве непосредственного объекта самоуправства установленный порядок осуществления прав и обязанностей[73], совершения юридически значимых действий[74], а также интересы организаций или лиц, которым причиняется вред[75].

По мнению ряда авторов, объектом указанного преступления являются отношения в сфере государственного управления и местного самоуправления (управленческие отношения), посредством которых обеспечивается реализация гражданами их субъективных прав и совершение юридически значимых действий[76]. Однако данные подходы, по нашему мнению, в полной мере не отражают социально-правовой сущности самоуправства.

Следует отметить позицию авторов, высказывающих сомнение в обоснованности нахождения самоуправства в главе 32 УК РФ, поскольку специфика данного деяния существенно отличается от природы иных преступлений, посягающих на нормальное функционирование органов исполнительной власти[77]. В доктрине отмечается, что специфика преступлений против порядка управления определяется тем, что «лицо, их совершающее, не

---

[73] См.: Капканов В.И. Уголовная ответственность за самоуправство: проблемы законодательной регламентации и квалификации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб, 2006. С. 17; Капканов В.И. Проблемы законодательной регламентации ответственности за самоуправство // Юридическая мысль. 2005. № 6 (31). С. 78.

[74] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 16; Артюшкина С.В. Самоуправство: родовой и видовой объект // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 2. С. 58-59.

[75] См.: Сурков И.К. Самоуправство (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 11; Сурков И.К., Мотин О.А. Самоуправство: уголовно-правовой анализ // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2005. № 4. С. 28-44.

[76] См.: Ванеев С.У. Уголовная ответственность за самоуправство по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... кандид. юрид. наук. М., 2006. С. 8. Титенков И.П. Уголовная ответственность за самоуправство: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2009. С. 13.

[77] См.: Агаев Г.А. Преступления против порядка управления (проблемы теории и практики законодательства): автореф. канд. … юрид. наук. СПб, 2006. С. 10-12.

выполняет своих обязательств по субординации в рамках управленческих отношений и отчетливо демонстрирует негативное отношение к государству»[78]. Самоуправство же непосредственно не нарушает функционирование органов публичной власти как субъекта управления. Социально-правовая природа поведения лица при самоуправстве предопределяется наличием и противоправной формой реализацией им имущественного интереса.

Имущественные (материальные) интересы, как указывает Ю. Н. Андреев, тесно связаны с материальными потребностями, вещами, имуществом, имущественной выгодой, пользой при владении, пользовании и распоряжении имуществом, с материальными благами. Имущественными признаются интересы, сопряженные с материальным (имущественным) содержанием (характером) объекта интереса. Их объектами выступают материальные ценности, имеющие товарно-денежную оценку, рыночную стоимость и направленность на удовлетворение материальных (имущественных) интересов обладателей этих благ, товары, услуги, работы (результаты работ), приобретение движимых и недвижимых вещей, имущественных прав, беспрепятственное владение, пользование и распоряжение имуществом, возмещение имущественного вреда (убытков)[79].

Целенаправленное овладение субъектом материальной ценностью (благом), пользование ею по своему усмотрению и в своем интересе является конечным результатом действующего интереса, удовлетворением существующей материальной потребности. Дополнительным объектом имущественных интересов могут быть действия обязанных лиц по надлежащему исполнению взятых на себя обязательств имущественного характера в рамках обязательственных (договорных, деликтных и кондикционных) правоотношений[80]. Средством реализации имущественного интереса выступают

[78] См.: Рябченко О.Н. Виды и система преступлений против порядка управления // Российское правосудие. 2016. № 6 (122). С. 105.
[79] См.: Андреев Ю.Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика. М.: Проспект, 2023. С. 149-150.
[80] См.: Андреев Ю.Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика. М.: Проспект, 2023. С. 149-150.

имущественные права, то есть интерес лица удовлетворяется путем осуществления субъективных прав, в том числе вещных (право собственности) и обязательственных (право требования).

При совершении самоуправства противоправность поведения лица определяется мнимым (предполагаемым) характером права лица на имущество либо таким способом осуществления действительного права, который нарушает право собственности (правомочия владения, пользования, распоряжения) иных лиц.

Таким образом, социально-правовая сущность самоуправства заключается в противоправной реализации субъектом имущественного интереса посредством осуществления мнимого (предполагаемого) права на имущество либо действительного права способом, нарушающим право собственности (правомочия владения, пользования, распоряжения) иных лиц. Сказанное позволяет констатировать, что рассматриваемое деяние посягает, прежде всего, на отношения собственности.

С учетом изложенного в данном параграфе можем сделать следующие выводы.

Самоуправство исторически выступает одним из распространенных преступных способов принудительной реализации субъективных интересов. Комплексный анализ правоприменительной практики выявляет существенное расхождение между содержательными характеристиками самоуправства, определяемыми его социально-правовой природой, и устоявшими в уголовно-правовой доктрине подходами к определению объекта данного посягательства.

Общественная опасность самоуправства определяется тем, что самовольные действия лица нарушают установленный законом порядок совершения определенных действий (осуществления субъективных прав), посягая тем самым на порядок управления, и одновременно причиняют существенный вред иным объектам уголовно-правовой охраны, обладающим высокой социальной ценностью (отношениям собственности, интересам правосудия). Реализация насильственного способа совершения преступления (ч.

2 ст. 330 УК РФ) создает реальную угрозу для жизни или непосредственно причиняет вред здоровью человека.

Социально-правовая сущность самоуправства заключается в противоправной реализации субъектом имущественного интереса посредством осуществления мнимого (предполагаемого) права на имущество либо действительного права способом, нарушающим право собственности (правомочия владения, пользования, распоряжения) иных лиц. На основании этого можно констатировать, что рассматриваемое деяние посягает, прежде всего, на отношения собственности. В этой связи теоретически обоснованным и практически целесообразным представляется изменение законодательного подхода к систематизации Особенной части уголовного закона посредством переноса состава самоуправства в главу 21 УК РФ «Преступления против собственности».

§ 3. Качественно-количественная характеристика состояния самоуправства

Преступность, учитывая ее биосоциальную природу, выступает деструктивным свойством любого общества и угрозой его безопасному развитию[81]. Данное обстоятельство определяет необходимость выработки эффективных мер противодействия преступности и обеспечения криминологической безопасности как одной из приоритетных задач государства. Реализация указанной задачи в полной мере возможна при условии обладания объективной информацией о реальном состоянии преступности.

[81] См.: Гилинский Я.И. О системном подходе к преступности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1981. № 5. С. 49-56; Макаров В.В. Преступность как система: институциональные проблемы // Российский следователь. 2013. № 23. С. 31-33; Игнатов А.Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 9. С. 97-104.

Состояние преступности представляет собой интегративную криминологическую характеристику, отражающую совокупность ее качественных и количественных показателей в конкретных условиях места и времени. Данная категория охватывает сведения об уровне, динамике, структуре и характере преступности, степени ее латентности, а также об иных криминологически значимых показателях. Следовательно, оценка состояния преступности не сводится к простому установлению количества зарегистрированных преступлений, а характеризует ее как сложное социально-правовое явление, обладающее определенным объемом, внутренней структурой, направленностью изменений и качественными особенностями.

К числу основных показателей, характеризующих состояние преступности, относится ее уровень. Данный показатель выражает количественную сторону явления и показывает, сколько преступлений было совершено на определенной территории за установленный период времени либо на конкретную дату. Вместе с тем для всесторонней оценки необходимо учитывать не только число зарегистрированных преступлений, но и количество лиц, их совершивших[82]. Следует учитывать, что фактический объем преступности превышает официальные показатели регистрации, поскольку включает также латентную (скрытую) часть. При этом в практическом анализе уровень преступности чаще всего определяется на основе данных официальной статистики, поскольку сведения о латентной преступности носят вероятностный и оценочный характер.

Анализ статистических данных[83] свидетельствует о том, что на протяжении последних десяти лет (с 2016 по 2025 гг.) прослеживается устойчивая тенденция к снижению числа зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ. Так, количество преступлений, уголовные дела и материалы о которых

[82] См.: Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2004. С. 84-85; Криминология: Общая часть: Учебник / Под ред. В.В. Орехова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. С. 64.
[83] См.: Сводный отчет по России (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет о преступности» [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде, снизилось с 3359 в 2016 году до 1147 в 2025 году (см.: таблица 1).

Таблица 1. Преступления, предусмотренные ст. 330 УК РФ, уголовные дела и материалы о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде

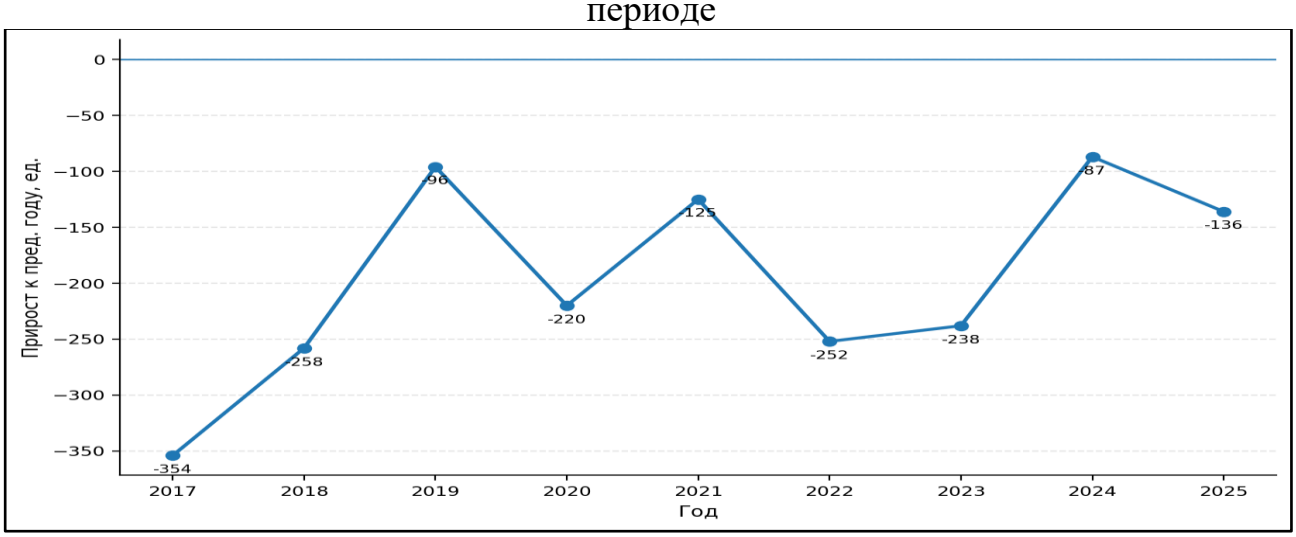
год	**значение**	**к 2016, абс.**	**к 2016, %**	**к пред. году, абс.**	**к пред. году, %**
2016	3359	0	0,0%	—	—
2017	2949	-410	-12,2%	-410	-12,2%
2018	2699	-660	-19,6%	-250	-8,5%
2019	2552	-807	-24,0%	-147	-5,4%
2020	2312	-1047	-31,2%	-240	-9,4%
2021	2049	-1310	-39,0%	-263	-11,4%
2022	1810	-1549	-46,1%	-239	-11,7%
2023	1438	-1921	-57,2%	-372	-20,6%
2024	1314	-2045	-60,9%	-124	-8,6%
2025	1147	-2212	-65,9%	-167	-12,7%

Преступность представляет собой социальное явление, динамично развивающееся во времени, изменяются ее масштабы, структура, интенсивность, территориальное распределение, а также характер совершаемых деяний и состав лиц, их совершающих. Данный процесс определяет необходимость исследования такой характеристики, как динамика преступности, отражающая изменения ее состояния во времени[84]. В качестве показателей динамики обычно используются темпы изменения количественных параметров преступности по сравнению с периодом, принятым за базу сопоставления.

По отношению к базисному 2016 году число преступлений, уголовные дела и материалы о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде, снизилось к 2025 году на 65,9%. Среднегодовой темп снижения составил 11,3%, а среднее абсолютное сокращение - 246 преступлений в год (см.: диаграмма 1).

[84] См.: Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., Юристъ, 2004. С. 85.

Диаграмма 1. Динамика (прирост к предыдущему году) преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, уголовные дела и материалы о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде

Представленные на диаграмме данные свидетельствуют о неравномерности ежегодного абсолютного снижения рассматриваемого показателя. При общей тенденции к сокращению абсолютного количества преступлений, темпы их снижения колеблются. Наиболее существенное абсолютное годовое снижение зафиксировано в 2017 году, когда число деяний сократилось на 410 преступлений. Наиболее выраженное относительное падение показателей наблюдается в 2023 году - на 20,6% или на 372 преступления по сравнению с предшествующим периодом.

Наблюдаемое снижение количества преступлений, предусмотренных статьей 330 УК РФ, уголовные дела и материалы о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде, может быть связано как с реальным сокращением количества соответствующих конфликтов, так и изменением правоприменительной практики в части квалификации преступлений, перераспределением деяний по иным составам, изменением учетно-регистрационной дисциплины либо с совокупностью этих факторов.

Следует отметить, что среди основных проблем оценки реального состояния самоуправства эксперты указали на латентность самоуправства

(82,5%), трудности разграничения от смежных составов преступлений и административных правонарушений (75,2%), трудности установления лиц, совершивших преступления (51,9%), а также на недостатки методики и практики формирования статистической отчетности (44,6%).

Анализ динамики официальной регистрации самоуправства свидетельствует о последовательном снижении рассматриваемых показателей. Количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, уменьшилось с 2566 в 2016 году до 800 в 2025 году. Абсолютное снижение составило 1766 преступлений или 68,8% к 2016 году (см.: таблица 2).

Как свидетельствуют данные представленной таблицы, по интенсивности снижения данный показатель сопоставим с общим массивом преступлений, дела о которых находились в производстве, однако сокращается более интенсивно, на что указывает снижение его удельного веса. Всего за период 2016-2025 гг. официально зарегистрировано 15761 преступление, что составляет 72,9% от общего массива уголовных дел и материалов по ст. 330 УК РФ, находившихся в производстве на начало года или зарегистрированных в отчетном периоде. При этом данный показатель снизился с 76,4% в 2016 году до 69,7% в 2025 году. Следовательно, прослеживается сокращение не только абсолютного числа регистрируемых преступлений, но и их удельного веса в общем массиве преступлений, уголовные дела о которых находятся в производстве, причем опережающими темпами.

Таблица 2. Преступления, предусмотренные ст. 330 УК РФ, зарегистрированные в отчетном периоде

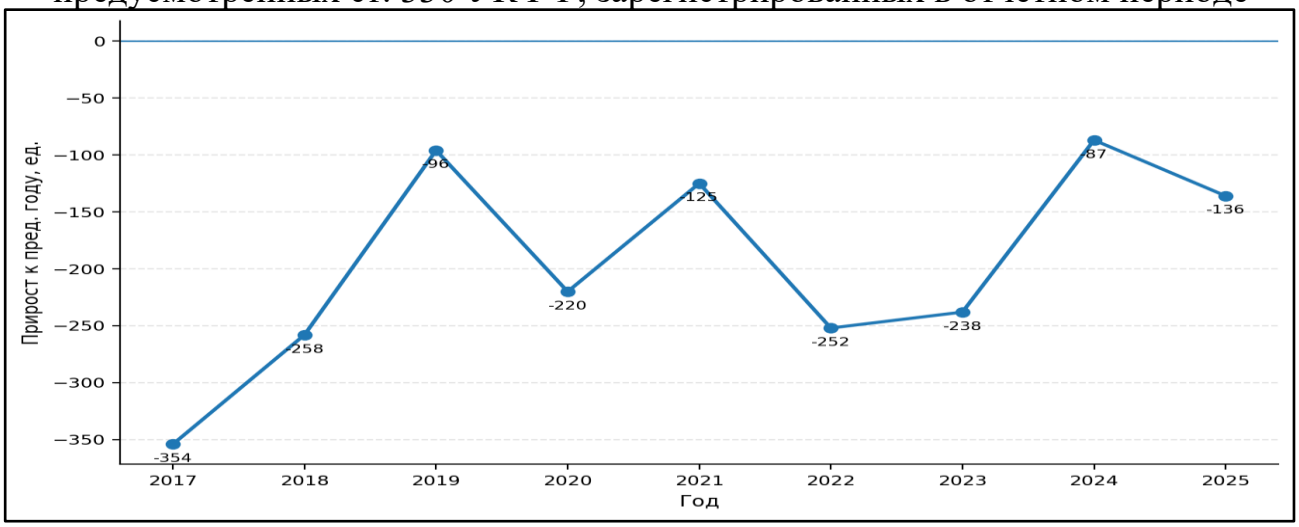
год	**значение**	**к 2016, абс.**	**к 2016, %**	**к пред. году, абс.**	**к пред. году, %**	**от находящихся в производстве, %**
2016	2566	0	0,0%	—	—	76,4%
2017	2212	-354	-13,8%	-354	-13,8%	75,0%
2018	1954	-612	-23,9%	-258	-11,7%	72,4%
2019	1858	-708	-27,6%	-96	-4,9%	72,8%
2020	1638	-928	-36,2%	-220	-11,8%	70,8%
2021	1513	-1053	-41,0%	-125	-7,6%	73,8%
2022	1261	-1305	-50,9%	-252	-16,7%	69,7%
2023	1023	-1543	-60,1%	-238	-18,9%	71,1%

год	значение	к 2016, абс.	к 2016, %	к пред. году, абс.	к пред. году, %	от находящихся в производстве, %
2024	936	-1630	-63,5%	-87	-8,5%	71,2%
2025	800	-1766	-68,8%	-136	-14,5%	69,7%

В то же время стабильно высокой остается доля преступлений прошлых лет (минимум каждое четвертое преступление), что является существенным показателем, характеризующим социально-правовую специфику самоуправства.

Цепная динамика количества преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, зарегистрированных в отчетном периоде, характеризуется устойчивой тенденцией к снижению. Наиболее существенное абсолютное сокращение зафиксировано в 2017 году (-354), а наиболее интенсивные темпы снижения наблюдались в 2022 году (-252, или -16,7%) и в 2023 году (-238, или -18,9%) (см.: диаграмма 2).

Диаграмма 2. Динамика (прирост к предыдущему году) преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, зарегистрированных в отчетном периоде

С криминологической точки зрения указанная тенденция может свидетельствовать о сокращении первичного массива заявлений и сообщений о преступлениях, предусмотренных статьей 330 УК РФ. При этом изменение удельного веса зарегистрированных преступлений относительно общего числа находящихся в производстве материалов является значимым фактом, требующим дифференцированного анализа статистической отчетности для установления объективных причин динамики этого показателя.

Анализ статистических данных о выявленных лицах, совершивших преступления рассматриваемой категории, свидетельствует о выраженной тенденции к сокращению их числа. В 2016 году было выявлено 2407 лиц, а в 2025 году – 698 лиц. Абсолютное снижение составило 1709 человек, или 71,0% к 2016 году. Данное сокращение является наиболее существенным среди иных исследуемых показателей. Всего за анализируемый период выявлено 14510 лиц, что составляет 67,1% от общего массива преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, уголовные дела и материалы о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде. При этом данный показатель снизился с 71,7% в 2016 году до 60,9% в 2025 году (см.: таблица 3). Таким образом, приведенные данные указывают на снижение результативности работы органов внутренних дел по установлению лиц, совершивших самоуправство.

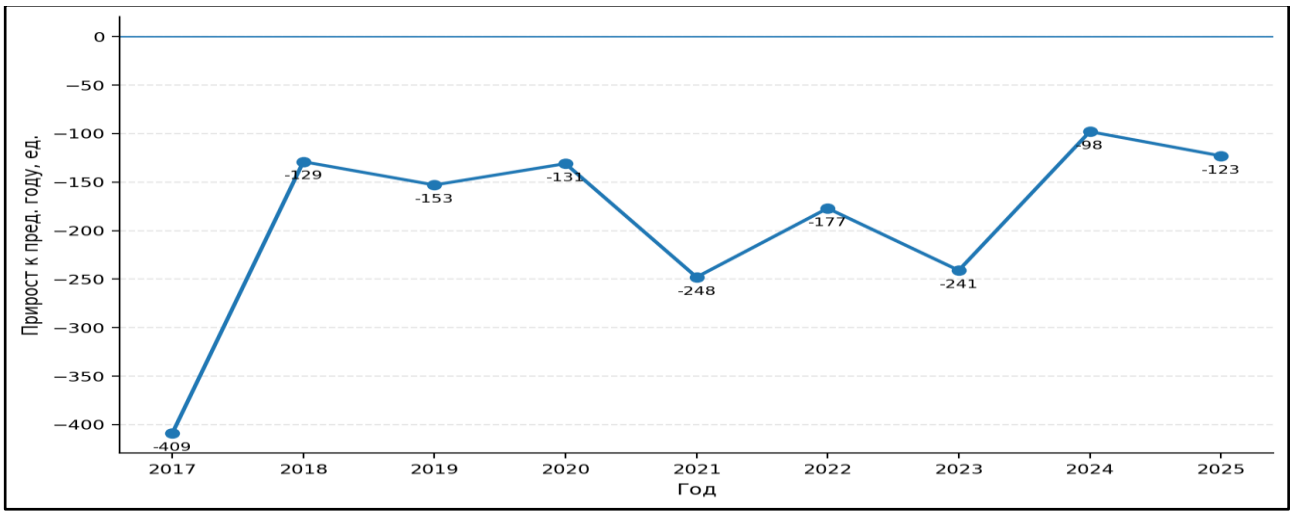
Таблица 3. Выявлено лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 330 УК РФ

год	значение	к 2016, абс.	к 2016, %	к пред. году, абс.	к пред. году, %	от находящихся в производстве, %
2016	2407	0	0,0%	—	—	71,7%
2017	1998	-409	-17,0%	-409	-17,0%	67,8%
2018	1869	-538	-22,4%	-129	-6,5%	69,2%
2019	1716	-691	-28,7%	-153	-8,2%	67,2%
2020	1585	-822	-34,2%	-131	-7,6%	68,6%
2021	1337	-1070	-44,5%	-248	-15,6%	65,3%
2022	1160	-1247	-51,8%	-177	-13,2%	64,1%
2023	919	-1488	-61,8%	-241	-20,8%	63,9%
2024	821	-1586	-65,9%	-98	-10,7%	62,5%
2025	698	-1709	-71,0%	-123	-15,0%	60,9%

Цепная динамика показателя выявленных лиц, совершивших преступления рассматриваемой категории, характеризуется ежегодным снижением. Наиболее существенное абсолютное сокращение зафиксировано в 2017 году (-409), а выраженное относительное падение показателей - в 2023 году (на 20,8%). Сокращение числа выявленных лиц в 2021-2023 гг. (см.: диаграмма 3) совпадает с уменьшением количества предварительно расследованных преступлений, что

подтверждает системный характер изменения результативных показателей деятельности правоохранительных органов по расследованию самоуправства.

Диаграмма 3. Динамика (прирост к предыдущему году) выявленных лиц, совершивших преступления, предусмотренных ст. 330 УК РФ

Показатель количества выявленных лиц, совершивших самоуправство, требует специального анализа, поскольку темпы его снижения опережают сокращение общего массива находящихся в производстве уголовных дел и материалов в отчетном периоде. Данная тенденция указывает на последовательное увеличение остатка нераскрытых преступлений прошлых лет, установление виновных лиц по которым затруднено, а также на снижение потенциала правоохранительных органов по выявлению данной категории преступников.

Сформулированный вывод подтверждается сведениями о стабильном уровне количества преступлений, уголовные дела о которых приостановлены на основании части 1 статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)[85]. Всего за анализируемый период производство приостановлено по 5554 уголовным делам, что составляет 25,7% от общего массива преступлений, уголовные дела и материалы о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде. В 2016 году число приостановленных дел составляло 860, а в 2025 году - 289.

[85] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

Абсолютное сокращение составило 571 единицу, или 66,4% к уровню 2016 года. При этом доля уголовных дел, приостановленных на основании части 1 статьи 208 УПК РФ, от общего массива остается относительно стабильной: 25,6% в 2016 году и 25,2% в 2025 году. Минимальное значение зафиксировано в 2018 году (24,2%), максимальное - в 2022 году (28,6%). Следовательно, при сокращении абсолютных показателей данных деяний их удельный вес в общем массиве остается стабильным (каждое четвертое преступление) (см.: таблица 4).

Следует отметить, что в абсолютном большинстве случаев уголовные дела о самоуправстве приостанавливаются на основании пункта 1 части 1 статьи 208 УПК РФ в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого (93,3% от общего числа приостановленных производств).

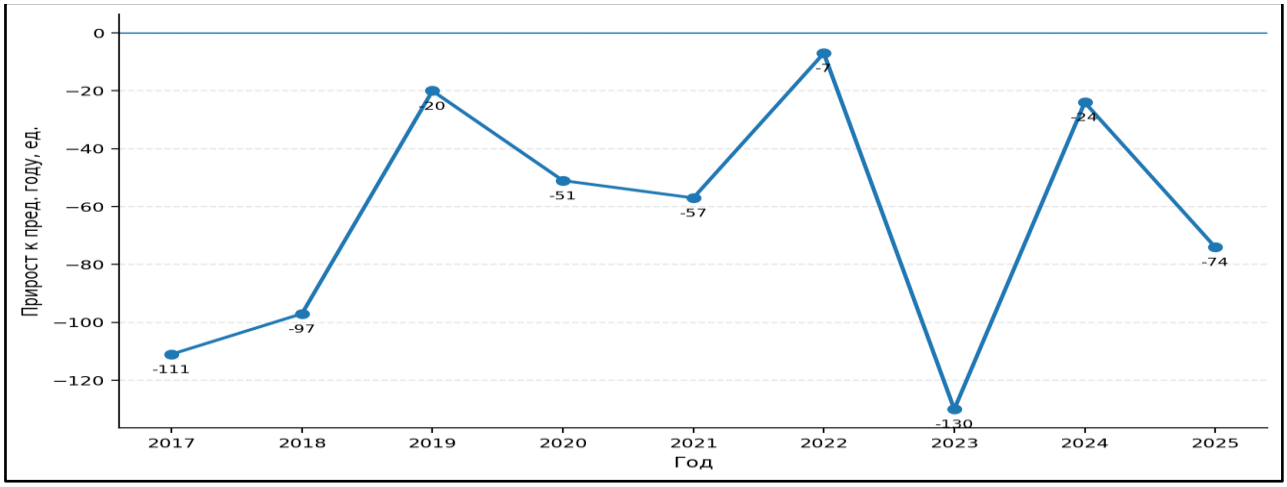
Таблица 4. Преступления, предусмотренные ст. 330 УК РФ, уголовные дела о которых приостановлены по ч. 1 ст. 208 УПК РФ

год	**значение**	**к 2016, абс.**	**к 2016, %**	**к пред. году, абс.**	**к пред. году, %**	**от находящихся в производстве,**
2016	860	0	0,0%	—	—	25,6%
2017	749	-111	-12,9%	-111	-12,9%	25,4%
2018	652	-208	-24,2%	-97	-13,0%	24,2%
2019	632	-228	-26,5%	-20	-3,1%	24,8%
2020	581	-279	-32,4%	-51	-8,1%	25,1%
2021	524	-336	-39,1%	-57	-9,8%	25,6%
2022	517	-343	-39,9%	-7	-1,3%	28,6%
2023	387	-473	-55,0%	-130	-25,1%	26,9%
2024	363	-497	-57,8%	-24	-6,2%	27,6%
2025	289	-571	-66,4%	-74	-20,4%	25,2%

Цепная динамика показателя приостановленных по части 1 статьи 208 УПК РФ уголовных дел отличается от других статистических показателей. В 2022 году снижение абсолютных показателей практически прекратилось (-7), что обусловило кратковременный рост доли приостановленных уголовных дел в совокупном объеме находящихся в производстве посягательств. В 2023 году зафиксировано наиболее существенное абсолютное снижение, когда показатель

уменьшился на 130 единиц, или на 25,1%. В последующие годы динамика демонстрирует разнонаправленные колебания (см.: диаграмма 4).

Диаграмма 4. Динамика (прирост к предыдущему году) преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, уголовные дела о которых приостановлены по ч. 1 ст. 208 УПК РФ

Проведенный анализ свидетельствует о том, что приостановленные уголовные дела занимают устойчивую долю в общем массиве преступлений, предусмотренных статьей 330 УК РФ. Следовательно, при интерпретации общей нисходящей динамики данных преступлений важно учитывать, что количественное сокращение не всегда свидетельствует о качественном улучшении практики выявления и расследования преступлений данной категории. В частности, необходимо учитывать тенденцию увеличения доли приостановленных производств в 2022-2024 гг.

Следует также отметить интенсивное сокращение количества предварительно расследованных преступлений, предусмотренных статьей 330 УК РФ (см.: таблица 5). В 2016 году рассматриваемый показатель составлял 1934, а в 2025 году - 580. Абсолютное снижение составило 1354 преступлений, или 70,0% к 2016 году. Темпы снижения числа расследованных преступлений превышают аналогичные параметры снижения общего массива уголовных дел и материалов по статье 330 УК РФ, находившихся в производстве на начало года или зарегистрированных в отчетном периоде.

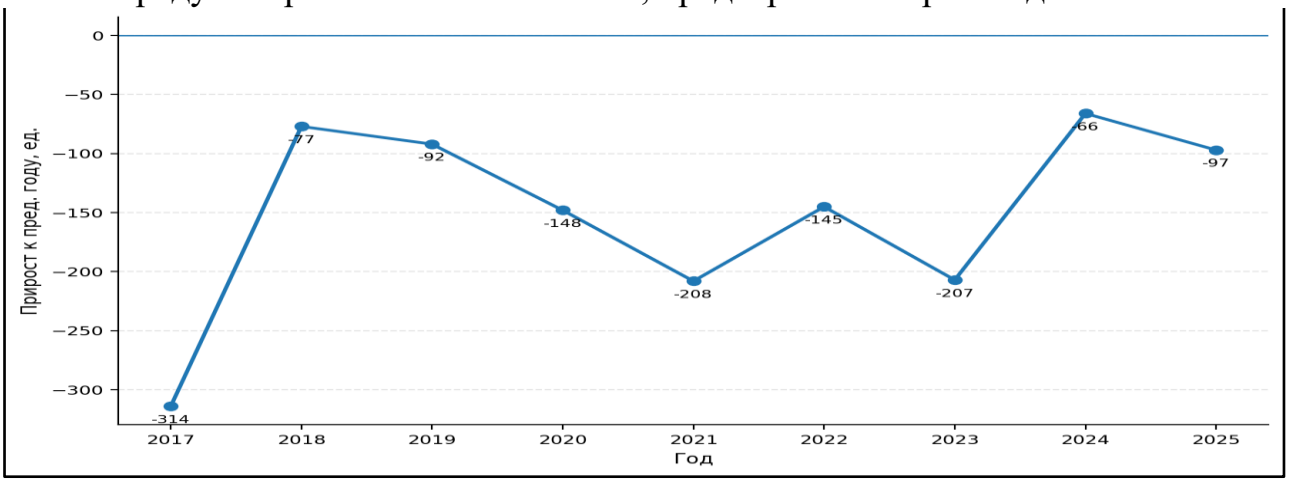
Таблица 5. Преступления, предусмотренные ст. 330 УК РФ, предварительно расследованные

год	значение	к 2016, абс.	к 2016, %	к пред. году, абс.	к пред. году, %	от находящихся в производстве, %
2016	1934	0	0,0%	—	—	57,6%
2017	1620	-314	-16,2%	-314	-16,2%	54,9%
2018	1543	-391	-20,2%	-77	-4,8%	57,2%
2019	1451	-483	-25,0%	-92	-6,0%	56,9%
2020	1303	-631	-32,6%	-148	-10,2%	56,4%
2021	1095	-839	-43,4%	-208	-16,0%	53,4%
2022	950	-984	-50,9%	-145	-13,2%	52,5%
2023	743	-1191	-61,6%	-207	-21,8%	51,7%
2024	677	-1257	-65,0%	-66	-8,9%	51,5%
2025	580	-1354	-70,0%	-97	-14,3%	50,6%

Научный интерес представляет тот факт, что доля предварительно расследованных преступлений от общего массива преступлений, уголовные дела и материалы о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде, снизилась с 57,6% в 2016 году до 50,6% в 2025 году. Среднее значение данного показателя за десятилетний период составило 55,0%.

Таким образом, расследуется лишь половина случаев уголовно наказуемого самоуправства, причем данный показатель характеризуется устойчивой тенденцией к снижению. Выявленная особенность состояния самоуправства указывает на падение результативности деятельности органов внутренних дел по расследованию данного преступления.

Диаграмма 5. Динамика (прирост к предыдущему году) преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, предварительно расследованных

Отмеченную тенденцию подтверждает анализ цепной динамики: ежегодно фиксируется значение показателя ниже предшествующего периода (см.: диаграмма 5). Наиболее существенное абсолютное сокращение зафиксировано в 2017 году (-314), а выраженное снижение темпов наблюдалось в 2021 году (-208, или -16,0%) и в 2023 г. (-207, или -21,8%). Период 2023 года выделяется как этап наиболее интенсивного сокращения объема расследованных деяний.

На результативность деятельности правоохранительных органов по расследованию самоуправства указывают статистические показатели количества преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд.

Всего за период 2016-2025 гг. в суды направлены уголовные дела по 5656 преступлениям. Это составляет 26,2% от общего массива уголовных дел и материалов по ст. 330 УК РФ, находившихся в производстве на начало года или зарегистрированных в отчетном периоде, и 47,5% от общего числа предварительно расследованных преступлений. В 2016 году в суд было направлено 985 дел, а в 2025 году - 311. Абсолютное снижение составило 674 преступления, или 68,4% к 2016 году. Таким образом, количество преступлений, уголовные дела о которых доводятся до судебного разбирательства сократилась почти на две трети (см.: таблица 6).

Таблица 6. Преступления, предусмотренные ст. 330 УК РФ, уголовные дела о которых направлены в суд

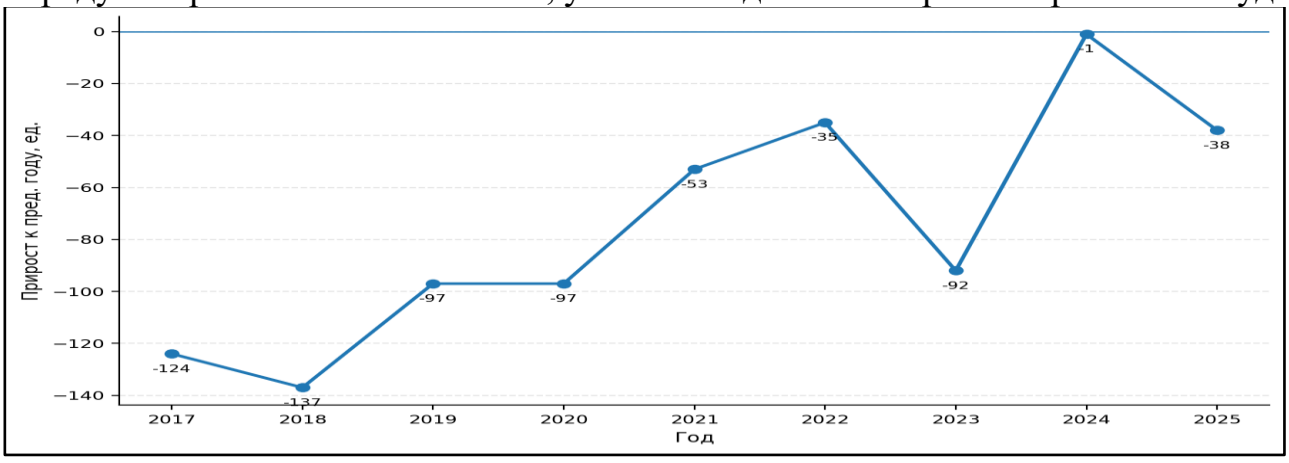
год	**значение**	**к 2016, абс.**	**к 2016, %**	**к пред. году, абс.**	**к пред. году, %**	**от находящихся в производстве, %**	**от предварительно расследованных, %**
2016	985	0	0,0%	—	—	29,3%	50,9%
2017	861	-124	-12,6%	-124	-12,6%	29,2%	53,1%
2018	724	-261	-26,5%	-137	-15,9%	26,8%	46,9%
2019	627	-358	-36,3%	-97	-13,4%	24,6%	43,2%
2020	530	-455	-46,2%	-97	-15,5%	22,9%	40,7%
2021	477	-508	-51,6%	-53	-10,0%	23,3%	43,6%
2022	442	-543	-55,1%	-35	-7,3%	24,4%	46,5%
2023	350	-635	-64,5%	-92	-20,8%	24,3%	47,1%
2024	349	-636	-64,6%	-1	-0,3%	26,6%	51,6%
2025	311	-674	-68,4%	-38	-10,9%	27,1%	53,6%

Доля преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд, в структуре общего массива деяний, находившихся в производстве на начало года или зарегистрированных в отчетном периоде, снизилась с 29,3% в 2016 году до 27,1% в 2025 году. Минимальное значение данного показателя наблюдалось в 2020 году (22,9%), после чего отмечается его постепенное восстановление до исходных 27,1%.

Удельный вес преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд, в общем массиве предварительно расследованных преступлений в 2016 году составлял 50,9%, в 2020 году снизился до 40,7%, а к 2025 году увеличился до 53,6%, что является максимальным значением за анализируемый период.

Цепная динамика доли преступлений, уголовные дела о которых направлены в суд, характеризуется преимущественно отрицательными значениями. Вместе с тем в 2024 году снижение показателей практически прекратилось: абсолютное число направленных в суд уголовных дел уменьшилось лишь на одно деяние по сравнению с 2023 годом (см.: диаграмма 6). Следовательно, в последние годы снижение исследуемого показателя происходит менее интенсивными темпами по сравнению с иными статистическими критериями состояния самоуправства, что указывает на наметившуюся позитивную тенденцию в практике расследования данной категории преступлений.

Диаграмма 6. Динамика (прирост к предыдущему году) преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, уголовные дела о которых направлены в суд

Таким образом, уголовные дела направляются в суд примерно в четверти случаев, что составляет около половины от общего числа предварительно расследованных преступлений.

Качественное состояние преступности позволяет оценить ее структура, отражающая внутреннее содержание исследуемого явления. В отличие от уровня, раскрывающего преимущественно количественную сторону, структура характеризует соотношение отдельных видов, групп или категорий преступлений в общем массиве преступности на определенной территории за конкретный период времени[86]. Она выражается через соотношение отдельных элементов преступности с ее общим объемом, как правило в виде удельного веса или процентной доли.

Структурный анализ позволяет выявить внутреннюю неоднородность преступности. Специфика статистического учета преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, обусловлена тем, что статистическое наблюдение осуществляется без учета различных составов, предусмотренных частями 1 и 2 данной статьи[87]. Для определения структуры самоуправства и выявления соотношения основного и квалифицированных составов необходимо обратиться к анализу статистических данных о состоянии судимости в Российской Федерации[88]. Это позволит установить соотношение насильственного и ненасильственного видов самоуправства, а также проследить изменение их удельного веса в структуре данного преступления в течение анализируемого периода.

Анализ статистических сведений о состоянии судимости в Российской Федерации за 2016-2025 гг. (включая данные за первое полугодие 2025 г.)[89]

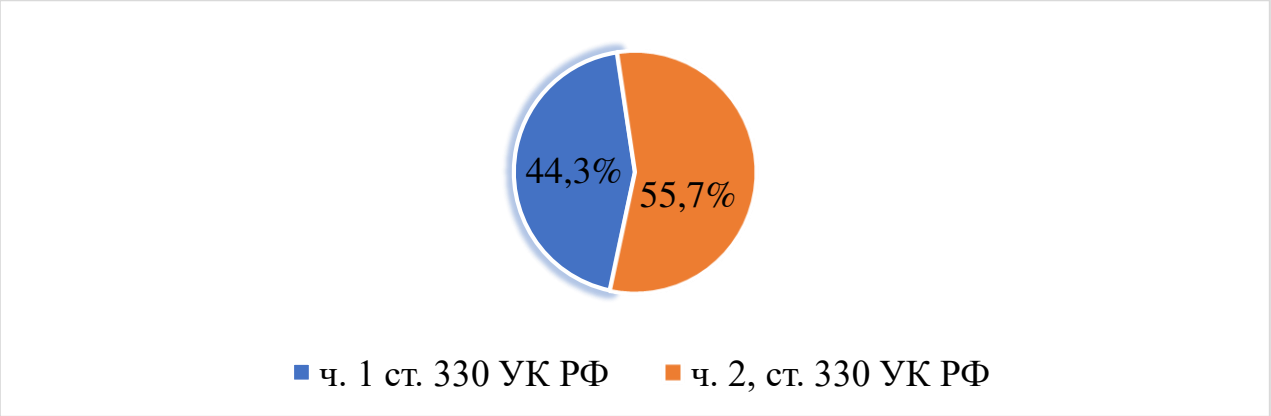
[86] См.: Маркин А.В., Яковлев В.В. Преступность с точки зрения теории социального действия: опыт структурного анализа // Общество и право. 2006. № 2(12). С. 67.

[87] См.: Сводный отчет по России (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет о преступности». Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics; Сводный отчет по России (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме 2-ЕГС (код 429) «Сведения о лицах, совершивших преступления». Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

[89] См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016–2025 гг. Электронный ресурс. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/?id=79

показал, что исходя их количества осужденных по ст. 330 УК РФ лиц, в структуре исследуемого деяния преобладает квалифицированный состав, сопряженный с применением насилия или угрозы его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ), доля которого составила 55,7%, тогда как на долю простого самоуправства (ч. 1 ст. 330 УК РФ) приходится 44,3% (см.: диаграмма 7).

Диаграмма 7. Структура самоуправства (соотношение количества лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ)

При анализе количества осужденных за самоуправство лиц по основной статье установлено, что доля лиц, осужденных за квалифицированное самоуправство, совершаемое с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ), составляет 55%, тогда как на основной состав самоуправства (ч. 1 ст. 330 УК РФ) приходится 45%. В случаях совершения квалифицированного самоуправства по совокупности преступлений (когда лицо осуждается за несколько деяний, и самоуправство не является наиболее тяжким из них) доля посягательств, сопряженных с применением насилия или угрозой его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ) возрастает до 59,5%. Следовательно, совершение рассматриваемого деяния в совокупности с иными преступлениями чаще характеризуется применением насильственных способов реализации противоправных целей.

Изучение динамики структурных изменений самоуправства свидетельствует о постепенном увеличении удельного веса его насильственного вида (ч. 2 ст. 330 УК РФ). Так, если в 2016 году данный показатель составил 56%, то в 2024 году - 57,3%, а по итогам первого полугодия 2025 года - 58,2% (см.: таблица 7).

Таблица 7. Количество лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ

год		2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	первое полугодие 2025
по основной статье	ч. 1	428	417	408	294	266	224	223	163	157	77
	ч. 2	578	465	401	403	279	276	278	255	199	112
по дополнительной статье	ч. 1	82	51	58	46	48	53	41	45	29	17
	ч. 2	73	102	71	75	59	83	89	68	51	19

При оценке состояния преступности необходимо учитывать, что ее фактический объем превышает официальные показатели регистрации вследствие высокого уровня латентности. Как обоснованно отмечал В. В. Лунеев, «главная трагедийность нашего положения ныне в том, что мы точно не знаем реально-обобщенного объема преступности и ее отдельных видов, полных социальных и экономических последствий преступности, действительной эффективности противодействия преступности, и как дорого преступления обходятся нашему народу. Мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза возможного развития преступности».[90]

Наличие латентной преступности искажает объективную оценку масштабов данной угрозы, а ненадлежащая оценка уровня криминализации общества порождает ложные представления о его защищенности. Безнаказанность лиц, чьи деяния остаются невыявленными и нераскрытыми, порождает совершение новых преступлений, как со стороны их, так и иных лиц, а также формирует в обществе недоверие к способности государственных органов обеспечить защиту от преступных посягательств и обеспечить их безопасность.

Исходя из указанного и учитывая общественную опасность самоуправства, обусловленную тем, что образующие его действия являются вредоносными для таких объектов уголовно-правовой охраны, как собственность, экономика,

[90] Лунеев В.В. Главная трагедийность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 2 (41). С. 13-15.

порядок управления, интересы правосудия, а также жизнь и здоровье человека[91], установление масштабов и факторов латентности самоуправства имеет теоретическое и практическое значение.

Одним из наиболее универсальных и информативных методов оценки латентности преступности на сегодня остается метод экспертных оценок, поскольку эффективность использования математических и иных методов ограничивается имеющими место проблемами полноты и точности исходных данных[92].

В ходе исследования экспертам было предложено определить уровень латентности самоуправства, указав значение данного показателя в % в рамках одного из четырех диапазонов: 1) высокий (латентными остаются более 66% преступлений); 2) средний (латентными остаются от 33% до 66% преступлений); 3) низкий (латентными остаются менее 33% преступлений); 4) крайне низкий (менее 3%, выявляются практически все преступления).

Так, 45,6% экспертов полагают, что самоуправство имеет высокий уровень латентности, при котором скрытыми остаются более 66% преступлений. По мнению 30,6% экспертов для исследуемого деяния характерен средний уровень латентности (от 33% до 66%). В свою очередь 23,8% экспертов считают, что для данного преступления характерен низкий уровень латентности (до 33%).

При расчете обобщающего показателя латентности необходимо учитывать различные значения ее уровня в рамках указанных диапазонов, что определяет необходимость расчета средневзвешенного показателя уровня латентности самоуправства. Именно среднее арифметическое взвешивание позволяет учесть

---

[91] См.: Сардак Д.Б., Брагин К.С. Социальная обусловленность криминализации самоуправства // Закон и право. 2022. № 3. С. 195-197; Пинягина Е.С. Общественная опасность как критерий криминализации самоуправства // Актуальные проблемы и перспективы развития инновационной экономики, управления и права: Сборник научных статей по итогам ежегодной Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием, Калининград, 27–28 апреля 2023 года. М.: Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2023. С. 305-309; Чапчиков С.С. Общественная опасность самоуправства. Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. № 14(5). С. 143-151.

[92] См.: Шишова О.П. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, посягающих на объекты культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук. Ханты-Мансийск, 2025. С. 77-79.

распределение ответов экспертов (численность экспертов, выбравших конкретное значение латентности в рамках определенного диапазона). При этом для расчета средневзвешенного уровня латентности самоуправства на основе экспертных оценок данный показатель вычисляется отдельно для каждого диапазона.

В рамках диапазона высокого уровня латентности (более 66%):

$$\overline{x} = \frac{95,0 \cdot 21,0 + 90,0 \cdot 23,0 + 85,0 \cdot 13,0 + 80,0 \cdot 16,0 + 75,0 \cdot 11,0 + 70,0 \cdot 7,0 + 67,0 \cdot 3,0}{21,0 + 23,0 + 13,0 + 16,0 + 11,0 + 7,0 + 3,0}$$

Таким образом, средневзвешенный уровень латентности самоуправства в рамках диапазона высокого уровня латентности (более 66%), исходя из оценок экспертов, составляет 84,7%.

В рамках диапазона среднего уровня латентности (от 33% до 66%) средневзвешенный показатель составляет 59,8%:

$$\overline{x} = \frac{66,0 \cdot 10,0 + 65,0 \cdot 27,0 + 60,0 \cdot 7,0 + 55,0 \cdot 8,0 + 50,0 \cdot 3,0 + 45,0 \cdot 5,0 + 40,0 \cdot 2,0 + 35,0 \cdot 1,0}{10,0 + 27,0 + 7,0 + 8,0 + 3,0 + 5,0 + 2,0 + 1,0}$$

Средневзвешенный уровень латентности самоуправства в рамках диапазона низкого уровня латентности (до 33%) составляет 27,1%:

$$\overline{x} = \frac{33,0 \cdot 13,0 + 30,0 \cdot 7,0 + 25,0 \cdot 6,0 + 20,0 \cdot 8,0 + 15,0 \cdot 6,0 + 10,0 \cdot 5,0 + 5,0 \cdot 7,0 + 3,0 \cdot 4,0}{13,0 + 7,0 + 6,0 + 8,0 + 6,0 + 5,0 + 7,0 + 4,0}$$

Учитывая показатели латентности самоуправства в рамках каждого диапазона, на основании экспертных оценок представляется возможным рассчитать средневзвешенный уровень латентности исследуемого деяния:

$$\overline{x} = \frac{84,7 \cdot 94,0 + 59,8 \cdot 63,0 + 27,1 \cdot 49,0}{94,0 + 63,0 + 49,0}$$

$$\overline{x} = \frac{13\,057,1}{206,0}$$

$$\overline{x} = 63,4$$

Таким образом, обобщенный результат экспертного опроса свидетельствует, что два из трех (63,4%) преступлений, предусмотренных ст. 330 УК РФ, остаются латентными.

Сложный комплекс факторов детерминации самоуправства существенно усложняет оценку реальных показателей состояния данного преступления. Факторы латентности самоуправства содержательно совпадают с факторами латентности преступности в целом. Вместе с тем при исследовании латентности самоуправства особое внимание необходимо уделить специфическим факторам, обусловливающим скрытый характер именно этого состава преступления.

Под факторами латентности преступности в криминологии понимают совокупность обстоятельств социального, правового, личностного и иного характера, препятствующих выявлению (установлению), регистрации и учету преступлений, а также их раскрытию, в том числе обеспечению полноты и всесторонности раскрытия преступлений[93]. В. Е. Квашис и Н. В. Генрих пришли к выводу, что «на качество и уровень регистрации преступлений, а значит, на картину преступности в той или иной стране влияет множество различных факторов экономического, политического и социально-психологического плана»[94].

Возникновение высокой латентности преступности связывают с такими факторами, как: «уровень развития государства и общества, его политическое и экономическое благополучие, особенности уголовной политики, качество законодательства в сфере противодействия преступности, эффективность его применения, состояние правопорядка в целом»[95]. Под обстоятельствами организационно-правового характера в данном контексте понимают недостатки в деятельности правоохранительных и судебных органов, в обязанности которых

[93] См.: Акутаев Р.М. Криминология и латентная преступность: монография. СПб, 1998. С. 84.
[94] Квашис В.Е., Генрих Н.В. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы методологии и методики // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2 (36). С. 18.
[95] Намнясева В.В. Латентная преступность в сфере посягательств на интересы правосудия // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4(47). С. 56.

входят выявление, регистрация преступлений и лиц, их совершивших, а также осуществление правосудия.

Также выделяют объективные и субъективные факторы, обусловливающие существование латентной преступности. К объективным факторам относят среду и обстоятельства, при которых совершается преступление. К субъективным факторам латентности преступности традиционно относят правовой нигилизм, стремление неправовыми средствами разрешить возникшую проблему, нежелание потерпевшего сообщить о преступлении, а также оценку вреда как незначительного и т.д.[96] Взаимодействие и взаимовлияние указанных факторов формирует целостный механизм латентности конкретных преступлений.

При всем разнообразии механизмов формирования латентной преступности и факторов, обуславливающих их функционирование[97], принимая во внимание социально-правовую природу самоуправства, а также экспертные оценки (см.: приложение 1) наиболее существенное влияние на уровень латентности данного преступления оказывают организационно-правовые факторы. Так, только 20,4% экспертов указали на нежелание жертв самоуправства обращаться в правоохранительные органы как на один из основных факторов латентности данного вида преступлений.

В научных исследованиях обоснованно обращается внимание на существенный уровень латентности самоуправства, который обуславливается недоверием граждан к возможностям правоохранительной системы по раскрытию преступлений, а также их стремлением к самостоятельной защите прав[98]. Подчеркивается, что повышенная степень латентности самоуправства во многом обусловлена недостаточной эффективностью судебной деятельности,

[96] См.: Муслов Б.В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики производства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 16.
[97] См.: Игнатов А.Н. Латентность преступности: понятие, виды и механизмы образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 6. С. 171.
[98] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 23.

неспособностью к оперативному и законному разрешению гражданско-правовых споров и конфликтов[99].

Подобная убежденность граждан, с одной стороны, в эффективности самоуправных действий, а, с другой стороны, в нецелесообразности обращения в правоохранительные и иные государственные органы за защитой своих прав, формируется под воздействием факторов, связанных с правовым регулированием различных общественных отношений. Таким образом, качество нормативно-правового регулирования имеет определяющее значение не только для возникновения субъективных факторов детерминации самоуправных действий, но и их латентности.

По своей сути нормативное предписание направлено на оказание воздействия на сознание субъекта для достижения результата, предполагаемого законодателем. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что именно несовершенство норм законодательства, прежде всего гражданского, (выраженное в правовой неопределенности и дефектах юридической техники), является причиной формирования иллюзии допустимости и правомерности отклонения от установленных законом и договором обязанностей, а также осуществления субъективных прав путем самоуправных действий[100].

Несовершенство нормотворческой деятельности, постоянные изменения и дополнения нормативно-правовых актов, избыточное количество подзаконных актов, пробелы и коллизии в правовом регулировании общественных отношений является существенным криминогенным и виктимогенным фактором. Влияние данных дефектов на латентность самоуправства проявляется в том, что в силу субъективного заблуждения относительно правомерности (включая ее пределы) совершаемых действий как преступником, так и его жертвой, фактически

[99] См.: Биньковский А.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты самоуправства автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 9.

[100] См.: Чапчиков С.С. Дефекты функционирования института самозащиты как социально-правовой фактор детерминации самоуправства // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти профессора В.Е. Квашиса, 20 сент. 2024 г. / редкол.: А.Л. Осипенко, В.С. Соловьев, А.С. Ильницкий и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 429-433.

совершенные деяния не оцениваются ими как преступные. Ошибочно воспринимаемые субъектами противоправные самоуправные действия расцениваются в качестве непреступных либо правомерных посягательств, вследствие чего при отсутствии заявления потерпевшего они остаются неучтенными правоохранительными органами. На ошибочное восприятие жертвой самоуправных действий как правомерных или непреступных как один из основных факторов латентности самоуправства указывают 76,2% экспертов.

Следует учитывать, что указанные правовые факторы, связанные с несовершенством правового регулирования общественных отношений, оказывают негативное влияние и на правоприменительную практику установления правомерности действий при самозащите гражданских прав (прежде всего в части трактовки и определения ее способов и пределов), их отграничения от самоуправных действий и правильной правовой оценки их последствий. Сложности и коллизии регламентации гражданско-правовых отношений нередко являются причиной ошибочной квалификации самоуправства как непреступных действий, в том числе как правомерной самозащиты гражданских прав, что значительно повышает уровень латентности данного преступления. На трудности разграничения самоуправства от гражданско-правовых отношений (включая случаи правомерной самозащиты гражданских прав) в качестве одного из основных факторов латентности самоуправства указывают 91,2% экспертов.

Отдельного внимания требует тот факт, что, как показал анализ правовых позиций судов о соотношении действий, направленных на самозащиту гражданских прав (в том числе удержания вещи по статье 359 ГК РФ), и самоуправных действий, в ходе судебного процесса участники спора нередко дают собственную правовую оценку событиям. Они обращаются с заявлениями о возбуждении уголовного дела по статье 330 УК РФ или просят суд дать оценку поведению контрагента с позиции уголовного законодательства, однако к

желаемому результату это не приводит[101]. Таким образом, при установлении факторов латентности самоуправства следует учитывать факт злоупотребления сторонами судебного разбирательства защитой от самоуправства уголовно-правовыми средствами. Использование права на обращение с заявлением о совершенном преступлении как дополнительного средства защиты прав в гражданском судопроизводстве приводит к нивелированию значимости данного процессуального института и формированию формального отношения к фактам, действительно содержащим признаки состава преступления. Данный фактор латентности самоуправства отметили 53,8% экспертов.

Рассматривая правовые факторы латентности самоуправства, необходимо учитывать недостатки законодательной техники, имеющие место при конструировании статьи 330 УК РФ. Несовершенство данной нормы законодательства в части абстрактности описания объективной стороны преступления, а также характера его общественно опасных последствий, допускающее расширительное толкование уголовного закона, часто приводит к ошибкам квалификации самоуправных действий[102].

Так, в частности, оценочный характер категории «существенный вред» при самоуправстве обусловливает необходимость определения значимости нарушенного права и масштабов причиненного ущерба правоприменителем в каждом конкретном случае на основании внутреннего убеждения. Отсутствие единой методики определения вреда, причиненного в результате самоуправных действий, обуславливает его установление в каждом конкретном случае по

[101] См.: Решение Арбитражного суда Рязанской области от 03.07.2020 по делу № А54-134/2020// Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/; Определение Верховного Суда РФ от 17.03.2021 № 304-ЭС21-782 по делу № А67-13942/2019 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: vsrf.ru

[102] См.: Феофилактов А.С. Некоторые вопросы квалификации преступного самоуправства // Российский судья. 2004. № 5. С. 24-25; Соколова О.В. Проблемы квалификации самоуправства // Уголовное право. 2013. № 6. С. 64-69; Ефанова В.Н., Сплавская Н.В. Особенности квалификации самоуправства с учетом признаков объективной стороны состава // Государство и право в XXI веке. 2014. № 2. С. 32-37; Романова Я.Н., Букалерова Л.А. Особенности квалификации совокупности преступлений // Правовая реформа. 2025. № 1. С. 40-43.

усмотрению суда[103]. На трудности квалификации данного преступления, обусловленные наличием оценочных признаков, как один из основных факторов латентности самоуправства указывают 79,1% экспертов.

В результате воздействия правовых факторов самоуправство может фактически оставаться латентным не только в связи с неверной оценкой совершенного деяния как непреступного[104], но и вследствие его ошибочной квалификации как иного преступления[105] либо смежного административного правонарушения[106].

Организационные факторы латентности самоуправства непосредственно связаны как с правовыми факторами, так и с ограниченностью ресурсного и кадрового потенциала правоохранительных органов. На роль кадрового дефицита в органах внутренних дел в формировании латентности самоуправства указали 85,4% опрошенных экспертов.

В свою очередь, самостоятельное криминологическое значение имеет такой организационный фактор, как недостаточность необходимого методического обеспечения деятельности правоохранительных органов. Речь идет, в частности, об отсутствии научно обоснованных методик выявления, раскрытия и расследования самоуправства. На нехватку подобного прикладного инструментария как на причину латентности исследуемого состава отметили 50,5% респондентов.

В литературе отмечается, что основными факторами латентности преступлений организационного характера выступают: необоснованный отказ в приеме и рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении, неправильная оценка события, квалификация деяния как административного или гражданского

---

[103] См.: Михеева Т.Ю. Оценка общественно-опасных последствий при квалификации самоуправства // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 2. С. 87-90.

[104] См.: Филиппов П.А. Значение действительного или предполагаемого права для квалификации деяния виновного как самоуправство // Законность. 2017. № 12. С. 33-35.

[105] См.: Филипсон К.Ю. Особенности правовой квалификации удержания имущества и самоуправства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 3 (56). С. 71-79.

[106] См.: Гасаналиев А.Ш., Хусруева У.М.Г. Проблема квалификации объективной стороны административного правонарушения по статье 19.1 КоАП РФ (самоуправство) // Закон и право. 2023. № 1. С. 33-35; Седелиус Н.Н. Отдельные аспекты квалификации самоуправства как административного правонарушения // Мировой судья. 2023. № 6. С. 33-37.

правонарушения, заведомо ложная правовая оценка содеянного[107]. Следует согласиться, что латентность самоуправства, связанная с неправильной квалификацией данного деяния, может быть обусловлена не только правовыми факторами, но и уровнем профессиональной подготовки и компетентности сотрудников правоохранительных органов, расследующих данное преступление, а также их отношением к исполнению служебных обязанностей и иными субъективными качествами.

В соответствии с требованиями действующего законодательства основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки совершенного преступления[108]. При этом в определенных случаях сотрудники правоохранительных органов отказывают в возбуждении уголовного дела при отсутствии к тому законных оснований. Многие жертвы в таких ситуациях не предпринимают дополнительные действия по обжалованию вынесенных постановлений. В результате значительная часть совершенных преступлений остается неучтенной и без соответствующего реагирования правоохранительных органов.

Нередко фактически совершенное самоуправство, несмотря на обращение потерпевших лиц, остается без должного внимания и надлежащей правовой оценки со стороны сотрудников правоохранительных органов со ссылкой на исключительно гражданско-правовой характер возникшего спора. В результате часть посягательств, при том, что факт совершения противоправного деяния полностью осознается потерпевшим, своевременно сообщившим об этом в правоохранительные органы, остается латентными. На недостаточный уровень профессиональной подготовки и компетентности сотрудников правоохранительных органов, расследующих самоуправство, как на один из факторов его латентности указывают 32,5% экспертов.

---

[107] См.: Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. М.: Изд-во ВНИИ МВД России. 1994. С. 86.

[108] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (часть I). Ст. 4921.

Установление данных факторов латентности самоуправства позволяет не только оценить реальное состояние данного преступления, устранить соответствующие факторы его детерминации, но и реализовать весь комплекс мер его предупреждения.

С учетом изложенного в данном параграфе представляется возможным сформулировать сделать следующие выводы.

При снижении количества преступлений, предусмотренных статьей 330 УК РФ, уголовные дела и материалы о которых находились в производстве на начало года или зарегистрированы в отчетном периоде, за последние десять лет на две трети, состояние самоуправства характеризуется специфическими тенденциями, указывающими на снижение эффективности деятельности органов внутренних дел по выявлению и расследованию самоуправства (снижение доли регистрируемых в отчетном периоде преступлений, количества выявленных лиц, совершивших преступления, доли предварительно расследованных деяний и пр.). В суды направляются уголовные дела только по каждому четвертому выявленному случаю самоуправства. В структуре судимости преобладает квалифицированный состав самоуправства, совершенный с применением насилия или с угрозой его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ), имеет место тенденция к постепенному увеличению доли данного вида самоуправства.

Два из трех преступлений, предусмотренных статьей 330 УК РФ, остаются латентными. При этом наиболее существенное влияние на уровень латентности самоуправства оказывают правовые и организационные факторы.

ГЛАВА 2
ХАРАКТЕРИСТИКА МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ САМОУПРАВСТВА

§ 1. Характеристика личности преступника, совершающего самоуправство

Личность преступника традиционно рассматривается в качестве центрального элемента предмета криминологии и основной проблемы исследования преступности. Данный подход обусловлен тем, что именно в личности преступника и его поведении кроются основные причины преступного поведения и преступности в целом. Без человека и его деяний не существует преступлений, а без преступлений не существует и преступности как таковой[109]. Указанное определяет не только теоретическую значимость изучения личности преступника для решения проблемы познания преступности и противодействия ей, но и практическую значимость исследования криминологической характеристики личности преступника, совершающего преступления определенного вида.

Применение системно-структурного анализа в качестве основного методологического инструментария позволяет дифференцировать разнообразные в криминологической науке подходы к выделению структурных характеристик (групп признаков или подструктур) личности преступника. В качестве таковых обоснованно выделяются: биофизиологические, психофизиологические, социально-демографические, социально-ролевые, нравственно-психологические, уголовно-правовые и межличностные признаки[110]. По мнению Ю. М. Антоняна, дифференциация исследовательских

[109] См.: Аванесов Г. А., Шегабудинов Р. Ш. Личность преступника в системе причин преступности // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 3. С. 93.

[110] См.: Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. С. 85-86; Клейменов М. П. Криминология: учебник. М.: Норма, 2018. С. 102−103; Ананич В. А. Криминологическая модель личности преступника и ее использование в деятельности следователя // Предварительное расследование. 2019. № 1 (5). С. 32−33; Новикова Ю. В. Типологические схемы личности преступника в структуре криминологической характеристики преступности (преступлений) // Общество и право. 2021. № 2 (76). С. 32-34; Криминология: учебник для академического бакалавриата / под ред. В. И. Авдийского, Л. А. Букалеровой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2024. С. 70.

подходов к анализу указанного феномена предполагает выделение философского, психологического, этического, социологического, экономического, демографического, правового и медицинского аспекты изучения личности преступника[111].

Вместе с тем ограниченность официальных форм статистической отчетности о выявленных лицах, совершивших преступления, а также сведениях о судимости обуславливает объективные сложности получения репрезентативного эмпирического материала для всестороннего исследования личности преступника на статистически значимом уровне. Указанное обстоятельство фактически сводит исследование криминологической характеристики личности преступника к установлению его основных социально-демографических, уголовно-правовых и морально-психологических характеристик, среди которых приоритетное значение имеет мотивация преступного поведения.

Анализ статистических сведений о состоянии судимости в Российской Федерации за 2017-2025 гг. (включая данные за первое полугодие 2025 года)[112] позволил установить следующие характеристики личности преступника, совершающего самоуправство.

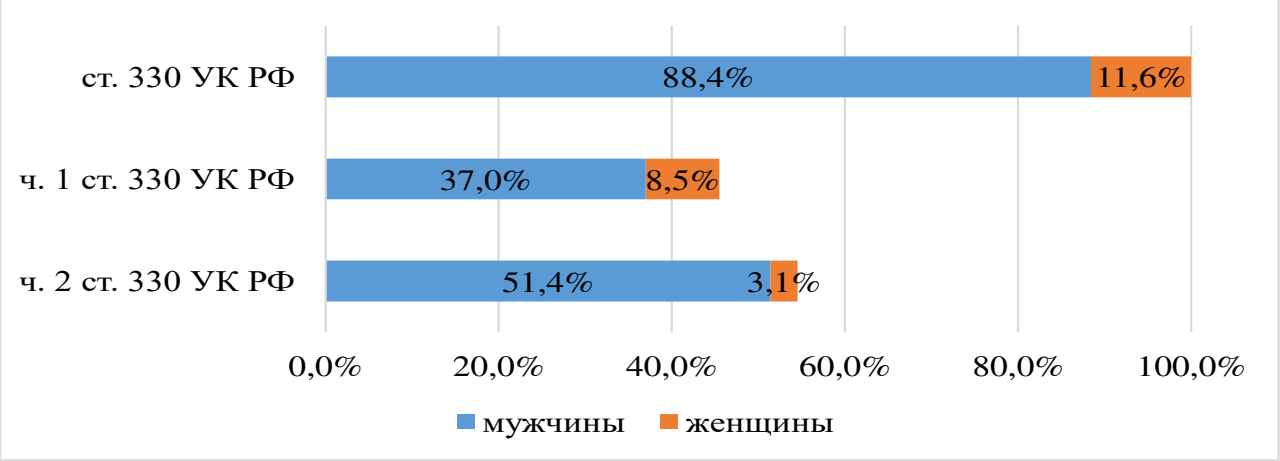
Гендерная структура исследуемой категории лиц характеризуется устойчивым преобладанием мужчин, доля которых составила 88,4%. На долю женщин приходится 11,6% от общего числа осужденных за самоуправство (567 человек). В абсолютном выражении число осужденных лиц женского пола демонстрирует тенденцию к сокращению: с 99 человек в 2017 году до 29 человек в первом полугодии 2025 года. Однако удельный вес женщин в общей структуре осужденных по статье 330 УК РФ вырос с 11,2% в 2017 году до 15,3%, в 2025 году. Таким образом, в условиях общего сокращения абсолютного числа лиц,

[111] См.: Антонян Ю. М. Криминология. Избранные лекции. М.: «Логос», 2004. С. 77.
[112] См.: Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017–2025 гг. [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/?id=79

осужденных за самоуправство, отмечается относительный рост доли женской преступности в рамках данного состава.

Специфические криминологические группы, такие как беременные женщины, в общей массе осужденных практически не представлены. За весь исследуемый период зафиксировано только 2 случая, что статистически составляет около 0,04%. Численность осужденных женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет, составила 34 человека (или 0,7%), при этом их абсолютное число снизилось с 7 человек в 2017 году до 1 человека в первом полугодии 2025 года. Для женщин более характерным является совершение неквалифицированного самоуправства (8,5%), тогда как за совершение насильственного самоуправства осуждены 3,1% женщин (см.: диаграмма 8).

Диаграмма 8. Пол лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ

Возрастная структура выступает одним из наиболее информативных критериев анализа личности преступника[113]. Несовершеннолетние в возрасте 14–17 лет составили 55 человек, или 1,1% от общего числа лиц, осужденных по статье 330 УК РФ. Их абсолютное число изменилось незначительно (с 5 человек в 2017 году до 4 человек в первом полугодии 2025 года), однако удельный вес вырос с 0,6% в 2017 году до 2,1% в 2025 году. Полученные данные свидетельствуют о том, что самоуправство не относится к категории преступлений, характеризующих преимущественно подростковую

[113] См.: Мацкевич И.М. Причины преступлений (новый взгляд на хорошо забытые старые проблемы) // Юрист. 2013. № 19. С. 24.

преступность, но общая тенденция роста преступности несовершеннолетних касается и исследуемого преступления.

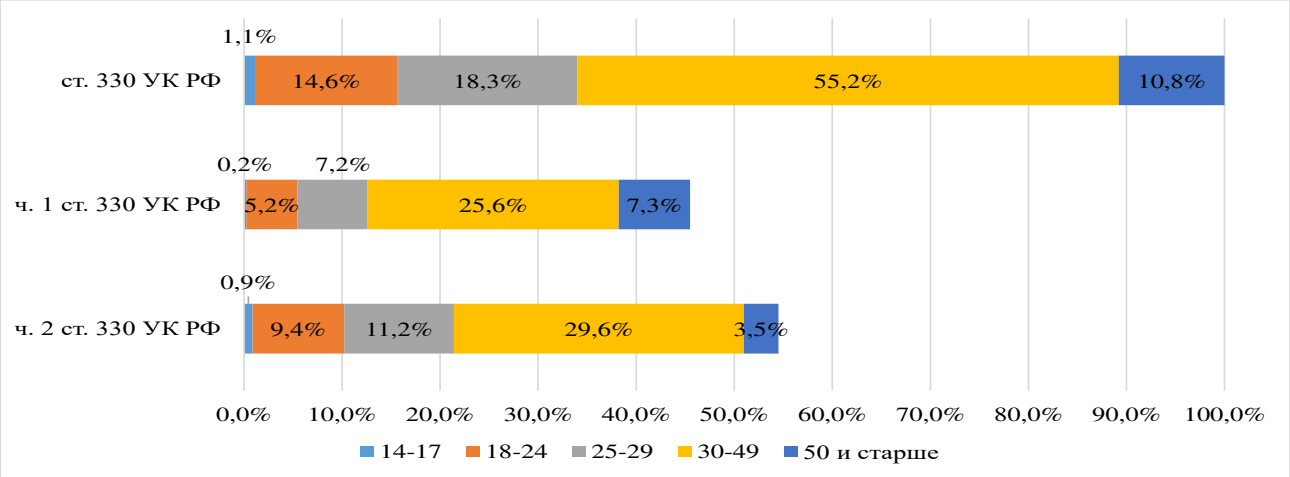
Группа лиц в возрасте 18–24 лет составила 713 человек, или 14,6%. Ее численность снизилась со 121 человека в 2017 году до 28 человек в первом полугодии 2025 года. Представители данной возрастной группы сохраняют заметное, но не доминирующее положение в структуре судимости за самоуправство.

Группа в возрасте 25–29 лет насчитывает 897 человек, или 18,3%. Для данной возрастной категории характерно наиболее интенсивное снижение абсолютных показателей - с 214 человек до 18 человек, при одновременном сокращении доли в общем массиве осужденных за самоуправство лиц с 24,3% в 2017 году до 9,5% в 2025 году.

Центральной возрастной группой выступают лица в возрасте 30–49 лет: 2 702 осужденных, или 55,2% всех осужденных за самоуправство преступников. Несмотря на сокращение абсолютного числа с 451 до 114 человек, удельный вес этой группы вырос с 51,1% в 2017 году до 60,3% в 2025 году. Следовательно, в большинстве случаев преступник, совершающий самоуправство, может быть охарактеризован как социально зрелый взрослый человек, находящийся в периоде активной трудоспособности (см.: диаграмма 9).

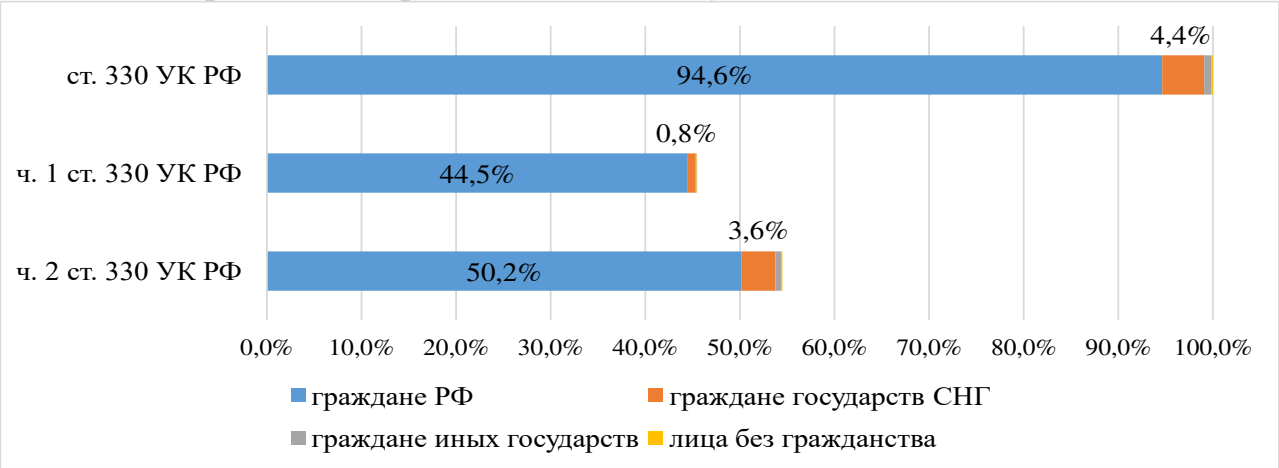
Лица в возрасте 50 лет и старше составили 528 человек, или 10,8%. Их абсолютное число снизилось с 91 до 25 человек, однако удельный вес вырос с 10,3% в 2017 году до 13,2% в 2025 году. Входящие в данную возрастную группу мужчины, достигшие 60 лет к моменту вынесения приговора, составили 92 человека, или 1,9%, а женщины пенсионного возраста - 69 человек, или 1,4%. При этом удельный вес женской группы пенсионного возраста увеличился с 1,2% в 2017 году до 3,2% в 2025 году.

Диаграмма 9. Возраст лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ

По признаку гражданства лица, совершающие самоуправство, преимущественно являются гражданами Российской Федерации - 94,7%. На долю граждан других государств-участников СНГ приходится 217 человек, или 4,4% от общего числа осужденных. Их число снизилось с 22 человек в 2017 году до 7 человек в первом полугодии 2025 года, однако доля выросла с 2,5% до 3,7%. Граждане иных иностранных государств составили 36 лиц, или 0,7%. Лица без гражданства представлены минимально - 9 человек, или 0,2% (см.: диаграмма 10). Следовательно, совершение самоуправства непосредственно не связано с миграционными процессами, хотя обращает на себя внимание тот факт, что в структуре преступности иностранных граждан преобладают квалифицированные (насильственные) виды исследуемого деяния.

Диаграмма 10. Гражданство лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ

По месту жительства среди осужденных преобладают постоянные жители данной местности: 4 202 человека, или 85,8% от всех лиц, привлеченных к ответственности по статье 330 УК РФ. В абсолютном выражении их число

сократилось с 744 человека в 2017 году до 170 человек в первом полугодии 2025 года, однако доля выросла с 84,4% до 89,9%. Данный показатель имеет принципиальное значение для характеристики личности преступника, поскольку самоуправство, как правило, совершается не маргинально-миграционным субъектом, а лицом, интегрированным в локальную социальную среду, где возникают имущественные, бытовые, трудовые, семейные или организационные конфликты (см.: диаграмма 11).

Диаграмма 11. Место жительства лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ

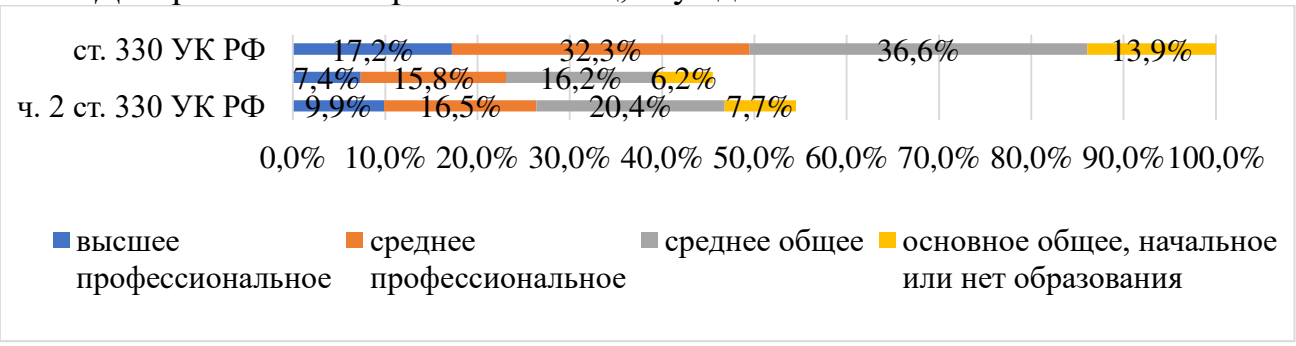
Численность жителей иной местности составила 661 человек, или 13,5%. Их абсолютное число снизилось со 133 до 16 человек, а доля - с 15,1% в 2017 году до 8,5% в 2025 году. Беженцы и вынужденные переселенцы составили всего 9 человек, или 0,2%. Лица без определенного места жительства составили 23 лица, или 0,5% от общего массива лиц осужденных по статье 330 УК РФ, хотя их доля выросла с 0,3% в 2017 году до 1,6% в 2025 году. В целом полученные данные подтверждают вывод о том, что самоуправство не является преступлением, характерным преимущественно для мигрантов[114] или социально неадаптированных лиц, напротив, оно распространено в обычной социальной среде.

[114] Букалерова Л.А., Остроушко А.В., Уварова И.А. К вопросу о критериях «устойчивой правовой связи лица с государством» // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2026. № 3 (38). С. 102-106.

Различные исследования показывают, что образовательный уровень существенно характеризует личность преступников[115]. По уровню образования среди осужденных за самоуправство преобладают лица со средним уровнем образования. Лица с высшим образованием составили 844 человека, или 17,2%. Их число снизилось со 143 до 48 человек, но доля выросла с 16,2% до 25,4%, что свидетельствует о заметном увеличении числа лиц с высшим образованием к концу анализируемого периода. Среднее профессиональное образование имели 1 579 человек, или 32,3%; их абсолютное число сократилось с 275 до 50 человек, а удельный вес снизился с 31,2% до 26,5%. Среднее общее образование имели 1 790 человек, или 36,6%, что делает эту группу преобладающей; ее численность сократилась с 334 до 64 человек, а доля снизилась с 37,9% до 33,9%. Основное общее, начальное образование либо отсутствие образования зафиксированы у 682 человек, или 13,9%; данный показатель снизился со 130 человек в 2017 году до 27 человек в первом полугодии 2025 года, при практически стабильной доле - 14,7% в 2017 году и 14,3% в 2025 году (см.: диаграмма 12).

В совокупности это позволяет охарактеризовать типичного самоуправца как лицо, не обладающее предельно низким образовательным уровнем, а чаще со средним общим или средним профессиональным образованием при заметном увеличении доли лиц с высшим образованием. Рассмотренная характеристика соответствует конфликтной природе самоуправства, преступление нередко связано не с примитивной уличной девиацией, а с субъективным представлением лица о наличии у него права, которое оно реализует незаконным способом.

Диаграмма 12. Образование лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ

[115] См.: Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. Личность преступника как криминологическая проблема // Государство и право: теория и практика. 2016. № 3 (4). С. 46.

Важным показателем характеристики личности преступников является род их занятий[116]. В структуре лиц, совершивших самоуправство, преобладают трудоспособные лица без определенного рода занятий, данная категория составила 2 763 человек, или 56,4% среди всех осужденных по статье 330 УК РФ. В абсолютном выражении их численность сократилась с 497 человек в 2017 году до 81 человека в первом полугодии 2025 года (на 83,7%), при этом доля снизилась с 56,4% до 42,9%. Несмотря на снижение, именно этот показатель остается ключевым для социального портрета субъекта самоуправства: посягательства часто совершаются лицами, формально находящимися в трудоспособном возрасте, но не имеющими стабильной занятости и легальных источников дохода.

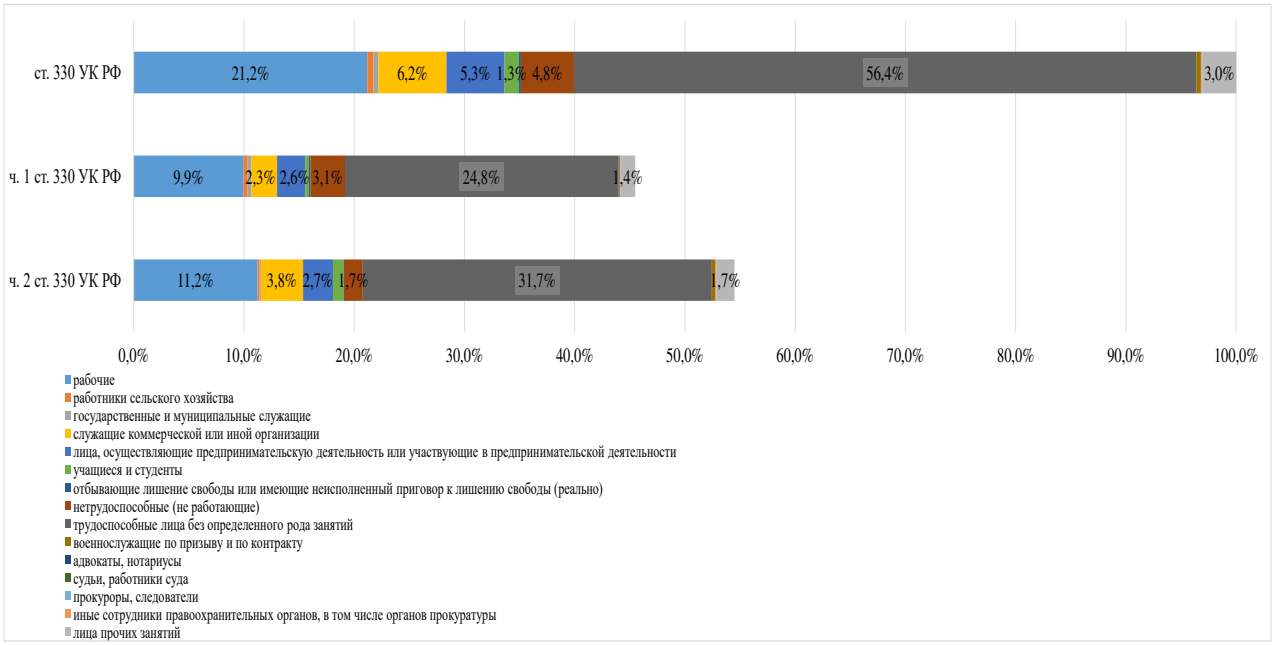
Категория рабочих составила 1 037 человек, или 21,2%, их число снизилось со 193 до 52 человек, но доля выросла с 21,9% до 27,5%. Это вторая по значимости группа, формирующая образ субъекта, вовлеченного в физический или производственный труд и потенциально включенного в бытовые или имущественные конфликты. Служащие коммерческих и иных организаций составили 302 человека, или 6,2%; их число снизилось с 64 до 10 человек, а доля - с 7,3% до 5,3%. Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, составили 258 человек, или 5,3%, включая индивидуальных предпринимателей, доля которых составила 3,6% (178 человек). Абсолютные показатели данной категории лиц существенно снизились - с 58 до 8 человек (с 40 до 7 лиц по группе индивидуальных предпринимателей) (см.: диаграмма 13).

Нетрудоспособные неработающие граждане составили 236 человек, или 4,8%; их абсолютное число уменьшилось с 31 до 11 человек, но доля выросла с 3,5% до 5,8%. К данной группе примыкают инвалиды I–II групп, общая численность которых составила 54 человека, или 1,1% осужденных; их абсолютное число снизилось с 8 до 6 человек, но доля выросла с 0,9% до 3,2%.

[116] См.: Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. Личность преступника как криминологическая проблема // Государство и право: теория и практика. 2016. № 3 (4). С. 46.

Лица прочих занятий составили 149 лиц, или 3,0%, при этом в 2025 году их доля выросла по сравнению с 2017 годом с 1,7% до 6,3%. Учащиеся и студенты составили 63 лица, или 1,3%; в абсолютном выражении показатель вырос с 7 до 9 человек, а доля - с 0,8% до 4,8%, хотя к 2024 году произошло снижение на 10,0%. Работники сельского хозяйства составили 28 человек, или 0,6%. Государственные и муниципальные служащие – 22 человека, или 0,4%, военнослужащие - 19 человек, или 0,4%. Зарегистрированные безработные составили всего 45 человек, или 0,9%, что существенно меньше численности широкой категории трудоспособных лиц, фактически не имеющих определенного рода занятий. Особый интерес представляют данные о судимости специальных субъектов: за совершение самоуправства зафиксированы случаи осуждения адвокатов и нотариусов (3 случая), а также сотрудников правоохранительных органов (6 случаев).

Диаграмма 13. Социальное положение (род занятий) лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ

Результаты анализа статистических данных о состоянии судимости в Российской Федерации подтверждают репрезентативность с точки зрения генеральной совокупности и обоснованность выводов о социально-демографических характеристиках личности преступника, совершающего самоуправство. Сведения о характеристиках личности преступника, полученные

в результате изучения материалов уголовных дел по данному преступлению (см.: приложение 2), в целом соответствуют результатам статистического обобщения. Вместе с тем метод сплошного или выборочного изучения уголовных дел позволяет дополнить характеристику личности преступника рядом признаков, не отражаемых в официальной статистической отчетности.

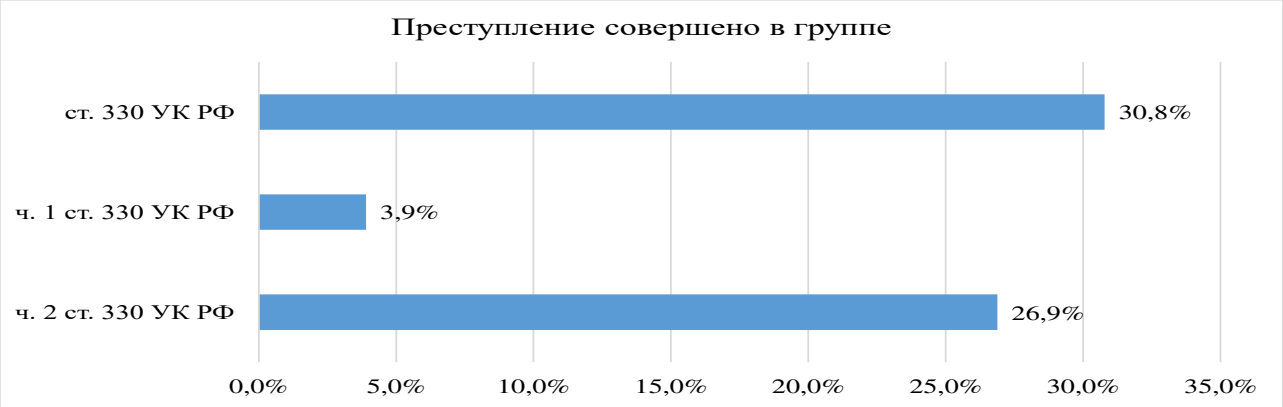
В частности, изучение материалов уголовных дел позволило установить, что большинство лиц, осужденных за самоуправство (74,5%), не состоят в зарегистрированном браке, и только 25,5% имели официальный брачный статус. Это позволяет говорить о преобладании среди виновных лиц, не имеющих устойчивого семейно-бытового окружения. Само по себе отсутствие зарегистрированного брака не является криминогенным фактором[117], однако в совокупности с другими показателями (неустойчивой трудовой занятостью, повышенной конфликтностью, ситуативностью умысла) может указывать на ослабление институциональных механизмов социального контроля и повышает вероятность импульсивного разрешения возникающих споров.

Анализ эмпирических данных позволяет установить основные параметры уголовно-правовой характеристики личности преступника, совершающего самоуправство.

Групповой характер совершения самоуправства характерен для каждого третьего преступника. Совершение самоуправства в группе имело место у 1 507 осужденных лиц, или 30,8%. Абсолютное число снизилось с 265 в 2017 году до 70 в первом полугодии 2025 года, но удельный вес вырос с 30,0% до 37,0%. Следует отметить, что групповое совершение преступления характерно преимущественно для лиц, избирающих насильственный способ осуществления самоуправных действий. В то же время для преступника не характерно совершение самоуправства в составе организованной группы – за анализируемый период в данной форме осуждено 38 лиц, или 0,8% (см.: диаграмма 14).

Диаграмма 14. Удельный вес лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ, совершивших самоуправство в соучастии

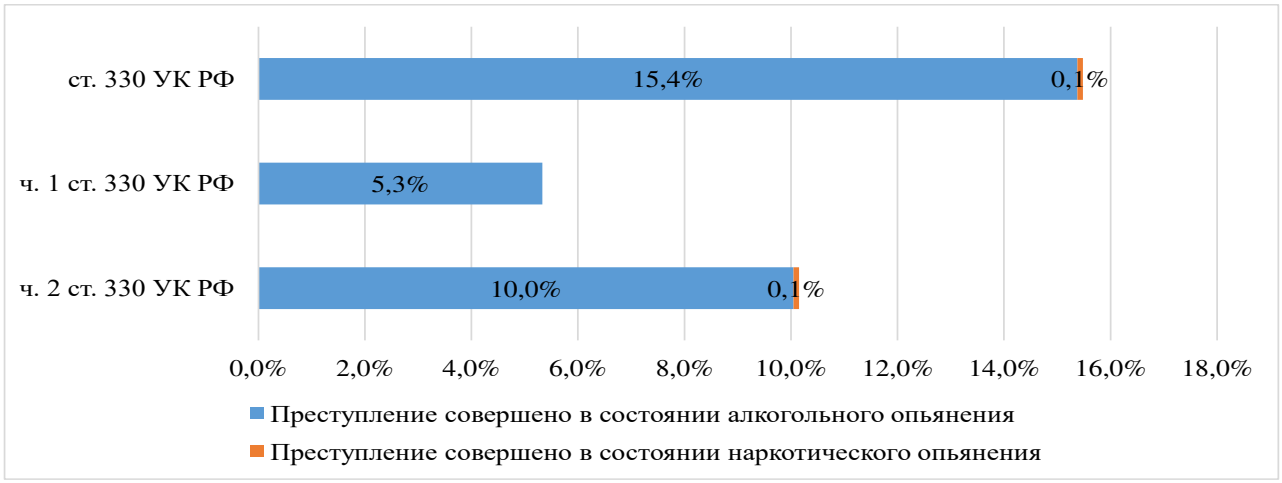
[117] См.: Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. М.: ИНФРА-М, 2024. С. 74-79.

Таким образом, самоуправство нередко реализуется в составе группы лиц, что в полной мере соответствует конфликтно-насильственной модели незаконного осуществления предполагаемого права.

Касательно состояния лица в момент совершения преступления установлено следующее. В состоянии алкогольного опьянения самоуправство совершили 753 человека, или 15,4% от общего числа осужденных. Абсолютный показатель снизился со 157 до 10 человек, а доля - с 17,8% до 5,3%. Наркотическое опьянение зафиксировано всего в 5 случаях, или 0,1% (см.: диаграмма 15).

Диаграмма 15. Состояние в момент совершения преступления лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ

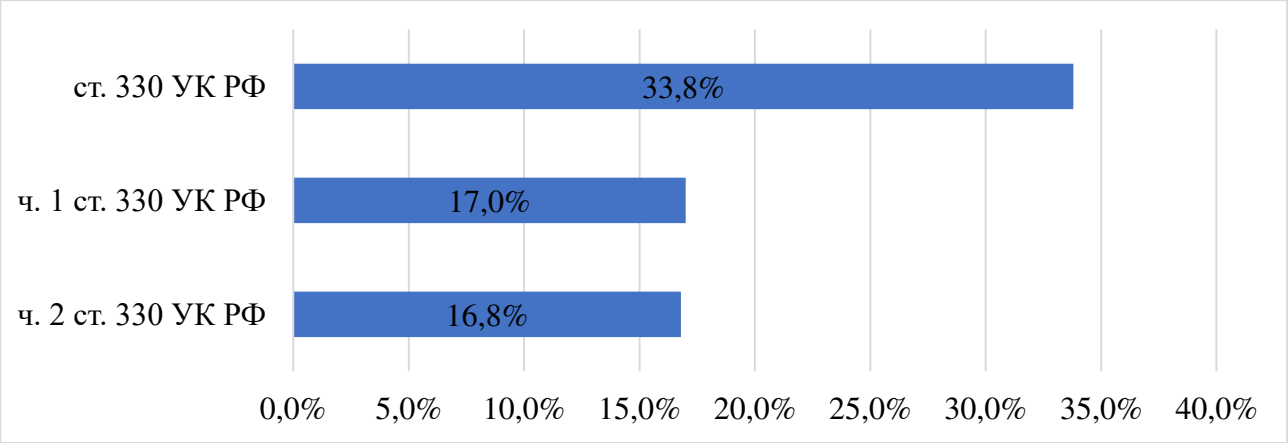

Уголовно-правовая характеристика личности преступника включает в себя и такой специфический признак, как наличие и характер судимостей[118]. Лица, сужденные по статье 330 УК РФ, имевшие неснятые и непогашенные судимости

[118] См.: Корецкий Д.А., Халява В.О. Личность преступника: терминологические и сущностные проблемы // Уральский журнал правовых исследований. 2022. № 3. С. 40.

на момент судебного рассмотрения, составили 1 656 человек, или 33,8%. Их абсолютное число снизилось с 268 до 42 человек, а доля - с 30,4% до 22,2%. Из них лица с двумя судимостями составили 352 человека, или 7,2%; с тремя и более судимостями - 267 человек, или 5,5%. При этом доля лиц с тремя и более судимостями в 2025 году составила 5,8%, что немного выше уровня 2017 г. при снижении абсолютного числа, что указывает на небольшой, но устойчивый слой лиц с выраженной криминальной ориентацией. Осужденные, совершившие самоуправство в несовершеннолетнем возрасте, составили 40 человек, или 0,8%. Лица, ранее судимые только за неосторожные преступления, составили 35 человек, или 0,7%. Лица, ранее осужденные к мерам, не связанным с лишением свободы, составили 526 человек, или 10,7%, а их доля выросла с 7,7% до 9,5% (см.: диаграмма 16).

Диаграмма 16. Наличие неснятой или непогашенной судимости у лиц, осужденных по ст. 330 УК РФ

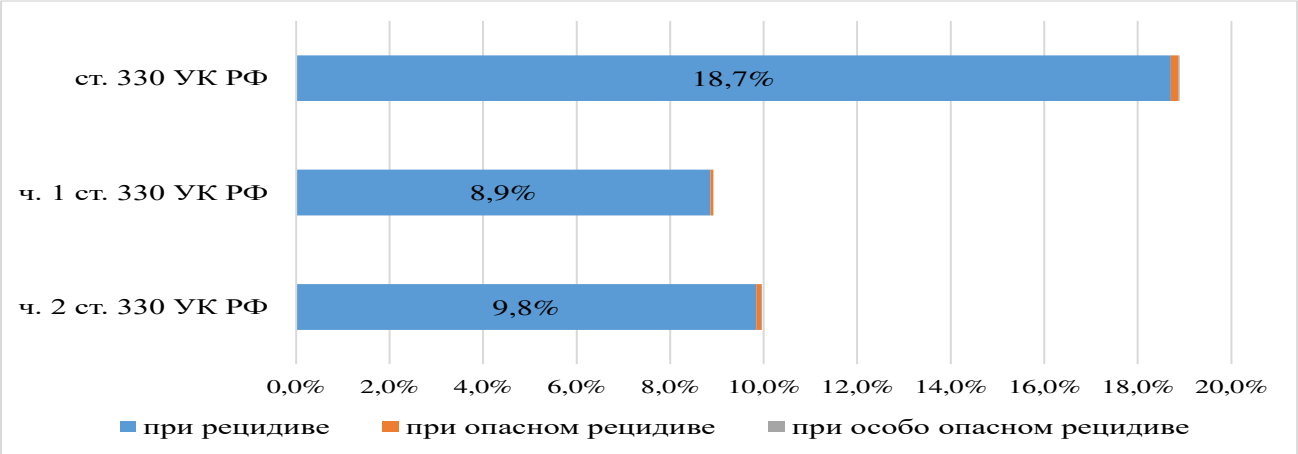
Показатели отбытия наказания по последней судимости позволяют уточнить профиль ранее судимого преступника. Лица, полностью отбывшие наказание по последней судимости, составили 833 человека, или 17,0% от общего числа. Их абсолютное число снизилось со 123 до 24 человека, а доля - с 13,9% до 12,7%. Освобожденные от отбывания наказания досрочно составили 189 человек, или 3,9%. Из них: условно-досрочно - 151 человек, или 3,1%; освобожденные с заменой более мягким видом наказания - 26 человек, или 0,5%. Рассматриваемые абсолютные показатели демонстрируют нисходящую динамику. Лица, не отбывшие наказание, составили 634 человека, или 12,9%; к первому полугодию

2025 года показатель снизился со 103 до 15 человек, а доля - с 11,7% до 7,9%. Среди них неотбытое лишение свободы, включая отсрочку исполнения приговора, зафиксировано у 26 человек, исправительные работы - у 55 человек, условное осуждение к лишению свободы - у 227 человек, условное осуждение к иным мерам - у 9 человек. Наиболее заметной внутри этой группы является категория условного осуждения к лишению свободы (4,6%). Следовательно, для преступника, имеющего судимость, в большой мере характерно совершение самоуправства при имеющемся опыте отбывания наказания (в том числе при досрочном освобождении от его отбывания).

Изучение материалов уголовных дел (см.: приложение 2) позволило установить, что среди ранее судимых или привлекавшихся к уголовной ответственности лиц (29,1%) только 12,5% ранее привлекались за преступления, совершенные с применением насилия либо угрозой его применения, а 87,5% такого опыта не имели. Ранее привлекались за преступление, предусмотренное статьей 330 УК РФ, лишь 6,3% из числа ранее привлекавшихся лиц. Указанное подтверждает, что для самоуправства характерен низкий уровень рецидива насильственного преступного поведения и низкий уровень специального рецидива, а поведение преступника чаще имеет ситуативный, конфликтно-имущественный характер. В то же время среди лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности, значимым является показатель времени совершения нового преступления. В течение одного года после отбытия наказания преступление совершили 14,6% лиц, по истечении одного года - 52,1%, условно осужденными - 27,1%, в период неотбытой части дополнительного наказания - 6,2%. Данные показатели свидетельствуют, что основная доля преступлений ранее судимых лиц фиксируется по истечении одного года после отбытия наказания, что соответствует общей тенденции совершения преступлений криминально ориентированными лицами, отбывшими наказание.

Судимость неизбежно связана с таким уголовно-правовым признаком личности преступника, как рецидив преступлений[119]. Лица, признанные совершившими преступление при рецидиве, составили 916 человек, или 18,7% от общего числа. Их абсолютное число снизилось со 142 до 27 человек, а доля - с 16,1% в 2017 году до 14,3% в 2025 году. Опасный рецидив представлен 8 случаями, или 0,2%, а особо опасный рецидив - единичным случаем (2021 год, 1 осужденный по ч. 2 ст. 330 УК РФ) за весь анализируемый период (см.: диаграмма 17). Это означает, что почти каждый пятый преступник совершил самоуправство при рецидиве преступлений. Такая структура подтверждает смешанный характер состава исследуемых преступников - наряду с лицами, впервые или эпизодически с нарушившими уголовный закон, присутствует существенная группа с криминальной деформацией личности.

Диаграмма 17. Лица, осужденные по ст. 330 УК РФ, признанные совершившими преступление при рецидиве

Самостоятельное криминологическое значение имеют данные о лицах, не имеющих судимости на момент совершения преступления, но обладавших предшествующим опытом привлечения к уголовной ответственности (ранее юридически несудимые лица). Группа лиц, у которых прошлые судимости были сняты или погашены в установленном законом порядке, составила 369 человек, или 7,5% от общего числа. Их абсолютный показатель снизился с 75 до 15 человек, а доля практически сохранилась на близком уровне - 8,5% в 2017 году и

[119] См.: Яшин А.В. Уголовно-правовые признаки личности преступника как объект криминологического изучения // Современное право. 2021. № 9. С. 88.

7,9% в 2025 году. Лица, ранее освобождавшиеся от уголовной ответственности или наказания по нереабилитирующим основаниям, составили 32 человека, или 0,7%. Лица, впервые совершившие два и более преступлений, составили 411 человек, или 8,4%; их число снизилось с 54 до 18 человек, однако удельный вес в данной категории в структуре судимости вырос с 6,1% до 9,5%. Осужденные, имевшие судимости за преступления, совершенные позднее, чем по текущему обвинению, составили 19 человек, или 0,4%. Как следует из приведенных данных, 16,6% лиц, осужденных за самоуправство, являются ранее юридически несудимыми, однако обладают предшествующим криминальным опытом, что необходимо учитывать при разработке дифференцированных мер индивидуальной профилактики.

Таким образом, для каждого второго (50,4%) преступника, совершающего самоуправство характерно наличие фактического (криминологического) рецидива - 33,8% имели неснятую или непогашенную судимость на момент рассмотрения дела и 16,6% ранее совершали преступления, хотя являются юридически несудимыми. Однако при этом следует учитывать, что лица, ранее совершавшие преступления (прежде всего судимые) чаще других категорий лиц фактически привлекаются к уголовной ответственности за совершение различных преступлений. В то же время, учитывая латентность самоуправства, показатель удельного веса лиц имеющих предшествующий криминальный опыт, является весьма значимым.

Изучение материалов уголовных дел (см.: приложение 2) показало, что основным видом наказания, назначаемого за совершение преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, является лишение свободы - 76,4%. При этом в большинстве случаев данная мера носила характер условного осуждения (58,2%). Штраф назначен в 12,7% случаев, обязательные работы - в 5,5%, исправительные работы - в 5,5%, а лишение свободы было заменено принудительными работами в 1,8% случаев. При назначении наказания в виде лишения свободы преобладает его установление сроком на один год - 66,7%, два года - 26,2%, до одного года - 7,1%. Преобладание условного осуждения

указывает на то, что суды при вынесении приговоров по статье 330 УК РФ преимущественно оценивают личность виновного и конкретные обстоятельства дела как допускающие исправление осужденного без реальной изоляции от общества.

Морально-нравственная характеристика личности преступника характеризуется как личностными особенностями, спецификой мотивации его преступного поведения, так и отношением к содеянному. Именно психологические и связанные с ними иные личностные характеристики оказывают существенное влияние на формирование преступной модели поведения[120].

Изучение материалов уголовных дел (см.: приложение 2) позволило установить основные морально-нравственные характеристики личности преступника, совершающего самоуправство.

Психические аномалии, не исключающие вменяемости, выявлены лишь у 1,8% преступников. Данный показатель отчасти может быть связан с необязательным проведением психолого-психиатрической экспертизы при расследовании исследуемого преступления. Тем не менее установленная характеристика указывает на то, что самоуправное поведение не связано преимущественно с психопатологическими факторами. Оно имеет социально-психологическую и ситуационно-конфликтную природу, в основе которой лежат неверная оценка допустимых способов защиты интересов, низкая правовая культура, импульсивность, конфликтность, имущественная заинтересованность.

В части отношения к содеянному для лиц, совершивших самоуправство, характерен высокий уровень признания вины. В полном объеме вину признали 87,3%, частично - 5,5%, не признали - 7,3%. Полученные данные свидетельствуют о том, что после правовой оценки содеянного большинство виновных признают фактическую незаконность своих действий. Однако

[120] См.: Гармышев Я.В., Корягина С.А., Лавыгина И.В. Нравственно-психологические характеристики личности преступника // Baikal Research Journal. Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2018. Т. 9, № 4.

признание вины не обязательно исключает сохранение внутренней убежденности в собственной «моральной правоте». Для самоуправства характерно специфическое противоречие между субъективным ощущением справедливости и объективной незаконностью способа ее реализации.

Мотивационная структура является ключевым элементом для понимания природы и механизма самоуправства, а также сущностных характеристик личности преступника.

Доминирующим мотивом совершения самоуправства является восстановление нарушенного или предполагаемо нарушенного имущественного права - 38,2%. В 18,2% случаев мотивы совершения посягательства связаны с восстановлением нарушенного или предполагаемо нарушенного имущественного права третьих лиц. Третьим по распространенности мотивом действий преступников является корысть - 12,7%. Также мотивами совершения данного преступления выступают: возмещение собственных затрат - 7,3%; побуждение лица к прекращению действий, воспринимаемых виновным как нарушение его прав, - 5,5%; утверждение или демонстрация превосходства - 5,5%; возмещение морального вреда - 3,6%; удовлетворение личных потребностей или интересов посредством использования чужого имущества - 3,6%; ревность - 3,6%; пресечение предполагаемого преступления - 1,8%.

Следует отметить, что указанные данные в целом совпадают с оценкой мотивации самоуправства экспертами. Так, в качестве доминирующего мотива самоуправства 41,2% экспертов указали на защиту или восстановление своих имущественных прав. Также отметили такие мотивы, как корыстные побуждения (25,7%), защиту или восстановление имущественных прав третьих лиц (21,3%) и личную неприязнь и иные низменные мотивы (11,8%).

Анализ мотивационной структуры показывает, что самоуправство отражает существенную деформацию правового сознания личности преступника, сознательно избирающего неправовой способ разрешения спорной ситуации и удовлетворения своих интересов и потребностей.

На основе проведенного исследования представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Преступник, совершающий самоуправство, может быть охарактеризован как социально зрелый, образованный взрослый мужчина, находящийся в активном трудоспособном возрасте, без определенного рода занятий или рабочий, включенный в социальную среду и выступающий активным участником имущественных, бытовых, трудовых, семейных или организационных отношений и конфликтов. Самоуправство совершается как устойчиво криминализированными лицами, так и лицами, которые в конкретной конфликтной ситуации выбирают незаконный способ реализации субъективного права.

Основным мотивом совершения самоуправства является не стремление к незаконному обогащению, а субъективно воспринимаемое «восстановление справедливости» или «возврат должного». При этом во многих случаях виновный стремится «защитить» права третьих лиц. Самостоятельное криминологическое значение в мотивационной структуре занимают корыстные побуждения и стремление к возмещению вреда, понесенных затрат или удовлетворения своих потребностей. Таким образом, именно внутренняя убежденность субъекта в наличии у него права распоряжаться чужим имуществом по своему усмотрению выступает смысловым ядром криминогенного механизма самоуправных посягательств.

К числу негативных тенденций формирования типичного портрета личности самоуправца относятся: увеличение доли лиц старше 30 лет; рост доли лиц, обладающих высшим образованием; преобладание постоянных жителей данной местности, занятых рабочим трудом; увеличение доли группового совершения преступления.

§ 2. Факторы детерминации самоуправства

Преступное поведение детерминировано комплексом факторов, в связи с чем выявление криминогенных детерминант представляет научный интерес для криминологической науки[121], поскольку от полноты их установления зависит эффективность предупреждения преступности в целом и самоуправства в частности. Преступность представляет собой сложный, динамичный феномен, существование которого обусловлено совокупностью объективных и субъективных факторов. Таким образом, субъективные и объективные факторы образуют единую систему детерминант, определяющую возникновение, существование и динамику самоуправства как вида преступного поведения.

В практическом аспекте актуальность исследования данной проблемы обусловлена тем, что наряду с социально-экономическими, правовыми, политическими, организационно-управленческими и иными объективными детерминантами, влияющими на генезис преступности, существенное значение имеют личностные свойства индивида, выступающие внутренними детерминантами совершения посягательства. Соответственно, научное обоснование объективных факторов детерминации самоуправства определяет необходимость установления их непосредственной связи с субъективными факторами преступного поведения.

Установление объективных факторов детерминации самоуправства позволяет определить наиболее конфликтогенные сферы и условия жизнедеятельности общества, непосредственно обуславливающие данное деяние, а также влияющие на формирование личности преступника и проявление субъективных факторов его преступного поведения.

---

[121] См.: Проблемы криминологической детерминации / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Изд-во Московс. ун-та, 1984. С. 10; Мацкевич И.М. Причины преступлений (новый взгляд на хорошо забытые старые проблемы) // Юрист. 2013. № 19. С. 24-31.

В немногочисленных отечественных криминологических исследованиях самоуправства рассмотрение проблемы его детерминации осуществляется на основе положений концепции социального детерминизма. В соответствии с данной концепцией самоуправные действия рассматриваются как закономерное следствие деструктивных процессов, происходящих в обществе. В связи с тем, что в основном исследования по данной тематике проводились в 2000-х года, в качестве основных причин преступного поведения лиц, совершающих самоуправство, ученые выделяют противоречия общественного развития, обострившиеся в начале 1990-х годов под влиянием ряда объективных социальных факторов, экономических и политических предпосылок[122].

Так, в качестве факторов детерминации самоуправства выделяются: разрушение и реорганизация структур государственной власти и управления; изменение принципов управления экономикой; расслоение населения по имущественному признаку; переоценка общественных ценностей и установок; рост социальной напряженности; низкий уровень доверия к институтам власти; неспособность правоохранительной и судебной системы обеспечить защиту населения от противоправных посягательств; возникновение чувства беспомощности перед произволом чиновников и связанная с этим потребность в самозащите; высокий уровень конфликтов, связанных с имущественными спорами[123].

В более поздних исследованиях указанная тенденция сохраняется. При этом подчеркивается, что причины и условия самоуправства коренятся в ослаблении государственной власти, несовершенстве судебной власти, а также в недостатках законодательства (прежде всего гражданско-процессуального) и правовом нигилизме[124]. Кроме того, в качестве значимого фактора детерминации

---

[122] См.: Биньковский А.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты самоуправства: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 112; Сурков И.К. Самоуправство (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. … канд. юрид. наук. 12.00.08. Тольятти, 2006. С. 95.

[123] См.: Сурков И.К. Самоуправство (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. … канд. юрид. наук. Тольятти, 2006. С. 101.

[124] См.: Михеева Т.Ю. Самоуправство: основные сложности установления признаков деяния // Уголовный процесс. 2015. № 5. С. 53.

самоуправства отмечается устоявшаяся практика отказов в возбуждении уголовных дел по материалам, связанным с совершением самоуправных действий[125].

Указанные факторы и их роль в детерминации самоуправства необходимо рассматривать с учетом современных процессов, происходящих в российском обществе, обусловленных трансформацией политической, экономической и социокультурной сфер, а также изменениями в информационной среде и коммуникативном пространстве. Данные процессы оказывают существенное влияние как на криминогенную обстановку в обществе в целом, так и на состояние самоуправства в частности[126].

В работах ученых-криминологов активно обсуждается вопрос о том, какие именно факторы доминируют в системе детерминант преступного поведения. Предметом дискуссий выступает значение противоречий в экономической сфере[127]. Социально-экономические факторы детерминации преступности обусловлены негативными экономическими процессами и недостатками социальной политики поддержки населения[128]. Сложные экономические преобразования сопровождаются комплексом противоречий, предопределяющих возникновение негативных последствий. Неравномерность данных изменений наиболее выражена в сфере имущественных отношений.

Наряду с позитивными тенденциями, обусловленными развитием рыночных институтов, отмечаются и негативные процессы, связанные с диспропорцией в распределении доходов между различными группами

---

[125] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 18.

[126] См.: Чапчиков С.С. Объективные факторы детерминации самоуправства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т. 11, № 2. С. 398-406.

[127] См.: Авдеев Р.В. Причины преступности в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 11 (139). С. 231; Зубова Ю.А. Социально-экономические детерминанты современной российской преступности // Финансы и управление. 2021. № 2. С. 67; Назаров С.А. Социально-экономические причины, условия и факторы детерминации преступности в экономической сфере в современной России // Russian Economic Bulletin. 2020. Т. 3, № 2. С. 271; Номоконов В.А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 2. С. 250.

[128] См.: Радченко К.Н. Причины и условия совершению краж в России на современном этапе // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2022. № 3. С. 103.

населения, возникновением новых форм социального неравенства и дискриминации, формированием завышенных потребностей при стремлении поддерживать определенный уровень жизни. Развивающийся экономический оборот в сложившихся условиях требует применения эффективных правовых механизмов и средств регулирования конфликтов. В настоящее время финансово-кредитная сфера становится источником социальных противоречий, возникающих в процессе взаимодействия участников обязательственных отношений. Субъекты рассматриваемых связей нередко оценивают сложившийся порядок разрешения имущественных споров как неэффективный, что способствует поиску противоправных вариантов поведения посредством игнорирования установленных нормативных предписаний.

Рассматривая роль социально-экономических факторов в детерминации преступности в целом и самоуправства в частности, следует учитывать, что они не только непосредственно влияют на поведение человека, очерчивая границы удовлетворения его потребностей, но и определяют субъективное восприятие им своего положения в обществе. Таким образом, социально-экономические факторы, с одной стороны, создают условия для возникновения социальных противоречий, а с другой - деформируют экономико-правовое сознание граждан. На роль объективного и (или) субъективно воспринимаемого социально-экономического неравенства в детерминации самоуправства указали 51,4% экспертов.

Социально-экономические факторы тесно связаны с политическими, что определяет необходимость рассмотрения при изучении механизма детерминации самоуправства такого элемента, как государственная политика, влияющая на стабильность правовой системы, политической ситуации в целом, а также на отдельные направления государственного управления. В настоящее время под воздействием геополитических факторов актуализировался весь комплекс социально-экономических проблем и их общественных последствий, что привело к обострению социальных противоречий и напряженности в обществе.

Трансформации в политической сфере приводят к изменениям в системе ценностных ориентиров общества, переосмыслению сложившегося мировоззрения и отношения к действительности, что нередко сопровождается пренебрежением граждан правовыми предписаниями. Существенные разногласия в политических интересах различных групп населения также оказывают влияние на способы их решения. Обострение противоречий по принципиальным вопросам справедливости существующего устройства способно приводить к развитию правового нигилизма, отказу от соблюдения нормативно установленного порядка разрешения конфликтных ситуаций, а также к использованию самоуправства как универсального инструмента реализации личных или корпоративных целей.

Указанное определяет тесную связь политических факторов с уровнем правового образования и культуры населения, а также их роль в механизме детерминации самоуправства. В условиях геополитической нестабильности и обусловленной ею социальной напряженности осуществляется трансформация правосознании значительной части граждан. Лица, характеризующиеся низким уровнем правового образования и культуры, в данных условиях в большей степени подвержены влиянию правового нигилизма, выражающегося не только в негативном отношении к праву как к социальной ценности и регулятору общественных отношений, но и в сознательном злоупотреблении им. Влияние политических факторов на уровень правового нигилизма как объективного фактора детерминации самоуправства отметили 42,7% опрошенных экспертов.

Среди факторов детерминации самоуправства правового характера следует выделить нормативно-правовую неопределенность и несовершенство юридической техники при регламентации общественных отношений. Недостатки правотворческой деятельности, частые изменения и дополнения нормативных правовых актов, наличие пробелов и коллизий, а также избыточность подзаконного регулирования свидетельствуют о нестабильности национальной правовой системы и недостаточной эффективности правового

регулирования[129]. Неполнота и неопределенность формулировок правовых норм, некорректность их интеграции в действующие нормативные акты способствуют формированию правового нигилизма, что нередко проявляется у лиц, склонных к совершению самоуправства, в форме установки на произвольное толкование закона и иных нормативных предписаний, а также на их соблюдение исключительно по собственному усмотрению. Имея широкое распространение, правовой нигилизм выступает значимым фактором преступности как социального явления в целом и самоуправства в частности[130].

В качестве факторов, детерминирующих совершение самоуправства, отдельно следует выделить недостатки гражданско-правового регулирования отношений между гражданами и юридическими лицами[131]. В исследованиях подчеркивается, что гражданское законодательство недостаточно четко регламентирует способы и пределы реализации самозащиты гражданских прав, а также правовые последствия превышения таких пределов, что негативно влияет на оценку правомерности действий как со стороны граждан, так и со стороны должностных лиц правоприменительных органов[132]. Нечеткость нормативных границ правомерного поведения способствует формированию у субъектов ложного представления о допустимости принудительного воздействия на имущество и законные интересы лица[133].

На нормативно-правовую неопределенность института самозащиты гражданских прав, как на один из основных объективных факторов детерминации самоуправства указали 75,2% экспертов. В качестве одного из

---

[129] См.: Бабаев М.М. Риски законотворчества и противоречия уголовной политики // Общество и право. 2020. № 2 (72). С. 11. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Неопределенность преступления // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 2. С. 41.

[130] См.: Сурков И.К. Самоуправство (уголовно-правовые и криминологические аспекты): дис. … канд. юрид. наук. Тольятти, 2006. С. 116.

[131] См.: Биньковский А.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты самоуправства: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 140.

[132] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 22.

[133] См.: Чапчиков С.С. Дефекты функционирования института самозащиты как социально-правовой фактор детерминации самоуправства // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти профессора В.Е. Квашиса, 20 сент. 2024 г. / редкол.: А.Л. Осипенко, В.С. Соловьев, А.С. Ильницкий и др. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2024. С. 429-433.

правовых факторов детерминации самоуправства 70,4% экспертов указали также несовершенство конструкции диспозиции статьи 330 УК РФ.

Действующее уголовное законодательство предусматривает ответственность за самоуправство в случае самовольного, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершения каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред[134]. Между тем правоприменительная практика по данной категории дел не отличается единообразием, обусловленным в том числе недостатками законодательной техники. Это проявляется как в бланкетном характере описания диспозиции статьи 330 УК РФ, так и в высокой степени оценочности ее последствий, выраженных через категорию «существенный вред». Указанные дефекты конструирования состава приводит к ошибкам при квалификации самоуправных действий и их отграничении от смежных преступлений[135]. Это является, как уже отмечалось ранее, значимым фактором латентности самоуправства. А проблемы реализации принципа неотвратимости наказания являются существенным фактором детерминации самоуправного поведения. В свою очередь, недооценка общественной опасности самоуправства препятствует своевременному выявлению пробелов в праве и принятию мер по минимизации детерминирующих факторов.

Рассматривая организационно-управленческие факторы детерминации самоуправства, необходимо учитывать недостатки в деятельности судебной и правоохранительной систем. На роль данного фактора указали 40,7% экспертов.

В настоящее время осуществляется последовательное реформирование судебной системы, направленное на повышение качества рассмотрения дел, совершенствование процедур и внедрение современных технологий. Несмотря

[134] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

[135] См.: Филиппов П.А. Значение действительного или предполагаемого права для квалификации деяния виновного как самоуправство // Законность. 2017. № 12. С. 34; Соколова О.В. Проблемы квалификации самоуправства // Уголовное право. 2013. № 6. С. 66.

на это, сохраняется высокая процессуальная нагрузка на судей, что влечет за собой увеличение сроков рассмотрения споров, вынесение типизированных судебных актов и негативно влияет на доступность правосудия.

Отношение граждан к судебной системе формируется не только по результатам рассмотрения дел, но и в процессе взаимодействия с аппаратом суда. Длительные сроки судебного разбирательства, а также сложности при толковании и исполнении судебных решений нередко выступают причинами, по которым лица, склонные к самоуправству и руководствующиеся субъективными представлениями о справедливости, отказываются от разрешения правового спора законными способами.

Эффективность функционирования правоохранительной системы существенно снижается вследствие оттока и значительного некомплекта квалифицированных кадров, обусловленных в том числе отсутствием достаточной мотивации (включая ненадлежащий уровень оплаты труда, социального и материально-технического обеспечения), что закономерно влечет повышение нагрузки на работников органов внутренних дел. Ограниченность ресурсного и кадрового потенциала снижает возможности по защите прав и свобод граждан, а также противодействию преступности. Последствиями данных процессов выступает снижение авторитета правоохранительных институтов, потеря доверия к ним со стороны населения и формирование у граждан убеждения в неэффективности их деятельности по обеспечению общественной безопасности.

Негативное воздействие рассмотренных организационно-управленческих факторов усиливает отсутствие необходимого методического обеспечения органов внутренних дел, в частности научно обоснованных рекомендаций по осуществлению проверочных мероприятий и производству дознания по делам о самоуправстве. Вследствие этого фактически совершенное деяние, несмотря на заявление потерпевших, часто не получает надлежащей уголовно-правовой оценки со стороны должностных лиц со ссылкой на гражданско-правовой характер возникших отношений. Подобная правоприменительная практика не

только демонстрирует влияние организационных дефектов, но и формирует высокий уровень латентности самоуправства. Данное обстоятельство существенно детерминирует выбор гражданами противоправной модели поведения при решении имущественных и иных споров.

При рассмотрении объективных факторов детерминации самоуправства необходимо учитывать роль технологической составляющей, в частности развитие информационно-коммуникационной среды. Технологизация и информатизация современного общества характеризуется не только позитивными тенденциями, но и значительным криминогенным потенциалом. Влияние цифровизации на детерминацию самоуправства проявляется прежде всего в том, что она способствуют тиражированию и укоренению в сознании граждан стереотипов противоправного поведения.

В условиях глобальной информатизации и внедрения в повседневную жизнь информационно-коммуникационных технологий происходит распространение неконтролируемого контента. При объективно существующей диспропорции между личным опытом индивида и моделями поведения, транслируемыми в информационном пространстве средствами массовой коммуникации, осуществляется трансформация общественного сознания. Готовые стереотипы усваиваются гражданами, склонными доверять информации из непроверенных источников, в результате чего формируются устойчивые деструктивные ориентиры поведения.

Данный процесс способствует широкому распространению в общественном сознании иллюзии допустимости уклонения от выполнения установленных законом и договором обязательств посредством совершения самоуправных действий. При этом транслируемые в информационном пространстве примеры неправомерного разрешения имущественных споров воспринимаются отдельными гражданами как стандартная и социально приемлемая практика.

На распространение в информационной среде стереотипов противоправного поведения и разрешения имущественных споров как на один из

основных объективных факторов детерминации самоуправства указали 80,6% экспертов. Также эксперты (67,5%) отмечают детерминистическую роль такого фактора, как технические возможности доступа к персональным данным, личной и конфиденциальной информации.

Развитие информационно-коммуникационных технологий действительно создало сегодня условия для получения как правомерного, так и несанкционированного доступа к персональным данным, сведениям о финансовом положении и экономической деятельности физических или юридических лиц, а также информации являющейся тайной[136]. Данный фактор способствует увеличению масштабов проявлений самоуправства, поскольку владение конфиденциальной информацией позволяет лицу принимать решение о возможности и целесообразности разрешения возникшего спора неправовыми методами.

Одним из основных дискуссионных вопросов теории детерминации преступности является установление факторов субъективного характера. Исследование субъективных факторов позволяет раскрыть механизм преступного поведения, спрогнозировать формирование личности преступника, оценить ее криминогенный потенциал, а также конкретные меры превентивного воздействия.

Сложность выделения субъективных факторов детерминации самоуправства обусловлена их непосредственной взаимосвязью с объективными условиями, которые не существуют автономно, а влияют на поведение человека, отражаясь в структуре его личности и формируя ее свойства. Установление субъективных факторов детерминации позволяет, с одной стороны, оказывать направленное регулятивное воздействие на них, а с другой - осуществлять превентивное воздействие непосредственно на личность преступника.

Не углубляясь в теоретическую полемику относительно содержательного наполнения криминологической детерминации, целесообразно

[136] Букалерова Л.А., Сидаков Г.А. Понятие и общая характеристика "тайны" // Юридическая наука. 2025. № 10. С. 132-136.

дифференцировать основные субъективные факторы самоуправства для определения эффективных направлений и мер предупреждения данного деяния. Обобщение теоретических положений уголовно-правовой науки, а также результатов изучения материалов судебной практики, полученных в ходе настоящего исследования, позволяет сосредоточить внимание на исследовании комплекса субъективных факторах детерминации самоуправства.

В системе субъективных факторов самоуправства первостепенное значение имеют низкая правовая культура и деформация правосознания граждан. Правовая культура формируется под влиянием как объективных процессов общественного развития, так и субъективных факторов. Ранее рассмотренные дефекты нормативно-правового регулирования и недостатки в деятельности правоприменительных органов непосредственно влияют на специфику восприятия правовой действительности индивидом. Обусловленные этим искажения правосознания выступают психологической предпосылкой совершения самоуправных действий.

При анализе роли правовой культуры как фактора детерминации преступного поведения необходимо учитывать не только внешние институциональные условия - уровень развития правовой системы, качество законодательства, состояние законности и правопорядка, степень гарантированности основных прав и свобод человека, - но и содержательные характеристики деформации правосознания субъекта. Подобная деформация выражается в негативном отношении к праву и правоприменительной практике, что закономерно принимает форму правового нигилизма. В юридической доктрине данный феномен рассматривается как «устойчиво пренебрежительное или иное негативное отношение к праву, …наличие установки на достижение социально значимых результатов не правовыми средствами…»[137]. Получив широкое распространение, правовой нигилизм выступает значимым фактором

[137] Гойман. В.И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. 1990. № 9 С. 3-7.

воспроизводства преступности как социального явления в целом и самоуправства как вида преступного деяния[138].

Искажения правосознания выступают психологической предпосылкой совершения самоуправных действий, детерминируя применение насильственных методов разрешения конфликтов. В качестве иллюстрации указанной закономерности правоприменительной практики необходимо привести следующий пример. Так, гражданин А., не желая обращаться в правоохранительные органы или суд для разрешения возникшего имущественного спора в установленном законом порядке, умышленно выдвинул требование Б. о возврате денежных средств. Получив отказ и преследуя цель подавления воли потерпевшего к возможному сопротивлению, А. продемонстрировал готовность применить физическое насилие, после чего противоправно завладел имуществом и денежными средствами Б., распорядившись ими по собственному усмотрению[139].

Данный пример подтверждает, что при деформации правосознания наличие реального имущественного притязания трансформируется в сознании субъекта в мнимое право на применение силы, полностью игнорирующего нормативно установленный порядок принудительного исполнения обязательства. На дефекты правосознания граждан как на один из основных субъективных факторов детерминации самоуправства указали 80% экспертов.

Самостоятельным субъективным фактором, тесно связанным с деформацией правосознания выступает низкий уровень юридической грамотности и обусловленная им недооценка общественной опасности самоуправства. Общественная опасность самоуправства непосредственна связана с противоправным способом осуществления лицом своего действительного или предполагаемого права. В правоприменительной практике данный признак раскрывается, например, при отграничении самоуправства от

---

[138] См.: Сурков И.К. Самоуправство: проблемы уголовно-правового регулирования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2003. Вып. 32. С. 124.

[139] См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 8 мая 2024 г. по делу №1-308/2024 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/83479644/extended

хищений[140]. В криминологическом аспекте важно разграничивать действительное право, принадлежащее субъекту на законных основаниях, и предполагаемое, добросовестное заблуждение в наличии которого основывается на неверной оценке лицом правовой ситуации. Субъективное восприятие законности или мнимости своего права напрямую связано с интеллектуальным и волевым элементами умысла преступника.

Несовершенство законодательной техники и дефекты описания диспозиции уголовно-правовой нормы вынуждают граждан разрешать правовые конфликты на основе субъективных представлений о целесообразности и справедливости, что и выступает определяющим фактором для совершения самоуправства. Недостаточная информированность населения о законных способах защиты своих прав и интересов, а также об уголовно-правовых последствиях совершения самоуправства, наряду с отсутствием единообразия судебно-следственной практики применения статьи 330 УК РФ, способствует формированию в сознании граждан ложного представления о допустимости самоуправных действий. На низкий уровень юридической грамотности граждан как на один из основных субъективных факторов детерминации самоуправства указали 76,2% экспертов.

Самозащита прав характерна для частноправовых отношений[141], специфика которых позволяет сторонам не только самостоятельно вступать в имущественные отношения, но и разрешать возникающие конфликты, в том числе посредством воздействия на имущество[142]. Однако в процессе реализации указанной формы защиты прав субъекты нередко нарушают установленные законом пределы, вследствие чего их поведение приобретает противоправный характер. Наряду с недостатками правового регулирования института

[140] См.: пункт 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.
[141] См.: статью 14 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
[142] См.: пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

самозащиты, это обуславливается отсутствием специальных мер правового просвещения, направленных на разъяснение порядка правомерной реализации права на самозащиту. На массовом уровне это проявляется в неоднозначном отношении граждан к институту самозащиты, противоречивом восприятии его основных элементов, а также в общей деформации правовой культуры[143].

Нечеткость нормативных границ правомерного поведения способствует формированию у субъектов ложного представления о допустимости принудительного воздействия на чужое имущество, что подтверждается материалами судебной практики. Так, гражданин В. самовольно, вопреки установленному порядку урегулирования споров, с применением насилия и угрозой его применения потребовал от Г. передачи имущества (мопеда) в счет компенсации ранее причиненного ему морального вреда. При этом В. ошибочно полагал, что его действия по изъятию имущества должника в целях обеспечения исполнения принятых на себя обязательств по возврату денежных средств являются правомерными[144].

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о типичности для совершения самоуправства ситуаций, характеризующихся отсутствием у субъектов семейных и наследственных правоотношений четкого представления о правовом режиме имущества. Указанная деформация правосознания проявляется как при разделе совместной собственности супругов, так и при прекращении фактических брачных отношений, а также при определении порядка наследования. Объективные дефекты понимания правовых режимов имущества иллюстрируют следующие примеры правоприменительной практики.

Так, гражданин Д. совершил самоуправство в отношении бывшей сожительницы Е. С целью возмещения финансовых затрат, понесенных им в период совместного проживания (включая оплату ипотечного кредита на

[143] См.: Зуева Ю.В. Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника): дис. канд … юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 133.
[144] См.: Приговор Октябрьского районного суда г. Иваново Ивановской области от 21 декабря 2023 г. по делу № 1-219/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/ieo3KhPVgUNK/

приобретение квартиры), Д. самовольно изъял и удерживал принадлежащие Е. ценные вещи и бытовую технику, намереваясь распорядиться указанным имуществом в целях компенсации понесенных расходов[145].

В другом случае гражданин Ж., считая, что является законным наследником имущества умершего отца, самовольно, без цели хищения, распорядился конструктивными элементами ограждения домовладения, принадлежащими З., в результате чего она была лишена возможности осуществлять правомочия собственника, что причинило ей существенный вред[146].

Обобщение приведенных эмпирических данных позволяет рассматривать указанные деяния как прямое следствие низкой юридической грамотности граждан и недооценки ими общественной опасности самоуправных способов разрешения споров. Игнорирование законных механизмов защиты интересов приводит к тому, что субъекты ошибочно отождествляют наличие материально-правового притязания с правом на его самостоятельное принудительное удовлетворение в обход установленного порядка.

В качестве одного из основных субъективных факторов детерминации самоуправства эксперты (56,8%) выделяют также дефекты ценностных ориентаций, корысть и эгоизм.

Механизмы преступного поведения при совершении исследуемого деяния во многом определяются мотивационной сферой, среди элементов которой особое место занимает корыстная направленность личности преступника. В общей и юридической психологии направленность личности раскрывается через систему мотивов, ценностных ориентаций и потребностей, определяющих вектор человеческой деятельности[147]. Данная структура включает в себя

---

[145] См.: Приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 28 декабря 2023 г. по делу № 1-467/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/yV85fbkAjG5O/

[146] См.: Приговор Мостовского районного суда Краснодарского края от 19 декабря 2023 г. по делу № 1-191/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/iqXkTMGr2amu/

[147] См.: Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. С. 623.

деформации ценностно-нормативной сферы, которые выступают внутренними факторами и формируют основу мотивации преступного поведения. В криминологическом аспекте особое значение имеют субъекты, ориентированные на приоритетную защиту собственных имущественных интересов противоправными способами, особенно если этому способствует или к этому побуждает обстановка. Корыстная мотивация, выражающаяся в стремлении к получению материальной выгоды, выступает одним из наиболее распространенных субъективных факторов детерминации преступного поведения человека[148].

Обязанность по оплате судебных расходов, включая государственную пошлину выступает необходимым условием реализации права на судебную защиту. Помимо государственной пошлины, к издержкам, связанным с рассмотрением дела, относятся расходы на оплату услуг представителей. Нежелание или объективная невозможность нести указанные затраты воспринимается некоторыми субъектами правоотношений как определенный барьер или неприемлемое условие защиты своих прав законным способом. В подобных случаях лица, вопреки порядку, установленному гражданским и гражданским процессуальным законодательством, совершают самоуправные действия, в том числе направленные на принудительное исполнение обязательства в одностороннем порядке.

Так, гражданин Я., преследуя цель принудительного исполнения обязательства по оплате услуг шиномонтажной мастерской, вопреки установленному законом порядку, незаконно завладел принадлежащими С. автомобильными шинами и колесными дисками. Своими действиями он воспрепятствовал осуществлению законных правомочий собственника по владению и пользованию имуществом, причинив С. существенный вред[149].

---

[148] См.: Вишневецкий К.В. Виктимологическое моделирование корыстной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5. № 2. С. 89-98.

[149] См.: Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 24 июня 2022 г. по делу №1-268/2022 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/69541034/extended

Данный пример подтверждает, что стремление к ускоренному, внесудебному удовлетворению законных требований в условиях неисполнения обязательств выступает преобладающим мотивом совершения самоуправства.

В случаях, когда совершение самоуправных действий связано с высокой интенсивностью противоправных проявлений, детерминирующее значение приобретает криминальная ориентация личности. В основе психической деятельности человека лежат потребности, выражающие необходимость в материальных или нематериальных благах и результатах деятельности. Уровень и структура таких потребностей определяют ценностные ориентации и поведенческую направленность субъекта[150]. Как отмечает И. М. Мацкевич, все люди в равной степени криминальны и антикриминальны[151].

Субъективной предпосылкой совершения преступлений является деструктивная установка на удовлетворение потребностей противоправным способом, в том числе путем совершения самоуправных действий. Криминальная ориентация личности имеет различную степень выраженности, которая зависит от уровня осознания конкретной потребности и определяет тип поведения лица, а также характер, направленность и интенсивность его действий. На криминальную деформацию личности как на один из основных субъективных факторов детерминации самоуправства указывают 60,2% экспертов.

О криминальной ориентации личности преступника, совершающего самоуправные действия может свидетельствовать как его допреступное поведение (антисоциальный образ жизни, совершение различных правонарушений, наличие судимости), так и характер и последовательность действий непосредственно при осуществлении самоуправства.

В правоприменительной практике высокий уровень интенсивности проявления криминогенных установок личности находит отражение в выборе насильственных способов разрешения имущественных конфликтов, при которых

---

[150] См.: Боруленков Ю.П. Мотив как элемент предмета доказывания // Мировой судья. 2013. № 2. С. 28-32.

[151] См.: Мацкевич И.М. Криминальное поведение человека: психическая и психологическая предрасположенность // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 3. С. 7.

гражданско-правовой спор выступает лишь поводом для совершения преступления.

Так, гражданин Ф. (имеющий судимости за умышленные преступления), преследуя цель принудительного взыскания задолженности в размере 800 000 рублей, возникшей в рамках заключенного договора строительного подряда, вопреки установленному порядку разрешения обязательственных споров, применил к потерпевшему физическое насилие. Виновный нанес потерпевшему множественные удары кулаком по лицу и голове, причинив вред здоровью в виде телесных повреждений, не повлекших кратковременного расстройства здоровья, подавив тем самым волю к сопротивлению. Реализуя преступный умысел, Ф. выдвинул незаконное требование о передаче денежных средств, а также самовольно, при отсутствии законных оснований и разрешения владельца, завладел принадлежащим потерпевшему автомобилем, обратив его в фактический залог до момента задержания сотрудниками полиции[152]. Данный пример иллюстрирует, что наличие криминальной ориентации личности детерминирует выбор агрессивных форм противоправных действий, существенно повышающих общественную опасность самоуправного поведения.

Наряду с устойчивыми деформациями ценностно-нормативной сферы, в механизме детерминации преступного поведения существенную роль играет ситуационный фактор и субъективная реакция на него. Значимость склонности к совершению ситуационных преступлений в структуре субъективных факторов детерминации самоуправства констатируют 45,1% экспертов.

В криминологической науке к ситуационным относят преступления, совершаемые под влиянием внешних обстоятельств, а также характеризующиеся внезапным возникновением умысла при отсутствии предварительной подготовки[153]. Анализ правоприменительной практики подтверждает, что

[152] См.: Приговор Когалымского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югра от 14 апреля 2020 г. по делу №1-94/2020 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/51072446/extended

[153] См.: Плешаков В.А. Состояние криминологической безопасности как критерий оценки динамики показателей преступности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 206.

детерминантами самоуправных действий нередко выступают конфликтные ситуации, в том числе, связанные с имущественными спорами (в частности, требованиями о возврате задолженности), что обуславливает внезапное формирование умысла на принудительное изъятие или удержание вещи. В данном случае субъективную детерминацию самоуправства определяет не криминальная ориентация личности, а ситуационная неопределенность, в результате которой у лица формируется ложное представление о правомерности и (или) допустимости самостоятельного осуществления действительного или предполагаемого права.

Для иллюстрации преобладающего значения ситуационных факторов в механизме детерминации самоуправства необходимо обратиться к материалам судебной практики. Так, гражданин И. совершил самоуправные действия с угрозой применения насилия при следующих обстоятельствах. Находясь на одном земельном участке с К., И. увидел находящийся в ее руках сотовый телефон. В этот момент у него возник преступный умысел, направленный на самовольное, вопреки установленному законом порядку, совершение действий по изъятию имущества - сотового телефона, принадлежащего К., с угрозой применения насилия, в счет возмещения долга[154].

На роль ситуационного фактора в детерминации самоуправства существенное влияние оказывают психологические особенности личности виновного. Под воздействием внешних факторов они могут трансформироваться в деструктивные установки, определяющие выбор неправомерных способов разрешения конфликта. Данные деформации особенно остро проявляются в конфликтных ситуациях, усугубленных состоянием алкогольного или иного опьянения виновного лица[155].

[154] См.: Приговор Черновского районного суда г. Читы Забайкальского края от 20 февраля 2024 г. по делу № 1-106/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/2zFHTS1JUZZ0/

[155] См.: Мацкевич И.М. Алкоголь и преступность // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 7 (32). С. 844-854.

В правоприменительной практике встречаются специфические ситуационные детерминанты, связанные с неправомерным возложением гражданами на себя полномочий представителей власти. Так, С.В. и С.А., находясь в состоянии алкогольного опьянения, вопреки установленному законом порядку и в нарушение конституционного права на свободу передвижения, самовольно предприняли действия по задержанию М., полагая, что он осуществляет противоправное распространение наркотических средств, незаконно взяв на себя функции сотрудников полиции. Реализуя преступный умысел, С.В. и С.А. применили в отношении М. насилие, выразившееся в нанесении удара в область лица, и неправомерно удерживали его. Одновременно С.В. изъял принадлежащий потерпевшему рюкзак с личными вещами, предполагая, что в нем находятся наркотические средства, после чего перенес его в помещение, причинив М. существенный вред[156].

Приведенный пример демонстрирует, что в условиях ситуационной неопределенности алкогольное опьянение и деформация правосознания приводят к ложному оправданию насилия и самовольному присвоению властных полномочий, выступая катализатором совершения самоуправства.

Комплексное исследование системы детерминации самоуправства было бы неполным без анализа роли самой жертвы, что актуализирует виктимологический фактор. Виктимологическое направление предупредительного воздействия на преступность обоснованно рассматривается как необходимый элемент системы противодействия преступности[157]. Это обусловлено признанием значимой роли жертвы в механизме совершения преступления[158]. На данное обстоятельство указывает И. М. Мацкевич, отмечая,

---

[156] См.: Приговор Ленинградского районного суда Краснодарского края от 17 июня 2022 г. по делу №1-135/2022 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/69799775/extended

[157] См.: Исаев Н.В., Устинов В.С. Понятие и система виктимологического воздействия на преступность // Виктимологическое воздействие на преступность: Вестник виктимологической ассоциации. 2002. № 1. С. 2-9.

[158] См.: Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: монография / под ред. С.Я. Лебедева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 296 с.; Вишневецкий К.В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 10. С. 154-157.

что «правоотношения без человека, как главного их элемента, остаются мертвыми»[159].

Учитывая социально-правовую природу самоуправства, исследование детерминации и механизма совершения данного преступления требует обязательного учета виктимологических аспектов, раскрывающих специфику взаимосвязи преступника и жертвы. Виктимное поведение жертвы как самостоятельный субъективный фактор детерминации самоуправства выделяют 46,6% опрошенных экспертов.

Анализ судебной практики свидетельствует, что помимо имущественных споров совершению самоуправных действий нередко способствует виктимогенная ситуация. В рамках механизма совершения исследуемого преступления она характеризуется небрежным отношением собственника к обеспечению сохранности своего имущества, избыточным доверием к окружающим лицам и самовольной передачей им имущества, а также провоцирующим поведением жертвы, предопределяющим выбор самоуправного способа разрешения конфликта.

Для подтверждения детерминирующего значения поведения самого собственника целесообразно обратиться к материалам судебной практики. Так, у гражданина Л. возник умысел на совершение самоуправных действий после договоренностей с М., о возможном посредничестве в продаже электроскутера. Воспользовавшись тем, что собственник предоставил ему доступ к транспортному средству, Л. продал электроскутер без согласия собственника, то есть вопреки порядку, установленному законом[160].

Данный пример подтверждает, что виктимное поведение жертвы, выразившееся в неосмотрительном предоставлении доступа к имуществу,

[159] Мацкевич И.М. Криминологический портрет преступника (теоретические проблемы составления) // Lex Russica (Русский закон). 2008. Т. 67. № 6. С. 1424.
[160] См.: Приговор Геленджикского городского суда Краснодарского края от 26 января 2024 г. по делу № 1-159/2024. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/6rUyme55iElS/

выступает фактором ситуационного самоуправства, поскольку ослабляет внешние барьеры для реализации противоправного умысла виновного лица.

С учетом изложенного в данном параграфе представляется возможным сформулировать следующие выводы.

Существование и развитие самоуправства как вида преступного поведения обусловлено комплексом взаимосвязанных объективных и субъективных факторов, образующих единую систему детерминации.

К основным объективным факторам детерминации самоуправства относятся: социально-экономические факторы, определяющие возможности удовлетворения потребностей граждан, а также формирующие деформации их экономико-правового сознания; политические факторы и низкий уровень образования и культуры населения, детерминирующие развитие правового нигилизма; правовые факторы, связанные с нормативно-правовой неопределенностью институтов самозащиты и несовершенством юридической техники при конструировании диспозиции статьи 330 УК РФ; организационно-управленческие факторы, выражающиеся в недостатках деятельности судебной и правоохранительной систем, вызванных высокой нагрузкой на судей, кадровым некомплектом органов внутренних дел и отсутствием научно обоснованных методических рекомендаций по выявлению, раскрытию и расследованию самоуправства; информационные факторы, обусловленные развитием цифровых технологий, способствующие широкому распространению в общественном сознании стереотипов неправомерного разрешения имущественных споров и несанкционированного доступа к персональным данным и конфиденциальной информации о деятельности физических и юридических лиц.

В свою очередь, систему субъективных факторов детерминации самоуправства образуют: низкая правовая культура и деформация правосознания граждан; низкий уровень юридической грамотности и связанная с этим недооценка общественной опасности самоуправства; дефекты ценностных ориентаций и корыстная направленность личности; криминальная ориентация

личности; субъективное восприятие ситуации конфликта; виктимологические факторы.

§ 3. Ситуационный подход при исследовании самоуправства

Совершение преступления представляет собой процесс, который протекает в конкретных координатах пространства и времени[161]. Любое преступление совершается в конкретных условиях места, времени, окружающей природной и социальной среды, а также во взаимосвязи с другими процессами объективной действительности, в том числе поведением различных лиц. Признаки, описывающие пространственно-временные параметры и раскрывающие ситуацию совершения конкретного преступления, отражают сущность данного объекта познания и являются неотъемлемым элементом ее криминологической характеристики[162]. Место, время (час суток, день недели, месяц), сопутствующие природные условия и окружающая обстановка составляют основу криминологического анализа ситуации совершения преступления. При совершении конкретных преступлений проявляются типичные жизненные ситуации, характерные для преступлений данного вида[163].

Ситуационный подход к исследованию преступления и преступности обладает высокой методологической значимостью и традиционно выступает предметом анализа в уголовно-правовой доктрине[164]. По мнению Т. С.

---

[161] См.: Глонти Г.Ш. О механизме преступного поведения // Криминологические проблемы преступного поведения: сб. науч. тр. М: ВНИИ МВД СССР, 1991. С. 11-12.

[162] См.: Ястребов В.Б. К вопросу о понятии криминологической характеристики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1982, № 37. С. 14-20; Криминология / Под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, М., 1999. С. 305-306.; Гилинский Я.И. Криминология. СПб., 2002. С. 171.

[163]См.: Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М., 1973. С. 27-28.

[164] См.: Комаров И.М., Пономаренко Н.Ю., Ян Е.И. Ситуационный подход как научно-практическая категория криминалистики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3(17). С. 104-114; Плешаков В.А. Криминологическая теория ситуаций в рамках науки криминологии // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 4, № 2. С. 90-93; Плешаков В.А. Концепция ситуативной криминологии как частной теории криминологии // Экономика и

Волчецкой, под криминальной ситуацией следует понимать «систему условий и обстоятельств, локализуемых пространством, временем, материальной обстановкой места происшествия, субъектом преступления и иными компонентами, в которых осуществлялась подготовка, совершение и сокрытие преступления»[165]. С. И. Давыдов определяет данную категорию как «совокупность (ограниченную пространственно-временными рамками) условий и обстоятельств, создаваемых сочетанием элементов криминального поведения и факторов обстановки, в которой это соединение и проявляется»[166]. Как отмечается в юридической литературе, анализ ситуации совершения конкретных преступлений позволяет не только установить особенности формирования личности преступника и ее проявления в конкретном акте преступного поведения, но и выявить роль жертвы в механизме совершения преступления[167].

Таким образом, с криминологической точки зрения ценность ситуационного подхода заключается в том, что комплексный анализ пространственно-временных и иных параметров обстановки совершения преступления позволяет выявить предпосылки и закономерности реализации преступного поведения виновного, а также специфику его взаимодействия с жертвой.

Изучение материалов уголовных дел (см.: приложение 2) позволило установить, что в зависимости от типа местности самоуправство носит

управление: проблемы, решения. 2020. Т. 6, № 12(108). С. 123-127; Плешаков В.А. Ситуация и преступление: криминологический анализ влияни // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. Т. 3, № 6(147). С. 314-319; Чуклина Э.Ю. Ситуационные превентивные меры в российской теории предупреждения преступности / Национальная безопасность. 2016. № 3 (44). С. 338-346; Эминов В. Е., Антонян Ю. М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 1 (50). Январь. С. 107-112.

[165] Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. Н.П. Яблокова. Москва–Калинин град, 1997. С. 60-85,

[166] Давыдов С.И. Криминальная ситуация как объект познания в процессе раскрытия преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. 2013. № 4 (51). С. 4.

[167] См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С. 64-65; Задорожный В.И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно управленческий и правовой аспекты: Моногр. М., 2005. С. 106; Пастушеня А.Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ // Прикладная юридическая психология №1, 2011; Плешаков В.А. Личность ситуационного преступника // Научный портал МВД России. 2025. № 3(71). С. 106-110.

преимущественно урбанизированный характер. В частности, доля преступлений, совершаемых в городской местности, составляет 78,7%, в сельской местности - 19,1%, а вне пределов населенных пунктов - 2,1%. Специфика городской среды обусловливает формирование имущественных (в том числе обязательственных), трудовых, коммерческих и иных межличностных связей, что в свою очередь повышает вероятность возникновения конфликтных ситуаций, связанных с осуществлением субъективных прав и исполнением обязанностей.

Анализ эмпирических данных позволяет конкретизировать места совершения самоуправства, отражающие специфику жизнедеятельности его участников. Так, наиболее распространенным местом совершения данного деяния является место жительства жертвы (39,0%). Далее следуют общественные места (парки, магазины, офисы, развлекательные заведения, остановки общественного транспорта, автостоянки, автозаправочные станции и т.д.) или непосредственная близость к ним - 21,3%. На придомовую территорию приходится 14,9% случаев; на место жительства преступника и жертвы - 6,4%; на место работы жертвы - 4,2%; на открытую местность (поле, территории заказников) - 4,3%; на место работы преступника - 3,5%. В пределах салонов такси, подъездов многоквартирного дома и мест жительства преступника совершается по 2,1% преступлений соответственно.

Преобладание мест жительства потерпевшего свидетельствует о том, что виновный зачастую намеренно инициирует непосредственное взаимодействие с жертвой по месту ее проживания с целью предъявления незаконных требований, изъятия имущества или принудительного разрешения конфликта. Данное обстоятельство обуславливает виктимологическую значимость личной и имущественной безопасности жертв самоуправства. Полагаем, что разработка соответствующих предупредительных мер должна осуществляться в рамках

системы криминологического обеспечения защиты личности и общества от корыстных преступлений против собственности[168].

Анализ времени совершения преступления также демонстрирует устойчивые закономерности, присущие криминологической характеристике самоуправства. В большинстве случаев исследуемое преступление совершается в дневное и вечернее время: с 12:00 до 18:00 - 46,8%, с 18:00 до 00:00 - 36,2%. Ночной и утренний периоды характеризуются минимальными и равными долями - по 8,5% соответственно. Данное распределение подтверждает тезис о том, что самоуправство, как правило, совершается в периоды социальной активности населения, интенсивного межличностного и бытового взаимодействия.

Предметом преступного посягательства во всех случаях (100%) выступало имущество, в структуре которого доминируют денежные средства (60,3%), далее следуют мобильные технические устройства (гаджеты) - 21,3%, автотранспортные средства - 6,4%, строительные инструменты - 4,3%, велосипеды - 2,8% и иные личные вещи (предметы одежды, обувь, аксессуары и пр.) - 4,9%. Приведенные данные свидетельствуют о том, что противоправное изъятие или удержание имущества в рамках самоуправства совершается в отношении высоколиквидных объектов. Денежные средства в данном контексте выступают универсальным эквивалентом оспариваемого обязательства (долга, компенсации, платы за выполненную работу или оказанные услуги или возмещения вреда). В свою очередь, гаджеты и иные личные вещи часто используются виновным как предмет удержания, залога или средства давления на потерпевшего.

В качестве способа совершения самоуправства во всех случаях (100%) выступает противоправное изъятие или удержание имущества. Наиболее распространенной формой является изъятие или удержание имущества с целью принуждения к надлежащему исполнению обязательств (25,5%).

---

[168] Желудков М. А. Развитие системы криминологического обеспечения защиты личности и общества от корыстных преступлений против собственности: монография. Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2011. С. 142.

Далее в структуре способов совершения преступления следуют: изъятие имущества у должника в счет погашения невыплаченного (либо ненадлежаще выплаченного) или предполагаемого долга - 18,4%; изъятие имущества в качестве платы за выполненную работу или оказанные услуги, в том числе в пользу третьих лиц, - 15,6%; изъятие имущества в пользу третьих лиц - 9,9%.

Реже встречаются такие способы, как: изъятие имущества во временное пользование в личных целях без согласия собственника - 7,1%; изъятие имущества в счет компенсации причиненного вреда - 6,4%; изъятие или удержание имущества с целью разрешения неимущественного конфликта или компенсации морального вреда - 5,7%; изъятие имущества с целью воспрепятствования реализации лицом законного права, которое, по мнению виновного, у него отсутствует - 5%; изъятие имущества, являющегося, по убеждению виновного лица, его собственностью из чужого предполагаемого незаконного владения - 4,3%; изъятие имущества с целью пресечения предполагаемого преступления - 2,1%.

Таким образом, примерно в двух третях случаев совершения самоуправства виновным осуществляется непосредственное противоправное изъятие имущества как в собственных интересах, так и интересах третьих лиц. Указанное подтверждает вывод о том, что общественная опасность самоуправства определяется, прежде всего, его направленностью на отношения собственности.

Специфика ситуации совершения самоуправства также определяется тем, что в значительном числе случаев действия виновного сопряжены с применением насилия (38,3%) или угрозой его применения (21,3%). Иными словами, почти в трех из пяти деяний присутствует либо физическое насилие, либо угроза его применения. Данный фактор существенно повышает общественную опасность самоуправства и показывает, что оно выходит за пределы исключительно имущественного спора. Конфликт по поводу оспариваемого права или обязательства трансформируется в ситуацию принуждения, при которой потерпевший вынужден подчиняться не правовым

основаниям, а фактическому противоправному воздействию со стороны виновного лица.

В правоприменительной практике самоуправство преимущественно квалифицируется как самостоятельное деяние. Вместе с тем в ряде случаев конфликт сопряжен со смежными посягательствами, что квалифицируется по совокупности с преступлениями, предусмотренными статьей 139 УК РФ (нарушение неприкосновенности жилища) - 4,3%, либо статьей 127 УК РФ (незаконное лишение свободы) - 2,1%. Подобная юридическая оценка характерна для ситуаций, когда виновный прибывает к месту проживания потерпевшего, требует возврата долга, незаконно ограничивает свободу перемещения лица либо противоправно проникает в жилище для принудительного изъятия имущества. Также зафиксированы случаи, когда преступник распоряжается по своему усмотрению имуществом жертвы в процессе совершения иного преступления.

В качестве иллюстрации обратимся к правоприменительной практике. Так, гражданка Е., находясь в состоянии алкогольного опьянения, на почве личных неприязненных отношений, вызванных получением сообщения оскорбительного характера в ходе электронной переписки, в ночное время проникла в комнату общежития, где проживала потерпевшая П. Представившись сотрудником полиции, Е. вошла в комнату П. и высказывая угрозы применения насилия и оскорбляя ее нецензурной бранью, нанесла телесные повреждения потерпевшей, причинив легкий вред здоровью. В продолжении противоправных действий Е. неправомерно, без цели хищения, завладела мобильным телефоном и ключами потерпевшей, лишив ее средств связи и возможности обратиться за помощью[169].

Анализ обстановки совершения преступления свидетельствует, что в большинстве исследуемых случаев самоуправство совершается в отсутствии очевидцев (57,4%). В ситуациях, когда преступления совершались в присутствии иных лиц, в качестве участников ситуации (помимо самого потерпевшего - 38,3%) чаще всего выступали лица из числа знакомых преступника - 23,4%,

[169] См.: Приговор Соликамского городского суда Пермского края от 17 мая 2023 г. по делу №1-210/2023 // Судебные Решения РФ. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/77589692/extended

знакомые потерпевшего - 12,8%, случайные лица - 4,3%, а также сотрудники ОВД при проведении оперативно-розыскных мероприятий - 2,1%. Значительный удельный вес деяний, совершенных в отсутствие посторонних лиц, указывает на сходство самоуправства с тайным хищением чужого имущества. При этом преобладание самих потерпевших обусловлено широким распространением насильственных способов совершения самоуправства.

В рамках проведенного исследования установлено, что групповой характер совершения характерен для каждого третьего случая самоуправства. Данные анализа материалов уголовных дел (приложение 2) показывают, что доля посягательств, совершенных группой лиц составляет 8,5%, а группой лиц по предварительному сговору - 21,3%. В групповых эпизодах чаще участвуют два лица - 27,7%, в то время как вовлечение трех и более лиц зафиксировано лишь в 2,1% случаев. Во всех случаях соучастники являются исполнителями, что типично для конфликтных преступлений, где каждый вовлеченный субъект принимает непосредственное личное участие в изъятии или удержании имущества, высказывании угроз или фактическом применении насилия. Полученные результаты свидетельствуют о том, что самоуправство в основном является индивидуальной формой преступного поведения, но при наличии группы преступление чаще совершается по предварительному сговору. Групповая форма способна усиливать психологическое давление на потерпевшего и повышать интенсивность угроз или физического воздействия. Именно для группового совершения самоуправства в большей мере характерно применение насилия или угрозы его применения.

Анализ допреступного поведения виновного позволяет выделить два основных типа ситуаций. В большинстве ситуаций (54,5%) субъект непосредственно переходил к самовольным действиям без каких-либо попыток урегулирования конфликта. Напротив, в 45,5% случаев совершению преступления предшествовало предъявление жертве требований о выполнении обязательств.

Ситуации первого типа отражают деформацию правосознания и криминальную ориентацию личности преступника, который переходит к фактической реализации своих притязаний, минуя не только судебные, административные и иные законные процедуры, но и стадию минимального коммуникативного взаимодействия. Данный факт свидетельствует о сформированности у субъекта установки на допустимость осуществления самоуправных действий в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права на имущество как на эффективный способ разрешения спора и защиты своих прав. Второй тип ситуаций отражает развитие конфликта, при котором самоуправство выступает продолжением безрезультативных переговоров или ранее заявленных требований.

Важнейшей криминологической характеристикой самоуправства выступает момент возникновения у виновного умысла на совершение преступления, поскольку указывает на характер и роль ситуационных факторов в механизме совершения преступления.

В большинстве исследованных случаев умысел на совершение самоуправства носил внезапно возникший характер и формировался непосредственно в ходе конфликта, встречи или ссоры преступника с жертвой (45,5% случаев). Заранее сформированный умысел без подготовительных действий установлен в 23,6% случаев; умысел, сопряженный с подготовкой к преступлению зафиксирован в 20,0% случаев, а внезапно возникший умысел без предшествующего конфликта, спора или переговоров - в 10,9%.

В качестве иллюстрации самоуправства, совершенного с внезапно возникшим в ходе межличностного конфликта умыслом, обратимся к материалам судебной практики. Так, гражданин Т. в ходе ссоры с потерпевшей З., возникшей на почве личных неприязненных отношений, потребовал от последней прекратить осуществление в отношении него видеосъемки и передать ему мобильный телефон, на который данная съемка производилась, для последующего удаления записанного видео. Получив отказ, Т. применил к З. физическое насилие, повалив ее на землю, вследствие чего, последняя выронила

мобильный телефон. Т. поднял мобильный телефон с целью последующего удаления содержащейся в нем информации. В ответ на требование З. вернуть принадлежащее ей имущество Т., преследуя цель его удержания для доведения до конца преступного умысла, нанес потерпевшей удар, вновь повалил ее на землю, после чего скрылся с места совершения преступления. В этот же день Т. выбросил указанный телефон в реку[170].

В свою очередь, специфика внезапно возникшего умысла без стадии предшествующего конфликта, спора или переговоров характеризуется совершением действий в условиях спонтанного разрешения спора о праве. Так, гражданин Н., имея неразрешенный бытовой спор со соседкой по поводу порядка пользования общим имуществом многоквартирного дома, вышел из своей квартиры и увидел в подъезде принадлежащий ей велосипед. Реализуя внезапно возникший умысел, направленный на самовольное завладение чужим имуществом, без разрешения законного владельца Н. завладел указанным имуществом для временного личного пользования скрылся на нем с места совершения преступления. Велосипедом Н. пользовался временно, пока его преступные действия не были пресечены сотрудниками полиции по заявлению потерпевшей[171].

Самоуправство, совершаемое с заранее сформировавшимся умыслом, отличается наибольшей сложностью механизма реализации, поскольку нередко совершается в соучастии и с применением насилия.

В качестве иллюстрации сложного механизма совершения преступления обратимся к материалам судебной практики. Так, к гражданину П. обратится его знакомый Л. с просьбой оказать содействие в принудительном возврате долга в размере 300 000 и незаконно удерживаемых транспортных средств у потерпевшего А., с которым Л. ранее осуществлял совместную трудовую

[170] См.: Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 31 мая 2021 г. по делу №1-140/2021 // Судебные Решения РФ. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/61264408/extended

[171] См.: Приговор Намского районного суда Республики Саха от 30 июня 2023 г. по делу №1-65/2023 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/77622979/extended

деятельность. В качестве исполнителя к совершению преступления был привлечен Г. Перед совершением преступления П., Л. И Г., действуя умышленно, в группе лиц по предварительному сговору, разработали план, согласно которому Л. должен был обеспечить беспрепятственный доступ П. и Г. в квартиру А. и исполнить роль жертвы. За денежное вознаграждение в размере 120 000 рублей П. и Г. должны были осуществить физическое и моральное воздействие на А. Проникнув в квартиру потерпевшего, П. и Г. избили его, применили наручники и угрожали применением оружия. А., подчиняясь высказанным требованиям и со своего мобильного телефона перевел 137 700 рублей на счет Л. Также преступники неправомерно завладели мобильными телефонами, а также паспортами транспортных средств на пять автомобилей. По требованию преступников А. также поставил свои подписи в пяти пустых бланках договоров купли-продажи автотранспортных средств, которые Л. передал П. перед совершением преступления. Далее Л., изображая роль жертвы, с целью сокрытия совершенного преступления остался с А. и уговаривал его не обращаться в правоохранительные органы и выехать на постоянное место жительство в государство его гражданской принадлежности[172].

Таким образом, практически в половине исследованных ситуаций умысел на совершение самоуправства формируется непосредственно в динамике межличностного взаимодействия преступника и жертвы, выступая прямым следствием эскалации спора. При этом суммарная доля преступлений, совершенных с заранее сформированным умыслом, составляет 43,6%, что свидетельствует о высокой осознанности противоправного поведения и предварительном принятии решения о разрешении конфликта незаконным способом.

С учетом выявленных ранее особенностей личности преступника, типов допреступного поведения и закономерностей формирования умысла на совершение преступления, представляется целесообразным выделить две

[172] См.: Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода от 9 октября 2020 г. по делу №1-322/2020 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/54624148/extended

основных моделей механизма совершения самоуправства, обусловленные ситуационно-конфликтным или инструментально-принудительным характером самоуправных действий.

Следует отметить, что данный подход к типологии ситуаций самоуправства и моделированию на этой основе механизма совершения данного преступления корреспондирует с мнениями экспертов относительно ключевых критериев типологии рассматриваемых ситуаций. Так, эксперты в качестве такого критерия указали момент возникновения у преступника умысла на совершение самоуправства (48%), взаимосвязь (знакомство, характер отношений и пр.) преступника и жертвы (21,3%), предшествующее совершению самоуправных действий поведение преступника (19,4%), а также применение насилия или угрозы его применения (8,7%).

Ситуация совершения самоуправства характеризуется также тем, что в абсолютном большинстве исследованных случаев (98,6%) существенный вред причиняется физическим лицам, то есть посягательство осуществляется в рамках конфликтов, где оспариваются права и законные интересы граждан. Ситуации, в которых самоуправные действия сопряжены с оспариванием прав организаций (юридических лиц), квалифицируются в правоприменительной практике как единичные.

Иллюстрацией правоприменительной практики по делам данной категории выступает следующее судебное решение. Граждане В. и А. вступили в предварительный сговор, умышленно и вопреки установленному законом порядку реализовали (продали) находящийся на хранении у В. экскаватор-погрузчик, принадлежащий, по их убеждению, бывшему работодателю (директору ООО) с целью взыскания невыплаченной им заработной платы, в результате чего организации был причинен существенный вред в виде материального ущерба на сумму 3 375 400 рублей[173].

[173] См.: Приговор Себежского районного суда Псковской области от 29 октября 2025 г. по делу № 1-45/2025 // Судебные Решения РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/fYr3Ka0RBrLw/?ysclid=ms1owq5a86887336301

Учитывая социально-правовую природу самоуправства, существенное значение для характеристики ситуации его совершения имеет личность жертвы и специфика ее взаимосвязей с преступником. Процесс виктимизации непосредственно обусловлена не только личными свойствами и характером поведения жертвы, но также пространственно-временными параметрами и иными характеристиками виктимогенной ситуации, в которой она оказалась[174]. Выявление характера взаимоотношений преступника и жертвы в рамках конкретной жизненной ситуации позволяет сформировать целостное научное представление о детерминации и механизме совершения преступления[175].

В большинстве случаев совершения самоуправства посягательство обращено против одного лица (84,3%); двое потерпевших зафиксированы в 7,8% случаев. С учетом указанных данных представляется возможным констатировать преимущественно персонализированный характер конфликта, при котором требования или противоправные действия обращены к конкретному субъекту.

В гендерной структуре жертв преобладают мужчины (72,5%), доля женщин составляет 27,5%. Указанное распределение обусловлено преобладанием имущественной и конфликтной природой преступления: мужчины чаще оказываются участниками внеправовых долговых, трудовых, бытовых и иных социальных взаимодействий. Вместе с тем тот факт, что более чем четверть потерпевших составляют женщины, свидетельствует о распространенности самоуправства в сфере семейно-бытовых, жилищных и межличностных конфликтных отношений.

Возраст потерпевших указывает на то, что жертвами самоуправства становятся преимущественно лица, находящиеся в социально активном и наиболее трудоспособном возрасте. Наиболее многочисленной является виктимная группа в возрасте 30–49 лет (66,7%), далее следуют лица 18–29 лет - 25,5%, а также лица в возрасте 50 лет и старше - 7,8%.

---

[174] См.: Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979. С. 123.
[175] См.: Вишневецкий К.В. Классификация виктимологических ситуаций // Общество и право. 2015. № 1(51). С. 162–163; Аведян А.А. Взаимоотношения жертвы и преступника на стадии предкриминальной ситуации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 153–156.

Род занятий и социальный статус жертвы характеризуется разнообразием. Рабочие составляют 29,4%, трудоспособные лица без определенного рода занятий - 27,5%, лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью - 13,7%, учащиеся и студенты - по 2%, военнослужащие - 2%, иные категории лиц - 7,8%. Представленная структура показывает, что потерпевшие не образуют однородную социальную группу. Вместе с тем преобладание среди них рабочих и лиц без определенного рода занятий указывает на то, что многие конфликты детерминированы неформальным характером трудовых, бытовых и имущественных отношений. Отсутствие надлежащего оформления обязательств выступает причиной последующих споров, и, как следствие, совершения самоуправных действий.

Корреляция социально-демографических характеристик преступника и жертвы указывают на то, что самоуправство возникает преимущественно в рамках горизонтальных социальных связей - между знакомыми, соседями, сожителями, коллегами, а также участниками легальных или нелегальных экономических отношений.

В литературе справедливо отмечается, что «социальные связи определяют как существо конфликтов, приведших к преступлению, так и динамику развития криминологической ситуации»[176]. Часто предшествующие совершению преступления конфликтные ситуации непосредственно могут влиять как на преступное, так и виктимное поведение их участников[177]. В данном аспекте особое значение для полной криминологической характеристики ситуации совершения самоуправства приобретает показатель предшествующего знакомства жертвы и преступника.

---

[176] Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Л., 1975. С. 94.

[177] См.: Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М., 1998. С. 64-65; Кулакова А.А. Характеристика виктимологической ситуации при совершении пенитенциарных преступлений // Вестник Владимирского юридического института. 2006. № 1(1). С. 43-48; Рачкова Н.М. Характеристика ситуации совершения преступления как основного фактора, детерминирующего региональную уличную преступность // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 5. С. 120-123; Черных Е.В. Допреступная ситуация и ее роль в генезисе насильственного преступления // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 24.

Анализ материалов практики показал, что 80,4% жертв были ранее знакомы с преступником. В структуре межличностных связей преобладает ситуативное знакомство, например оказание услуг - 29,4%, Также имеет место: совместное времяпрепровождение, включая распитие спиртных напитков - 13,7%; совместная трудовая деятельность - 12,4%; соседские отношения - 9,8%; совместное проживание (в общежитии, хостеле, арендуемой комнате и т.п.) - 7,8%; родственные или близкие отношения (в т.ч. бывшие супруги) - 4,6%; дружеские отношения - 2%; совместное отбывание уголовного наказания в исправительном учреждении - 0,6%.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что ситуация совершения самоуправства в большинстве случаев обусловлена характером и содержанием предшествующих социальных связей между участниками преступления. Преступник и жертва, как правило, находятся в отношениях, сопряженных с имущественными обязательствами, взаимными претензиями или бытовом взаимодействии. Наличие таких связей создает основу для формирования у субъекта ложного убеждения в правомерности собственных притязаний, что побуждает его к самовольному изъятию или удержанию имущества, а также к принуждению жертвы к совершению определенных действий в обход законных процедур.

Поскольку в механизме совершения преступлений, в первую очередь насильственных, роль жертвы имеет существенное значение[178], представляется необходимым осуществить анализ характера допреступного поведения жертвы самоуправства.

Исследование допреступного поведения жертв позволило выявить высокую степень неоднородности их поведения. Так, полностью правомерное

[178] См.: Коновалов В.П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. М., 1962. С. 15; Алиев Р.Х. Общая характеристика насильственной преступности // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 2. С. 5–14; Вишневецкий К.В. Виктимологическая характеристика насильственной преступности // Современные проблемы уголовной политики: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Н. Ильяшенко. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. С. 359.

поведение жертвы, не связанное с конфликтом, установлено в 23,5% случаев. Правомерное, но выраженное в конфликтной форме оспаривание требований - в 31,4%. Уклонение от исполнения имевшихся обязательств имело место в 25,5% случаев. Противоправное поведение жертвы (обман, неправомерное удержание либо хищение имущества) зафиксировано в 3,9% случаев. На долю конфликтного поведения, развивавшегося в том числе на фоне личных неприязненных отношений, приходится 11,8%. Небрежное отношение жертвы к обеспечению сохранности своего имущества имело место в 3,9% случаев.

Наиболее типичным и распространенным примером пассивного уклонения жертвы от исполнения обязательств в правоприменительной практике выступает отказ от возврата ранее полученного долга.

Так, гражданин А., действуя по предварительному сговору со своим родственником Б., в ответ на отказ потерпевшего возвратить взятые у А. в долг денежные средства в размере 750 000 рублей, высказывали потерпевшему по телефону требования о возврате долга, сопровождаемые угрозами применения насилия. Впоследствии А. и Б., реализуя свой преступный умысел, дождавшись потерпевшего возле его дома и угрожая применением оружия (ножа), отвели его в безлюдное место и избили, требуя вернуть долг. В дальнейшем, согласно достигнутой договоренности с потерпевшим А. и Б. встретились с потерпевши, который пытался передать им муляж денежных средств в размере 750 000 рублей. В ответ на это А., угрожая ножом потребовал у потерпевшего проследовать в отделение банка для проверки подлинности купюр, но был задержан сотрудниками полиции[179].

При этом следует учитывать, что поведение жертвы может носить смешанный характер при наличии заранее возникшего умысла, направленного на невозврат заемных денежных средств или полученного во временное пользование имущества. Так, гражданин К. передал Т. денежные средства в

[179] См.: Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 31 марта 2021 г. по делу №1-555/2021 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/61071025/extended

качестве платы за оказание услуги, которую последняя заведомо не намеревалась исполнять. В дальнейшем, встретив Т. в кафе, К. потребовал от возврата переданной суммы, но получил отказ. С целью понуждения к исполнению обязательства, К. потребовал от Т. передать ему принадлежащий ей мобильный телефон в качестве залога. Получив отказ, он вырвал его из рук Т. и покинул место совершения преступления. С целью доведения преступления до конца и удержания изъятого имущества, К. достал из кармана куртки и направил в сторону преследовавшей его Т. предмет, похожий на нож, тем самым угрожая применением насилия[180].

Приведенные данные указывают на то, что значительная часть криминогенных ситуаций развивается на фоне спора, оспаривания требований, уклонения от исполнения обязательств или конфликтного взаимодействия сторон. В ряде случаев непосредственно поведение жертвы выступает ситуационным триггером совершения самоуправства. Основная криминологическая закономерность состоит в том, что самоуправство возникает, когда спор о принадлежности имущества, обязательствах, качестве услуг не переводится в правовую процедуру, а разрешается в плоскости межличного взаимодействия. При этом специфика взаимоотношений преступника и жертвы обуславливает возникновение ложного убеждения в правомерности притязаний, что побуждает субъекта к применению принуждения, изъятию или удержанию имущества. Параметры знакомства жертвы с преступником и характер допреступного поведения жертвы подтверждают теоретическую обоснованность выделения ситуативно-конфликтной и инструментально-принудительной моделей механизма совершения самоуправства.

Последствием совершения преступления во всем массиве изученных случаев (100%) выступало изъятие или удержание имущества. При этом в 92,9% случаев указанные действия повлекли за собой причинение имущественный вреда. Наиболее типичный диапазон размера причиняемого вреда варьируется в

[180] См.: Приговор Гатчинского городск суд Ленинградской области по делу № 1-547/20 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/68714571/extended

пределах от 10 000 до 50 000 рублей, что зафиксировано в 43,3% случаев. Далее следует диапазон от 1 000 до 10 000 рублей - 25,5%; от 50 000 до 100 000 рублей - 8,5%; от 500 000 до 1 000 000 рублей - 5,0%; от 100 000 до 500 000 рублей - 3,5%; от 1 000 000 до 3 000 000 рублей - 2,9%; 3 000 000 рублей и выше - 2,1%; до 1 000 рублей - 2,1%. Таким образом, чаще всего материальные последствия самоуправства выражаются в утрате материальных ценностей и денежных сумм, характерных для повседневных бытовых конфликтов или конфликтов в сфере работ и услуг, однако совокупный размер причиняемого вреда остается весьма значительным.

В ситуациях, когда совершение самоуправства сопряжено с применением насилия, последствия заключаются также в причинении вреда здоровью потерпевшего. Согласно эмпирическим данным, телесные повреждения, не причинившие вреда здоровью, имеют место в 40,4% случаев, легкий вред здоровью - в 10,6%, вред средней тяжести - в 8,5%. В совокупности это подтверждает, что насилие при самоуправстве выполняет инструментальную функцию, выступает не самостоятельной целью, а средством принуждения к передаче имущества, исполнению требований, признанию долга и т.п.

Иллюстрацией правоприменительной практики по делам данной категории выступает следующее судебное решение. Так, гражданин Х., преследуя цель принудительного взыскания задолженности вопреки установленному порядку разрешения гражданско-правовых споров, применил к потерпевшему П. физическое насилие. Виновный нанес потерпевшему множественные удары, после чего с использованием буксировочного троса, закрепив его за автомобилем, протащил лежащего П. по снегу. В продолжение противоправных действий Х. самовольно изъял мобильный телефон у П., осуществил вход в личный кабинет П. в мобильном приложении банка, а затем без согласия П. перевел денежные средства на собственный счет[181].

[181] См.: Приговор Иглинского межрайонного суда Республики Башкортостан от 6 августа 2024 г. по делу №1-186/2024 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/85057228/extended#decision

Поведение жертвы после совершения преступления характеризуется высокой степенью активности – абсолютное большинство преступлений (97,9%) выявляется правоохранительными органами на основании официальных заявлений потерпевших. Лишь 2,1% преступлений устанавливаются в результате поступления оперативной информации из медицинских учреждений (травмпунктов). Данный факт принципиально важен для оценки уровня латентности самоуправства, которая во многом определяется активностью позиции жертвы преступления.

Выявленные характеристики личности преступника, факторы детерминации его преступного поведения, а также закономерности формирования ситуации совершения самоуправства, включая характеристику и роль жертвы, позволяют выделить ситуационно-конфликтную и инструментально-принудительную модели механизма совершения самоуправства.

Обязательным поведенческим элементом для обеих моделей выступает противоправное изъятие или удержание имущества, тогда как их смысловым ядром является субъективное убеждение преступника в законности собственных притязаний и допустимости принуждения. Различие указанных теоретических моделей определяется моментом и механизмом формирования умысла: в рамках ситуационно-конфликтной модели решение о совершении преступления формируется спонтанно под воздействием непосредственного взаимодействия с потерпевшим, в то время как в инструментально-принудительной модели незаконный способ разрешения спора избирается заранее.

Выявленные закономерности формирования и реализации ситуации совершения преступления не только раскрывают специфику механизма совершения данного деяния, но и обладают высокой прогностической ценностью, что обусловливает необходимость их обязательного учета при реализации мер ситуационного предупреждения преступлений[182].

[182] См.: Плешаков В.А. Основы ситуационного предупреждения преступлений // Научный портал МВД России. 2018. № 3(43). С. 32-36; Плешаков В.А. Концепция ситуативной криминологии как частной теории криминологии // Экономика и управление: проблемы, решения. 2020. Т. 6, № 12(108). С. 123-

С учетом изложенного в рамках настоящего параграфа представляется возможным сформулировать следующие теоретические и практические выводы.

Характеристики ситуации совершения самоуправства свидетельствуют о том, что формирование и реализация механизмов данного посягательства происходит внутри привычной для участников конфликта социальной среды и устойчивых горизонтальных связей. В их число входят отношения между знакомыми, соседями, сожителями, а также участниками легальных и нелегальных трудовых и экономических отношений. Как правило, именно на основе предшествующих социальных связей, во многих случаях, определяемых характером поведения жертвы, у виновного лица формируется субъективное убеждение в правомерности изъятия чужого имущества в целях осуществления своего действительного или предполагаемого права.

Ключевая криминологическая характеристика ситуации совершения самоуправства определяется тем, что преступление совершается в условиях, когда возникший спор о принадлежности имущества, обязательствах, качестве услуг, компенсации вреда не переводится в правовую процедуру, а разрешается в рамках межличностного взаимодействия. В данных обстоятельствах устоявшийся характер связей жертвы и преступника порождает у последнего субъективное убеждение о допустимости принуждения, самовольного изъятия и удержания имущества.

Изучение личности преступника, детерминации и ситуации совершения позволяют выделить две основные модели механизма совершения самоуправства: ситуационно-конфликтную и инструментально-принудительную.

127; Плешаков В.А. Анализ факторов ситуационной преступности // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 3, № 7(139). С. 198-203.

ГЛАВА 3
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ САМОУПРАВСТВА

§ 1. Общесоциальные меры предупреждения самоуправства

Установленная социально-правовая природа самоуправства определяет специфику выработки и реализации мер его предупреждения на общесоциальном уровне. Несовершенство правового регулирования самозащиты гражданских прав и ответственности за самоуправные действия в сочетании с дефектами правовой культуры населения детерминируют формирование на массовом уровне установки на допустимость защиты имущественных прав и интересов всеми доступными способами.

Соответственно эффективность криминологического предупреждения самоуправства напрямую зависит от качества межотраслевого нормативно-правового регулирования, детерминирующего два взаимосвязанных уровня исследуемой проблемы. Первый уровень обусловлен установленными институциональными недостатками гражданского законодательства в части регламентации пределов самозащиты (ст. 14 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее ГК РФ), что в сочетании с отсутствием у субъектов правоотношений четкого представления о нормативных границах правомерного поведения влечет за собой деформацию правосознания и выступает фактором перерастания имущественных споров в противоправные деяния. Второй уровень выражается в дефектах законодательного конструирования статьи 330 УК РФ, нередко вызывающих правовую неопределенность в деятельности органов предварительного расследования и судов, что приводит к ошибочному отнесению криминальных деяний к гражданско-правовым спорам. Отсюда комплексная система предупреждения самоуправства требует одновременной реализации на общесоциальном уровне как организационно-правовых мер, включающих совершенствование гражданского законодательства и развитие

институтов правового просвещения, так и уголовно-правовых мер, ориентированных на унификацию правоприменения.

Конституция РФ в качестве фундаментальной основы правового статуса личности закрепляет право каждого «защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом»[183]. Данная конституционная гарантия раскрывает содержание автономии воли лица и выступает основой для формирования отраслевых механизмов защиты нарушенных или оспариваемых прав. В условиях правового конфликта управомоченное лицо наделено правом выбора формы защиты: прибегнуть к юрисдикционному механизму, реализуемому компетентными государственными органами и выступающему институциональной гарантией соблюдения прав и законных интересов, либо воспользоваться внесудебной (неюрисдикционной) формой, предполагающей самостоятельную защиту права без обращения к государственному принуждению. Кроме того, в силу принципа диспозитивности гражданского права, управомоченное лицо может отказаться от реализации мер защиты, что в криминологическом аспекте способно выступать фактором, детерминирующим латентность преступлений или провоцирующим последующие самоуправные действия со стороны иных участников конфликта.

Конституционный подход получил свое развитие в статье 14 ГК РФ, в которой допускается возможность самозащиты гражданских прав. Указанное положение детерминирует автономию воли субъекта при выборе законных способов защиты прав, которые могут устанавливаться как в законе, так и определяться соглашением сторон в договоре. Толкование норм действующего законодательства позволяет выделить удержание вещи кредитором в качестве одного из наиболее эффективных, но одновременно уязвимых способов самозащиты гражданских прав[184]. В соответствии со статьей 359 ГК РФ данный

[183] См.: часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: pravo.gov.ru

[184] См.: Лазаренкова О.Г. Право удержания и самозащита в современном гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2007. С. 12.

механизм применяется в случае неисполнения должником в установленный срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков. Кредитор наделяется правом удерживать находящуюся у него вещь до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено в полном объеме.

При этом сам перечень конкретных форм реализации самозащиты не имеет исчерпывающего нормативного закрепления. Законодательное конструирование института самозащиты посредством открытого перечня допустимых действий обусловлено необходимостью обеспечения гибкости гражданского оборота. Однако в криминологическом аспекте подобный регулятивный подход детерминирует риски деформации правосознания субъектов правоотношений, расширяя границы их усмотрения до субъективно понимаемой целесообразности. В связи с этим возникает доктринальная и практическая необходимость отграничения правомерной самозащиты гражданских прав от противоправных деяний, квалифицируемых по административному законодательству (ст. 19.1 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, далее КоАП РФ) либо уголовному законодательству (ст. 330 УК РФ) как самоуправство.

Историко-правовой анализ генезиса исследуемой проблемы свидетельствует о том, что современный институт самозащиты имеет общие исторические корни с феноменом самоуправства. Данное явление существовало еще в архаичном обществе как реальная альтернатива институтам публичной власти в период их становления. Указанная практика предполагала, что сторона, чьи интересы были нарушены, могла проявить активность в отношении обидчика и самостоятельно (либо с привлечением третьих лиц - «поручников» или «пособников») восстановить нарушенное положение за счет причинителя вреда[185]. С появлением развитого государства и права как основного регулятора общественных отношений, в том числе в частной сфере, практика самоуправного

[185] См.: Зуева Ю.В. Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника): дис. канд … юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 105.

разрешения споров была криминализирована и вытеснена из легального поля. В качестве альтернативы выступил строго регламентированный государством правовой институт самозащиты, действующий наряду с юрисдикционными механизмами.

Проведенный анализ свидетельствует, что нормативная регламентация самозащиты в российском праве носит фрагментарный и децентрализованный характер. Как справедливо отмечает Е. Б. Казакова, исследуя правовую природу данного института, материально-правовой базис самозащиты в публичных отраслях сведен к защите посредством института необходимой обороны (ст. 37 УК РФ) и крайней необходимости (ст. 39 УК РФ, ст. 2.7. КоАП РФ), в то время как в частноправовой сфере (гражданском, трудовом, семейном праве) законодатель ограничивается лишь признанием права на самозащиту, допуская системные ошибки в определении ее сущности[186]. В криминологическом аспекте указанный межотраслевой дисбаланс, дефицит дефиниций и отсутствие единых нормативных регламентов реализации самозащитных полномочий выступает фактором, провоцирующим граждан на самостоятельное, но уже противоправное (самоуправное) разрешение правовых конфликтов.

На уровне современной доктрины до настоящего времени не выработано четкого представления о содержании самозащиты прав, равно как и не определены критерии отграничения данного правового явления от самоуправных действий. В дореволюционной юридической литературе содержание самозащиты трактовалось чрезмерно широко. В нее включались практически любые самостоятельные действия по отражению чужого неправомерного посягательства, способные повлечь за собой изменение существующих фактических отношений[187]. Более того, даже удержание вещи должника рассматривалось многими дореволюционными цивилистами как деструктивное

[186] См.: Казакова Е.Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. С. 10-11.
[187] См.: Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права: пособие для слушателей. 5-е изд., испр. и доп. Петроград: Государственная типография, 1916. - XV, С. 134.

явление, которое напрямую способствует укреплению такого социально нежелательного и криминогенного феномена, как самоуправство[188].

В современных исследованиях предпринимаются конструктивные попытки преодоления такой неопределенности. В частности, ряд авторов связывают правомерность мер самозащиты (как непреступного поведения) с необходимостью достижения сторонами предварительного соглашения о пределах их применения[189]. В противном случае создаются безусловные правовые основания для квалификации таких действий в качестве самоуправства[190]. Одновременно с этим в теории и практике в качестве самоуправства квалифицируются действия лица, которое для защиты своих прав самостоятельно избирает способы, отнесенные законом к исключительной компетенции судебных органов. Примером подобного поведения выступает самостоятельное, принудительное изъятие лицом денежных средств в счет оплаты неустойки, пеней или штрафов с контрагента в отсутствие законных оснований[191].

С учетом указанного, в контексте разработки общесоциальных мер предупреждения самоуправства первоочередное значение приобретают выявление конкретных дефектов законодательства и правоприменительной практики, выступающих факторами детерминации данного деяния.

Прежде всего отмечается недостаточная теоретическая разработанность концепции самозащиты прав и законных интересов в отечественной юриспруденции. Это обусловлено дефицитом фундаментальных исследований ее правовой природы именно как межотраслевого комплексного института системы российского права. До настоящего времени в доктрине продолжаются

---

[188] См.: Гражданское Уложение. Проект / Под ред. И.М. Тютрюмова. Том первый. СПб., 1910. С. 107.
[189] См.: Титенков И.П. Самоуправство: проблемы квалификации: монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2009. С. 42.
[190] См.: Макаров И.И. Актуальные вопросы разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2022. Том 16 № 3. С. 472.
[191] См.: Бодягин И.М. Соотношение понятий самозащита гражданских прав и самоуправство // Вестник магистратуры. 2014. № 4 (31). Том 3. С. 36-37.

дискуссии относительно того, является ли самозащита исключительно гражданско-правовым институтом или признается общеправовым феноменом[192].

Действующее законодательство недостаточно четко регламентирует способы и пределы реализации самозащиты, а также правовые последствия превышения ее границ. Это негативно сказывается на оценке правомерности самозащитных действий как со стороны граждан, так и со стороны субъектов правоприменительной практики[193]. В статье 14 ГК РФ закреплены только общие критерии осуществления самозащиты гражданских прав. Закон указывает, что избираемые способы самозащиты должны отвечать требованиям соразмерности характеру нарушения, а их реализация не должна выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения. Однако законодатель не раскрывает, какими критериями должна измеряться «соразмерность» при защите, например, имущественных требований по денежным обязательствам, и где пролегает нормативная граница между правомерным «пресечением правонарушения» и совершением самостоятельного противоправного деяния.

На необходимость четкой нормативной и процессуальной регламентации способов и пределов правомерной самозащиты гражданских прав как на одну из основных общесоциальных мер предупреждения самоуправства указали 87,4% экспертов.

В правоприменительной практике высших судебных инстанций подчеркивается, что «лицо, право которого нарушено, может прибегнуть к его самозащите, соответствующей способу и характеру нарушения»[194]. Развивая данный тезис, судебная доктрина констатирует, что «самозащита может заключаться также в воздействии на имущество правонарушителя, в том случае

---

[192] См.: Чепурнова Н.М. Самозащита гражданских прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект: монография / Н.М. Чепурнова, Е.И. Гончаров. М., 2012. 159 с.; Казакова Е.Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2006. 28 с.; Страунинг Э.Л. Теория самозащиты гражданских прав: монография. М., 2007. 144 с.

[193] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 22.

[194] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

если она обладает признаками необходимой обороны или совершена в состоянии крайней необходимости»[195]. Иными словами, на легальном уровне субъекту формально предоставляется возможность абстрактного «воздействия» на чужое имущество. Отсутствие четкой нормативной и процессуальной регламентации пределов такого «воздействие» приводит к искажению сущности правомерной самозащиты в общественном сознании. В обыденном правосознании формируется ложный стереотип о безусловной правомерности практически любых принудительных действий в отношении имущества реального или мнимого правонарушителя (что на практике выражается в самоуправном удержании транспортных средств, блокировании доступа в помещение, изъятие личной техники и т.п.).

Апеллируя к правовой неопределенности норм института самозащиты, лица, привлеченные к юридической ответственности, предпринимают попытки оспорить конституционность положений законодательства, регулирующих разграничение правомерного удержания и самоуправства. В данном контексте показательны материалы обращения гражданина К. Н. Храповицкого в Конституционный Суд РФ[196]. Заявитель оспаривал конституционность ст. 330 УК РФ (самоуправство) и ст. 359 ГК РФ (удержание), указывая в качестве основания жалобы на правовую неопределенность содержащейся в уголовном законе дефиниции самоуправства. По мнению заявителя, указанный нормативный дефект повлек за собой расширительное толкование признаков состава преступления и его последующее осуждение, тогда как он сам субъективно считал, что лишь реализовывал законное право на удержание вещи должника.

---

[195] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

[196] См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 февраля 2008 г. № 92-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Храповицкого Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 359 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2008. № 7.

Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению данной жалобы, отметив в своем Определении, что установление фактических обстоятельств дела, определение того, вопреки каким именно нормам закона действовал заявитель, являлось ли его поведение действием или бездействием и, соответственно, подпадают ли те или иные действия, совершенные в отношении удерживаемого имущества, под признаки преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, относятся к исключительной компетенции судов общей юрисдикции и не входят в компетенцию Конституционного Суда РФ. Данный прецедент наглядно подтверждает, что бремя разрешения межотраслевых коллизий между гражданско-правовым институтом удержания вещи и составом уголовно наказуемого самоуправства в полном объеме возложено на органы предварительного расследования и суды общей юрисдикции, которые нуждаются в четких организационно-правовых и методических ориентирах.

В процессе разработки мер предупреждения самоуправства важно учитывать установленные особенности психологических и когнитивных механизмов формирования умысла в различных ситуациях совершения преступления. В методологическую основу разграничения правомерной самозащиты, злоупотребления правом на самозащиту и самоуправства должно быть положено фундаментальное конституционное положение, согласно которому «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ). Поскольку в основе субъективной детерминации самоуправного поведения виновного лица лежит личный интерес (вернуть денежные средства, компенсировать убытки, самостоятельно «наказать» недобросовестного контрагента и т.п.), приоритетным направлением предупредительного воздействия выступает нивелирование дефектов правосознания субъектов гражданского оборота.

Доктринальная неопределенность сущности института самозащиты, несовершенство его нормативно-правовой регламентации, а также коллизии правоприменительной практики, усугубляемые отсутствием системной деятельности государства и институтов гражданского общества по правовому

просвещению населения относительно условий правомерности самозащиты своих прав, обуславливают деформацию правосознания граждан[197]. Эти изменения находят свое воплощение в социальной практике в виде устоявшихся механизмов превышения пределов правомерной самозащиты и их трансформации в самоуправные действия.

Сам факт договорных отношений нередко воспринимается гражданами как абсолютная гарантия правомерности применения любых принудительных мер в случае нарушения обязательств. Субъекты ошибочно полагают, что факт нарушения договора другой стороной в безусловном порядке освобождает их от обязанности соблюдать установленный законом порядок урегулирования конфликта. В обыденном правосознании укоренилось представление о безусловном характере права на удержание имущества должника. Большинство субъектов не осознают, что реализация мер, предусмотренных статьей 359 ГК РФ, правомерна исключительно в тех случаях, когда вещь изначально выбыла из владения должника и оказалась у кредитора на законных основаниях. Напротив, принудительное самостоятельное изъятие вещи должника с целью ее последующего «удержания» образует состав правонарушения. Типичным заблуждением выступает представление о правомерности открытого изъятия чужого имущества при условии обязательного предварительного или последующего уведомления собственника (или иного владельца).

В то же время в государстве фактически отсутствуют системные меры правового воспитания и просвещения, направленные на формирование у населения навыков самозащиты гражданских прав. На макросоциологическом уровне это выражается в неоднозначном, зачастую искаженном отношении населения к правомерной самозащите, ошибочном восприятии ее легальных границ. Данные тенденции развиваются на фоне общей несформированности

[197]См.: Биньковский А.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты самоуправства: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 188-189.

правовой культуры неюрисдикционного разрешения конфликтов в российском обществе[198].

В полной мере указанное касается и необходимости формирования в обществе культуры уважения права чужой собственности. М. А. Желудков справедливо рассматривает такую идеологию как систему взглядов и идей, а также программ социальной деятельности, укоренение которых в общественной культуре позволяет изменить качество неформальных институтов и регулировать поведение людей[199].

Следует отметить, что эксперты акцентируют внимание на необходимости решения данной проблемы, выделяя такие мер предупреждения самоуправства, как системное информирование населения о недопустимости разрешения споров и конфликтов противоправными способами и о юридической ответственности за противоправные действия (92,7%), а также правовое воспитание и просвещение, направленное на формирование у населения навыков самозащиты гражданских прав (73,3%).

С учетом указанного, разработка и реализация комплексной системы организационно-правовых мер предупреждения самоуправства должны осуществляться по следующим основным направлениям.

Первое направление предупредительного воздействия заключается в нормативном закреплении в гражданском законодательстве императивного запрета на реализацию мер самозащиты, нарушающих конституционные права и свободы других лиц. Требуется законодательно зафиксировать недопустимость ограничения правомочий владения, пользования и распоряжения имуществом вопреки воле собственника в результате самозащиты (за исключением нормативно регламентированных случаев необходимой обороны и крайней необходимости).

---

[198] См.: Зуева Ю.В. Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника): дис. канд … юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 133.

[199] См.: Желудков М.А. Развитие системы криминологического обеспечения защиты личности и общества от корыстных преступлений против собственности: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. М., 2012. С. 39.

Второе направление заключается в законодательном разграничении самозащиты гражданских прав и публично-правовых институтов принудительного исполнения. Целесообразно закрепить, что любые принудительные меры по изъятию имущества и взысканию денежных средств составляют исключительную компетенцию органов принудительного исполнения. Самовольное совершение данных действий кредитором должно квалифицироваться как превышение пределов самозащиты прав, влекущее юридическую ответственность.

В качестве третьего направления предупредительного воздействия рассматривается преодоление деформаций правосознания населения и формирование правовой культуры, исключающей противоправные способы разрешения споров. Эффективность предлагаемых правовых ограничений напрямую зависит от их информационного сопровождения. Для этого в рамках реализации государственной политики по повышению правовой грамотности граждан необходимо внедрение комплекса организационно-управленческих и просветительских мер.

Перспективным представляется расширение информационного наполнения Единого государственного портала правового просвещения «ВПРАВЕ.РФ», функционирующего под эгидой Министерства юстиции Российской Федерации[200], посредством его интеграции с Единым порталом государственных и муниципальных услуг. Создание системы перенаправления пользователей к специализированному справочному разделу платформы позволит оперативно информировать граждан о законных пределах самозащиты прав и недопустимости принудительного изъятия имущества во внесудебном порядке.

При организации системного правового просвещения населения и формирования на массовом уровне установки на недопустимость самоуправных действий необходимо также учитывать потенциал деятельности таких

[200] ВПРАВЕ.РФ: Единый портал правового просвещения и бесплатной юридической помощи / Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://вправе.рф

институтов гражданского общества, как адвокатура[201] и нотариат[202]. Наиболее значима в данном контексте роль СМИ и все более значимого влияния на массовое сознание в эпоху цифровизации именно медийного пространства. СМИ формируют в общественном сознании установку на неприемлемость самоуправства как метода достижения цели[203]. Потенциал СМИ как субъекта предупреждения должен быть ориентирован на демонстрацию неотвратимости уголовного наказания по статье 330 УК РФ даже при наличии у виновного законных притязаний, а также на осуществление правового просвещения о наличии доступных внесудебных механизмов разрешения споров.

Повышению эффективности предупреждения самоуправного поведения способствует также расширение доступности процедур медиации по малозначительным гражданско-правовым спорам (конфликтам при совместном использовании имущества, спорам в сфере оказания бытовых услуг, обязательствам из причинения вреда, соседским спорам и иным). Перспективным является организационное внедрение примирительных процедур на базе государственных юридических бюро, функционирующих в регионах Российской Федерации[204]. Такой подход позволит использовать имеющуюся государственную инфраструктуру для урегулирования имущественных конфликтов на ранней стадии. При этом в целях повышения превентивного потенциала необходимо расширить перечень оснований для оказания бесплатной юридической помощи. На необходимость расширения практики примирительных процедур по гражданско-правовым спорам с целью предупреждения самоуправства указывают 58,7% экспертов.

---

[201] См.: Петухов К.И. Адвокат как субъект предупреждения преступности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2024. 23 с.

[202] Алексеев К.А. Нотариат как институт превентивного правосудия: теория и практика // Юридическая наука. 2026. № 1. С. 19-22; Ярошенко Т.В. Превентивная функция нотариата: актуальные вопросы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4. С. 5-12; Корсик К.А. Исполнительная надпись нотариуса как способ разрешения юридических конфликтов // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 11. С. 174-179.

[203] См.: Сурков И.К. Самоуправство (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2006. С. 19.

[204] См.: Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6725.

Указанные информационные и гражданско-правовые меры минимизируют риски противоправного поведения, но не исключает совершение правонарушений в сфере гражданского оборота. Конфликты, вызванные деформацией правосознания участников, требуют вмешательства правоохранительных органов и суда. Системный анализ свидетельствует о наличии ряда взаимосвязанных проблем, снижающих превентивный потенциал действующего законодательства и требующих его совершенствования.

Смежная со статьей 330 УК РФ норма содержится в статье 19.1 КоАП РФ, устанавливающей ответственность за самовольное осуществление права, не повлекшее причинения существенного вреда. Таким образом, основным разграничительным признаком составов преступления административного правонарушения выступает последствие в виде существенного вреда. Как отмечает Е. С. Пинягина, «отсутствие критериев оценки существенности вреда, а также отсутствие конкретизации круга общественных отношений, которым вследствие совершения самоуправства может быть причинен такой вред, влечет неопределенность в формирующейся правоприменительной судебной практике»[205].

Межотраслевая размытость границ самозащиты прав порождает серьезные проблемы в правоприменительной деятельности, препятствуя точной квалификации содеянного. По заявлениям о самоуправстве правоохранительные органы регулярно выносят постановления об отказе в возбуждении уголовных дел ввиду квалификации деяний как гражданско-правовых споров, подлежащих разрешению в порядке гражданского судопроизводства.

Для разрешения обозначенных проблем правоприменения совершенствование организационно-правовых мер предупреждения самоуправства целесообразно осуществлять по нескольким взаимосвязанным направлениям.

[205] Пинягина Е.С. Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3(103). С. 240.

Первое из них предполагает законодательное уточнение объекта посягательства. Учитывая, что мотивация самоуправства определяется доминирующим стремлением удовлетворения имущественного интереса, самоуправство следует признать деянием, посягающим прежде всего на отношения собственности, а не на установленный порядок управления. В связи с этим обосновывается перенос состава самоуправства в главу 21 УК РФ[206]. Такая мера позволит устранить коллизию между материальным содержанием преступления и его формальным местом в уголовном законе, повысив качество правоприменительной деятельности. Необходимость реализации данной меры (установление ответственности за самоуправство в Главе 21 УК РФ) подтверждается мнением 58,2% экспертов.

Модернизации требует и диспозиция статьи 330 УК РФ. На необходимость конкретизации оценочных признаков состава самоуправства, в частности признака существенного вреда, указывают 69,9% экспертов.

Действующая формулировка характеризуется высокой степенью абстракции, так как указывает на «совершение каких-либо действий», правомерность которых оспаривается. Такое описание конструктивных элементов состава не в полной мере раскрывает специфику самоуправства. В связи с этим обосновывается необходимость конкретизации диспозиции нормы через закрепление ее имущественной основы посредством указания на «самовольное осуществление действительного или предполагаемого права, сопряженное с изъятием, удержанием имущества, ограничением доступа к нему либо иным существенным нарушением правомочий собственника или иного законного владельца». Данные изменения повысят превентивный потенциал нормы, поскольку четкое отграничение самоуправства от смежных преступлений и законной самозащиты минимизирует риски ошибочной квалификации со стороны правоприменителя[207].

---

[206] См.: Чапчиков С.С. Место самоуправства в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2025. № 3. С. 40-45.

[207] См.: Власова И.В. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, сопряженным с принуждением к совершению сделки или к отказу от ее совершения: автореф. дис. …

Превентивный потенциал рассматриваемой нормы напрямую зависит от конкретизации признака существенного вреда. Современные исследования показывают, что именно это последствие является наиболее дискуссионным элементом объективной стороны самоуправства. В доктрине и судебной практике существенный вред связывается прежде всего с имущественным ущербом, хотя и допускается его выражение в физическом, моральном и организационном вреде. Однако отсутствие в статье 330 УК РФ четкого указания на объект посягательства приводит к необоснованно широкому судейскому усмотрению при квалификации деяния[208].

Исследования самоуправства подтверждают, что основным разграничительным признаком содеянного остается степень общественной опасности и характер наступившего вреда. Сами же конфликтные ситуации носят комплексный характер и нередко возникают на стыке гражданско-правового, административного и уголовно-правового регулирования. Из этого следует, что предупреждение самоуправства не может ограничиваться формальной альтернативой наличия или отсутствия существенного вреда. Необходима детальная регламентация критериев разграничения, в том числе через прямое указание на виды последствий, характер вмешательства в осуществление правомочий собственника и продолжительность лишения потерпевшего возможности пользоваться имуществом, более детализированной градации самоуправных действий в соответствии с характером нарушенного права и формой вины нарушителя[209]. Данный подход будет способствовать снижению противоречивости правоприменения.

канд. юрид. наук. М., 2010. 27 с.; Дубов Е.И. Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям, связанным с деятельностью по возврату просроченной задолженности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. 35 с.

[208] См.: Чапчиков С.С. Совершенствование уголовно-правовых мер предупреждения самоуправства // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05-06 июня 2026 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2026.

[209] См.: Олимпиев А.Ю., Надеждин Г.А. Правовая природа жилищно-бытового самоуправства: проблемы квалификации и разграничения административной и уголовной ответственности // Криминологический журнал. 2025. № 4. С. 92-99; Пинягина Е.С. Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3(103). С. 240-247.

В целях предупреждения ошибок квалификации представляется обоснованным либо дополнить статью 330 УК РФ примечанием, раскрывающим содержание существенного вреда, либо отразить данный аспект в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ. Предлагается зафиксировать, что существенный вред при самоуправстве охватывает реальный имущественный ущерб, длительное лишение лица возможности лица владеть, пользоваться или распоряжаться имуществом, существенном нарушении деятельности организации, а равно иные негативные последствия, нарушающие права и законные интересы граждан и организаций[210]. Кроме того, на уровне судебного толкования необходимо прямо указать, что совершение самоуправных действий с применением насилия или угрозы его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ), исключает квалификацию содеянного в качестве правомерной самозащиты прав, поскольку насилие не может являться законным способом защиты частных интересов.

В качестве дополнительного инструмента предупреждения самоуправства в доктрине рассматривается институт административной преюдиции. Сторонники данного подхода исходят из того, что часть самоуправных действий формируется как повторяющееся конфликтное поведение, изначально попадающее под действие административного закона. В рамках этой модели повторное совершение самоуправных действий лицом, ранее подвергнутым административному наказанию по статье 19.1 КоАП РФ, предлагается признать в качестве самостоятельного основания уголовной ответственности либо квалифицирующего признака[211]. Однако, на наш взгляд, указанная инициатива нуждается в дополнительном теоретическом осмыслении и проверке эмпирической эффективности. На современном этапе допустимо говорить не о безусловном введении преюдициального механизма, а о его анализе в ряду дискуссионных направлений реформирования статьи 330 УК РФ.

---

[210] См.: Пинягина Е.С. Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3(103). С. 240-247.

[211] См.: Хагур Ю.А. Особенности профилактики самоуправства // Философия права. 2025. № 2(113). С. 173-179.

Направлением совершенствования мер предупреждения самоуправства выступает также совершенствование санкций за самоуправство. Актуальным вопросом является необходимость гуманизации санкции части 2 статьи 330 УК РФ путем нормативного закрепления видов наказаний, не связанных с лишением свободы. Действующий уголовный закон предусматривает принудительные работы, арест либо лишение свободы, тогда как более гибкие меры, способные обеспечить реальное исправительное и предупредительное воздействие без изоляции от общества, отсутствуют. Включение обязательных и исправительных работ в санкцию позволило бы повысить индивидуализацию ответственности, снизить зависимость суда от альтернативы между условным лишением свободы и иными более жесткими видами наказания и тем самым усилить специальное предупреждение повторных самоуправных действий. На необходимость совершенствования санкции статьи 330 УК РФ как на меру предупреждения данного преступления указывают 47,8% экспертов.

Превентивный потенциал наказания по делам о самоуправстве может быть реализован и на уровне судебного усмотрения. При вынесении решения о применении института условного осуждения представляется целесообразным более широко использовать правовые обязанности, прямо ориентированные на устранение последствий самоуправных действий - прекращение незаконного удержания имущества, недопущение контактов и давления на потерпевшего, принятие мер к возмещению ущерба, соблюдение установленного порядка разрешения спора[212]. В данном случае речь идет не о замене законодательного решения судебной практикой, а об индивидуализации наказания и придании ему большего предупредительного потенциала.

С учетом изложенного в данном параграфе можем сделать следующие выводы.

Комплексный эффект предложенных межотраслевых мер заключается в трансформации системы предупреждения самоуправного поведения на

[212] См.: Пинягина Е.С. Назначение наказания за самоуправство: анализ практики и пути оптимизации // Полицейская и следственная деятельность. 2025. № 4. С. 295-307.

общесоциальном уровне. Нормативное ограничение пределов самозащиты в гражданском праве, повышение уровня правовой культуры и грамотности населения, развитие информационных цифровых платформ и институтов медиации позволят снизить уровень криминогенности в частноправовой сфере. Изменение редакции статьи 330 УК РФ, уточнение объекта посягательства, конкретизация оценочных признаков, а также оптимизации санкций части 2 статьи 330 УК РФ позволят повысить регулятивно-охранительный потенциал уголовного закона, обеспечив точную квалификацию содеянного и индивидуализацию наказания, повышая эффективность общей и частной превенции уголовного закона. Данный комплекс мер способствует нивелированию деформации правосознания граждан и замещению противоправных самоуправных действий легальными механизмами урегулирования конфликтов.

§ 2. Специально-криминологические меры предупреждения самоуправства

Ключевая роль в механизме предупреждения преступности отводится ее субъектам. Успешная реализация задач по предупреждению преступности предполагает объединение субъектов в единую систему, четкое разграничение их компетенций, установление координации и эффективного взаимодействия между различными уровнями системы субъектов.

В соответствии с Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон о профилактике правонарушений) субъектами предупреждения правонарушений и преступлений являются: федеральные органы исполнительной власти; органы прокуратуры Российской Федерации; следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; органы

государственной власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления[213].

В доктрине в качестве субъектов специально-криминологического предупреждения преступности выделяют государственные органы, организации и учреждения, социальные группы и отдельных граждан, которые в соответствии со своей компетенцией (полномочиями), правами или обязанностями осуществляют меры по предупреждению преступлений. При этом отсутствует единый подход к классификации субъектов предупреждения преступности[214].

Среди специализированных субъектов предупреждения преступности особое место занимают органы внутренних дел (далее – ОВД)[215], осуществляющие выявление, пресечение противоправных деяний, а также общую и индивидуальную профилактику[216]. Роль ОВД как субъекта специально-криминологического предупреждения самоуправства особенно значима с учетом выделения ситуационно-конфликтной модели механизма совершения самоуправства.

В частности, в пределах предоставленных полномочий участковый уполномоченный полиции реализует комплекс превентивных мер, осуществляет правовое информирование и правовое просвещение граждан, выявляет конфликты имущественного характера (включая ненадлежащее исполнение обязательств, соседские споры и др.)[217]. Сотрудники уголовного розыска, а также

---

[213] См.: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (Ч. 1). Ст. 3851.

[214] См.: Криминология. Общая часть: курс лекций / под ред. В.Д. Малкова. М.: Академия управления МВД России, 2009. С. 124; Титушкина Е.Ю. Система субъектов предупреждения преступлений: понятие и элементы // Научный портал МВД России. 2019. № 2. С. 61-65.

[215] См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.

[216] См.: Яковлева М.А. Органы внутренних дел как субъект в системе профилактики преступности: монография. М.: Ruscience, 2023. 183 с.; Титушкина Е.Ю. Государственная система предупреждения преступлений и иных правонарушений, место в ней органов внутренних дел. М.: Академия управления МВД России, 2021. 180 с.

[217] См.: Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 (в ред. от 27.10.2025) «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции[218] обладают значительным потенциалом выявления имущественных конфликтов и призваны предупреждать самоуправные действия посредством разъяснения лицам необходимости и преимущества разрешения споров в рамках правовых процедур. С целью недопущения перерастания данных конфликтов в самоуправные действия сотрудники ОВД информируют стороны о законных способах защиты прав, необходимости обращения в суд либо за квалифицированной юридической помощью[219]. На выявление имущественных конфликтов в бытовой сфере и сфере экономических отношений как на одну из основных мер специально-криминологического предупреждения самоуправства указали 88,3% экспертов.

Между тем, правоприменительная практика свидетельствует о наличии негативных тенденций в деятельности ОВД на данном направлении. Основная тенденция заключается в формальном подходе к вынесению постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по статье 330 УК РФ со ссылкой на отсутствие состава преступления ввиду наличия между сторонами гражданско-правового спора. Подобный подход в деятельности правоохранительных органов выступает криминогенным фактором. Субъект, убедившись в пассивности правоохранительной системы и фактической безнаказанности первоначальных неправомерных действий, переходит к более жестким, а зачастую насильственным формам самоуправного поведения.

---

[218] См.: Приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru; Приказ МВД России от 19 ноября 2001 г. № 1018 «Об утверждении Положения о Главном управлении уголовного розыска Службы криминальной милиции Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

[219] См.: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (Ч. 1). Ст. 3851.

Так, согласно статистическим данным[220] ежегодно отменяется значительное количество постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 330 УК РФ: 2016 г. - 27881, 2017 г. - 27862, 2018 г. - 27296, 2019 г. - 26563, 2020 г. - 22184, 2021 г. - 22594, 2022 г. - 20617, 2023 г. - 19200, 2024 г. - 1821, 2025 г. - 1529.

В целях повышения эффективности раннего предупреждения самоуправства представляется необходимым активизировать применение сотрудниками ОВД потенциала правового информирования граждан непосредственно в рамках уголовно-процессуальной деятельности. В качестве специальной превентивной меры предлагается закрепить в рамках ведомственного регулирования МВД России обязанность вынесения официального уведомления о недопустимости самоуправных действий. Данное уведомление должно выступать обязательным приложением к копии об отказе в возбуждении уголовного дела по статье 330 УК РФ, направляемой участникам гражданско-правового конфликта. Разъяснение лицу, пытающемуся разрешить правовой конфликт незаконными методами, положений статей 11, 12 ГК РФ, а также санкций статьи 19.1 КоАП РФ и статьи 330 УК РФ окажет необходимое превентивно-психологическое воздействие. Оно выполнит правостабилизирующую функцию, формализуя юридическую оценку действий субъекта и выступит правовым барьером, препятствующим дальнейшему развитию противоправного поведения и перерастания гражданского спора в уголовно наказуемое деяние.

В системе предупреждения самоуправства важное место занимают меры, осуществляемые органами предварительного расследования. На следователя и дознавателя возложена обязанность выявлять обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений (ч. 2 ст. 73 УПК РФ). Основным процессуальным

[220] См.: Сведения о рассмотрении органами внутренних дел сообщений о преступления (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 2-Е (МВД) [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

документом, содержащим выводы о данных обстоятельствах и мерах по их устранению, является представление (ч. 2 ст. 158 УПК РФ).

Специально-криминологический потенциал данной меры существенно снижается из-за шаблонности формулировок самих представлений, которые зачастую не содержат глубокого анализа ситуации. Это приводит к вынесению формальных ответов со стороны адресатов и оставляет основные детерминанты неустраненными. Для преодоления данной негативной тенденции необходимо обеспечить последующий контроль их реального исполнения, включая инициирование следователем производств по статье 17.7 КоАП РФ в случае умышленного игнорирования указанных в представлении требований. Необходимость усиления следственной профилактики (вынесения представлений в порядке части 2 статьи 158 УПК РФ) отметили 40,3% экспертов.

Реализуя требования уголовно-процессуального закона, следователь (дознаватель) по делам о самоуправстве сталкивается с криминологической спецификой детерминации данного преступления. При расследовании самоуправства основное внимание должно быть обращено на источник конфликта. Причинами самоуправных действий может выступать бездействие органов публичной власти, уполномоченных на разрешение первоначального правового спора. При этом, как показывает изучение материалов судебно-следственной практики, такие ситуации совершения самоуправства остаются преимущественно латентными. В связи с этим представляется обоснованным акцентировать внимание в соответствующих случаях на вынесении адресных представлений в порядке части 2 статьи 158 УПК РФ руководителям тех органов, чьи действия (или бездействие) спровоцировали противоправные действия.

Деятельность органов предварительного расследования по делам о самоуправстве сосредоточена на анализе причин и условий преступного поведения, определении его мотивационной составляющей, а также на своевременном реагировании на нарушения законодательства как со стороны граждан, так и должностных лиц государственных органов. Обобщение

подобной информации позволяет разрабатывать научно обоснованный комплекс превентивных мер, направленных на минимизацию случаев самоуправства.

Следует отметить, что роль ОВД в предупреждении самоуправства заключается не только в реализации непосредственной профилактической функции, выявлении и пресечении противоправных деяний, но и в обеспечении точной квалификации содеянного. Именно правоприменительные ошибки при отграничении самоуправства от смежных составов преступлений, административных правонарушений и гражданско-правовых деликтов создают условия для повторной виктимизации потерпевших и эскалации насилия. Следовательно, обеспечение кадрового потенциала ОВД повышение квалификации сотрудников ОВД по вопросам расследования самоуправства, ограничения статьи 330 УК РФ от смежных преступлений и правонарушений выступает самостоятельным и значимым элементом системы специально-криминологического предупреждения данного преступления.

Необходимость надлежащего обеспечения кадрового потенциала ОВД и повышение квалификации сотрудников ОВД отметили 80% экспертов. При этом 51% экспертов акцентируют внимание на необходимости повышения качества методического обеспечения выявления и расследования самоуправства.

Тезис о необходимости повышения квалификации сотрудников ОВД находит подтверждение в трудах А. П. Биньковского. Исследователь справедливо отмечает, что следователи и дознаватели на практике слабо знакомы со спецификой расследования уголовных дел о самоуправстве, что влечет за собой следственные ошибки, особенно при правовой оценке действий лиц, привлеченных кредитором для возврата долга[221]. По мнению автора, устранению данного детерминирующего фактора должно способствовать издание специализированных методических рекомендаций по расследованию уголовных дел о самоуправстве, а также внедрение разбора конкретных практических задач в рамки служебной подготовки личного состава. Разделяя данную позицию,

[221] См.: Биньковский А.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты самоуправства: дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2003. С. 200.

считаем необходимым дополнить ее с учетом современных тенденций цифровизации преступности. Разработка ведомственных методических материалов должна осуществляться сквозь призму обязательного анализа электронных следов противоправной деятельности. В условиях стремительной виртуализации общественных отношений отмечаются случаи влияния цифровизации на криминогенные факторы детерминации самоуправных действий и формы осуществления психологического воздействия на потерпевших с использованием информационно-телекоммуникационных сетей.

Соответственно, современные методические рекомендации для сотрудников ОВД должны содержать четкие алгоритмы выявления, фиксации и обеспечения сохранности цифровой информации, правила проведения следственных действий, связанных с копированием электронных данных, верификации электронных транзакций, а также порядок межведомственного взаимодействия следователей (дознавателей) с оперативными и техническими подразделениями ОВД в целях деанонимизации пользователей, осуществляющих противоправное давление в виртуальном пространстве. Высокую превентивную значимость совершенствования информационно-аналитического обеспечения ОВД признают и 64,5% экспертов.

Рассматривая направления оптимизации информационно-аналитического обеспечения ОВД как меры повышения эффективности предупреждения преступлений на специально-криминологическом уровне, нельзя обойти вниманием доктринальную дискуссию, заложенную в трудах С. В. Артюшкиной. Автор указывает на необходимость создания единой базы данных и внедрения в статистическую отчетность правоохранительных органов сведений о совершении самоуправных действий по мотиву мести[222]. Разделяя позицию исследователя в части того, что мотив мести выступает значимым криминогенным детерминантом самоуправства, полагаем, что современный этап цифровизации требует модернизации предложенного подхода. Создание

[222] См.: Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2012. С. 24-25.

обособленной информационной базы исключительно по делам о самоуправстве видится избыточным и экономически нецелесообразным.

Более перспективным представляется не разработка изолированного ресурса, а интеграция действующих межведомственных информационных систем (ГИАЦ МВД России, ГАС «Правосудие» и ФССП России). Внедрение в такую систему технологий искусственного интеллекта (в частности, алгоритмов предиктивного анализа и обработки больших данных) позволит в автоматическом режиме сопоставлять сведения о затяжных гражданско-правовых спорах, исполнительных производствах и материалах проверок ОВД. Это обеспечит раннее выявление конфликтов и своевременно спрогнозирует риски их перерастания в самоуправные действия. Реализация указанной интеграционной межведомственной модели требует системной консолидации усилий заинтересованных государственных органов и ведомств. Организационно-техническое проектирование единых стандартов обмена данными должно осуществляться при технологическом содействии Минцифры России на основе межведомственных соглашений.

В свою очередь, формирование алгоритмов предиктивного анализа и первичное наполнение интеграционной системы профильными массивами данных должно быть возложено на уполномоченные ИТ-подразделения и информационно-аналитические центры МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде РФ и ФССП России. Координационную функцию за эффективностью использования результатов прогнозного анализа в предупредительную деятельность призвана выполнять Генеральная прокуратура Российской Федерации. Как оператор Государственной автоматизированной системы правовой статистики[223], надзорное ведомство способно обеспечить мониторинг и оценку эффективности мер специально-криминологического

[223] См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2024 г. № 212 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 2113» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 9. Ст. 1260.

предупреждения, реализуемых субъектами профилактики на основе консолидированных данных.

В соответствии с Законом о профилактике правонарушений следственные органы Следственного комитета Российской Федерации (далее - СК России) осуществляют предупредительную деятельность в пределах установленной законом компетенции. Несмотря на то, что производство по уголовным делам о самоуправстве (как по ч. 1, так и по ч. 2 ст. 330 УК РФ) отнесено преимущественно к компетенции ОВД, СК России принимает активное участие в предупреждении данных деяний. Указанная функция реализуется при расследовании уголовных дел о более тяжких преступлениях, где самоуправные посягательства выступают элементом сложного криминального поведения (например, при расследовании должностных, коррупционных преступлений или организованной преступной деятельности).

Специфика потенциала СК России в предупреждении самоуправства заключается в нейтрализации феномена институционального самоуправства. Речь идет о ситуациях, когда действительные или предполагаемые права граждан и юридических лиц реализуются вопреки установленному законом порядку посредством привлечения административного или силового ресурса правоохранительных или контролирующих органов. В подобных случаях действия недобросовестных представителей публичной власти, выступающих пособниками самоуправных деяний, образуют самостоятельные составы преступлений против государственной власти и интересов государственной службы (ст. 285, 286 УК РФ). Расследуя данные должностные преступления и выявляя коррупционные связи, следователи СК России ликвидируют организационную основу для системного самоуправства, тем самым реализуя функцию правовой стабилизации и предупреждения криминогенных конфликтов.

Выступая координатором деятельности правоохранительных органов и межведомственного информационного обмена и единой системы правовой статистики, органы прокуратуры Российской Федерации одновременно

реализуют потенциал специально-криминологического предупреждения преступлений. Данная деятельность сочетает в себе надзорную функцию с координацией мер по устранению причин и условий преступлений и правонарушений (ч. 2 ст. 9 Закона о профилактике правонарушений). В исследованиях, посвященных функциональной деятельности прокуратуры по предупреждению преступлений, подчеркивается необходимость поиска новых путей совершенствования как правового, так и правоприменительного механизма такой деятельности[224].

Специфика предупредительной деятельности прокуратуры проявляется, в частности, в использовании такого правового инструмента, как официальное предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»)[225]. Между тем, превентивный потенциал актов прокурорского реагирования в сфере предупреждения самоуправства используется не в полной объеме. Официальное предостережение применяется прокурорами преимущественно при угрозе нарушений в сфере трудового, бюджетного или экологического законодательства. Однако специфика детерминации самоуправства требует более активного задействования превентивного потенциала актов прокурорского реагирования на стыке публичных и частных интересов. На необходимость усиления межведомственного взаимодействия (ОВД, прокуратура, ФССП России и др.) по выявлению и пресечению причин и условий, а также фактов самоуправства указывают 44,2% экспертов.

Следует учитывать, что высокой предупредительной эффективностью в рамках координационных полномочий прокурора обладает инициирование совместных межведомственных проверочных мероприятий ОВД и ФССП России. Целью таких мероприятий должно выступать вынесение прокурорских предостережений должностным лицам указанных ведомств при выявлении факта

[224] См.: Мамонтова Э.А. Предупреждение преступлений органами прокуратуры: монография. Тамбов: Студия печати Ксении Поповой, 2025. С. 38.
[225] См.: Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

несвоевременного реагирования на первичные заявления граждан о давлении со стороны кредиторов и иные проявлениях самоуправных действий. Подобное превентивное вмешательство органов прокуратуры позволяет нейтрализовать риски бездействия уполномоченных органов, предупреждая развитие криминогенного конфликта на стадии приготовления или покушения на самоуправство.

Информационным основанием для реализации таких мер должны стать не только жалобы граждан, но и материалы проверок ОВД, а также сведения от ФССП России, осуществляющей непосредственный государственный контроль (надзор) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих функции по возврату просроченной задолженности. Скоординированное применение статьи 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в отношении уполномоченных субъектов контроля позволяет пресечь неправомерное психологическое и физическое давление на должников, переводя разрешение спора исключительно в рамки гражданского или арбитражного судопроизводства.

Обладая статусом специальных субъектов предупреждения преступлений, суды Российской Федерации вносят существенный вклад в предупреждение самоуправных действий. Данная функция реализуется непосредственно в процессе отправления правосудия при рассмотрении и разрешении гражданских, арбитражных и административных дел. Вынесение законного и обоснованного судебного акта не только разрешает материально-правовой спор, но и содействует формированию уважительного отношения к закону, повышая уровень доверия граждан к судебной системе[226].

Суды общей юрисдикции и арбитражные суды наделены процессуальным правом реагировать на выявленные в ходе заседаний правонарушения путем вынесения частных определений. В данном контексте суд признается не только

[226] Статья 2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532; статья 2 Арбитражного процессуального кодекса от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

органом разрешения уже возникшего юридического конфликта, но и самостоятельным субъектом специально-криминологического предупреждения преступлений посредством выявления порождающих его причин и условий.

Применительно к предупреждению самоуправства институт частных определений обладает уникальной правовой природой. Рассматривая гражданско-правовые или экономические споры, судья фиксирует факты, когда до обращения в судебные инстанции либо непосредственно в ходе процесса одна из сторон прибегает к самоуправным действиям, выходящим за рамки дозволенной законом самозащиты гражданских прав и приобретающим признаки уголовно наказуемого деяния.

Развивая тезис о превентивном потенциале правосудия, Ю. А. Хагур справедливо подчеркивает, что реагирование суда по факту выявленных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, представляет собой действенный, законодательно регламентированный механизм реагирования на конфликтные ситуации и эффективный способ привлечения компетентных субъектов к участию в их разрешении[227]. Пассивность же суда в части реагирования на неправомерные, самовольные действия участников спора может формировать у правонарушителя ложную установку о допустимости и фактической безнаказанности избираемых им неюрисдикицонных способов принуждения, выступая дополнительным фактором эскалации самоуправного поведения.

В связи с этим представляется целесообразным нормативно конкретизировать основания для обязательной реализации судами превентивных полномочий при выявлении в ходе рассмотрения дела признаков совершения или угрозы повторного самоуправного воздействия одной из сторон спора. Вместе с тем, учитывая процессуальный порядок, согласно которому в арбитражном и гражданском процессе частное определение выступает самостоятельным инструментом реагирования на правонарушения (ч. 2 ст. 188.1 Арбитражного

[227] См.: Хагур Ю.А. Специально-криминологические меры предупреждения самоуправства // Право и практика. 2024. № 4. С. 115.

процессуального кодекса Российской Федерации – далее АПК РФ, ст. 226 ГПК РФ), для оперативного пресечения противоправных действий на ранних стадиях судам необходимо активнее задействовать механизм незамедлительного направления материалов в органы предварительного расследования (ч. 3 ст. 266 ГПК РФ, ч. 4 ст. 188.1 АПК РФ). Подобная обязанность должна возникать при установлении судом фактов незаконного удержания имущества или документов, применения психологического давления либо противоправного воспрепятствования законной деятельности субъектов права. Соразмерное и своевременное процессуальное реагирование позволит пресекать самоуправство на ранних стадиях его развития, не дожидаясь вынесения решения по существу спора.

Дополнительным превентивным потенциалом обладают примирительные процедуры, предпринимаемые в рамках судопроизводства[228]. Специально-криминологическое значение институтов судебного примирения и медиации применительно к предупреждению самоуправства обусловлено тем, что они воздействуют непосредственно на источник преступного поведения – неудовлетворенность сторон затянувшимся или неразрешенным правовым спором.

В отличие от судебного решения, которое зачастую оставляет одну из сторон проигравшей (что способно спровоцировать ее на последующее самоуправное поведение в целях субъективно понятого «восстановления справедливости»), примирительные процедуры направлены на достижение баланса интересов и полное исчерпание конфликта. Добровольный характер исполнения обязательств, зафиксированный в рамках медиативного или мирового соглашения, выступает надежным психологическим барьером, исключающим мотивацию субъектов на силовое или иное неправомерное самовольное осуществление своих действительных или предполагаемых прав.

[228] См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012; Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

Самостоятельным элементом системы предупреждения самоуправства выступает институт рассмотрения обращения граждан в органы публичной власти. В исследованиях подчеркивается, что обращения граждан является важным средством формирования, поддержания и укрепления доверия граждан к публичной власти, основной формой оценки уровня доверия власти народом, обеспечивающей не только защиту прав, но и динамичную связь между гражданским обществом и государством[229].

В соответствии с положениями Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ч. 3 ст. 8, ст. 11), перенаправление документа в компетентные правоохранительные ведомства обязательно при наличии в нем сведений о готовящемся, совершаемом или совершенном противоправном деянии, а также в случаях, когда разрешение поставленных вопросов относится к исключительной компетенции ОВД[230]. В то же время за рамками должного внимания должностных лиц часто остаются конфликтные ситуации имущественного или бытового характера, которые формально не содержат прямых указаний на совершенное преступление, но обладают высоким криминогенным потенциалом. В связи с этим в современной литературе высказывается предложение возложить на должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления обязанность самостоятельно анализировать все поступающие обращения граждан на предмет наличия рисков самоуправных действий с последующим обязательным информированием правоохранительных структур о подобных конфликтных ситуациях[231].

Полагаем, что наделение указанных органов функциями криминологического прогнозирования, некорреспондирующими с их правовым статусом, является нецелесообразным. Должностные лица гражданских ведомств не обладают необходимыми навыками профилактического и

---

[229] См.: Степкин С.П. Институт обращений граждан в органы публичной власти: автореф. дис. … доктора юрид. наук. М., 2026. С. 20.
[230] См.: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 19. Ст. 2060.
[231] См.: Хагур Ю.А. Специально-криминологические меры предупреждения самоуправства // Право и практика. 2024. № 4. С. 115.

криминологического анализа. Выявление и оценка криминогенных рисков должны оставаться исключительной компетенцией специализированных субъектов предупреждения преступности, обладающих необходимыми инструментами и правовыми основаниями для проведения проверочных мероприятий. Решение данной проблемы видится не в расширении аналитических функций гражданских служащих, а в нормативной конкретизации в рамках ведомственных инструкций четких критериев, при наличии которых обращение подлежит безусловному направлению в ОВД для проведения профилактической работы.

В связи с этим на досудебной и внесудебной стадиях урегулирования имущественных конфликтов превентивная роль должна отводиться профессиональным правовым институтам, способным обеспечить легальное разрешение спора и не допустить его перерастание в уголовно наказуемое деяние. К числу таких субъектов относятся, в частности, органы принудительного исполнения.

Роль данного субъекта специально-криминологического предупреждения преступлений наряду с ролью судебных органов особенно значима с учетом выделения инструментально-принудительной модели механизма совершения самоуправства.

Законодательство об исполнительном производстве детально регламентирует условия и порядок принудительной реализации судебных актов, решений иных органов и должностных лиц, а также исполнительных документов[232]. Соответственно деятельность ФССП России напрямую способствует предупреждению самоуправных действий.

В ходе принудительного взыскания судебный пристав-исполнитель принимает установленные законом меры, направленные на полное, правильное и своевременное исполнение предписаний правоприменительных актов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций

[232] См.: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

(ст. 2 Федерального закона «Об исполнительном производстве»). Тем самым надлежащее и своевременное исполнение актов и документов является не просто правоприменительной задачей, а фактором прямого превентивного воздействия. Кроме того, сотрудники ФССП России минимизируют риски самоуправных действий, обеспечивая установленный порядок деятельности судов и предупреждая правонарушения при исполнении служебных обязанностей.

В системе специально-криминологического предупреждения самоуправства ФССП России занимает двойственное положение. С одной стороны, законная и оперативная процедура принудительного исполнения судебных решений лишает взыскателя мотивов для самостоятельного незаконного изъятия имущества должника. С другой стороны, длительное неисполнение судебных решений, вызванное высокой служебной нагрузкой либо противоправными действиями или бездействием отдельных должностных лиц ведомства, выступает значимым детерминирующим фактором, провоцирующим граждан на совершение самоуправных действий.

В целях реформирования существующих органов принудительного исполнения и минимизации факторов, детерминирующих самоуправство, в научно-правовой доктрине рассматриваются различные концептуальные подходы. Ряд исследователей выступает за частичную децентрализацию функций и внедрение института частных исполнителей. Сторонники данной реформы, опираясь на правоприменительный опыт некоторых зарубежных государств, отмечают, что наделение частных лиц отдельными государственно-властными полномочиями в сфере принудительного взыскания способно существенно снизить нагрузку на государственную службу и повысить процент реального исполнения судебных решений[233].

[233] См.: Тумаков А.В., Рогачев Е.С., Миронова Л.Ю. Об организационно-правовом обеспечении функционирования института частных судебных приставов-исполнителей в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2020. № 6. С. 256-259; Валеев Д.Х. Проблемы повышения эффективности исполнительного производства // Эффективность принудительного исполнения судебных решений и актов других органов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 8–11 июня 2011 г.) / отв. ред. А. О. Парфенчиков, Д. Х. Валеев. М., 2011. С. 92.

Однако анализ опыта Республики Казахстана, где институт частных судебных исполнителей функционирует параллельно с государственным, свидетельствует о наличии серьезных криминогенных рисков при реализации данной модели. Практика показывает, что частные исполнители нередко оказываются вовлеченными в коррупционные схемы, допускают грубые нарушения прав сторон, а в ряде случаев их действия сами находятся на грани уголовно наказуемого самоуправства[234]. Коммерциализация и силовые методы частных приставов, направленные на максимизацию получения прибыли от взыскания, способны спровоцировать рост латентных и более агрессивных форм самоуправного поведения.

Полагаем, что предупреждение самоуправства в исследуемой сфере должно идти не по пути разгосударствления, а посредством решения проблемы[235] цифровизации и внутренней модернизации ФССП России. Необходимы качественное совершенствование ведомственного контроля за сроками исполнительного производства, а также активизация применения сотрудниками органов принудительного исполнения мер административной и уголовно-правовой юрисдикции (в частности, ст. 17.18 КоАП РФ, ст. 312 УК РФ). Реализация данных полномочий должна рассматриваться в качестве самостоятельного превентивного инструмента, нацеленного на принудительное удержание сторон конфликта в рамках правового поля и пресечение любых попыток самовольного распоряжения арестованным или спорным имуществом.

С учетом изложенного в данном параграфе можем сделать следующие выводы.

Специально-криминологическое предупреждение самоуправства представляет собой многоуровневую систему, эффективность которой

[234] Минюст РК рассказал о недостатках в работе частных судоисполнителей. Электронный ресурс. URL:https://total.kz/ru/news/obshchestvo_sobitiya/minust_rk_rasskazal_o_nedostatkah_v_rabote_chastnih_sudoispolnitelei_date_2018_07_02_16_15_27

[235] См.: Кирсанова Е.В. Цифровая трансформация исполнительного производства // Пролог: журнал о праве. 2022. № 3. С. 77-85.

детерминирована уровнем координации и взаимодействия ОВД, СК России, прокуратуры, суда и ФССП России.

Предупредительное воздействие на ранних стадиях обеспечивается за счет выявления имущественных конфликтов в бытовой, экономической и иных сферах, а на более поздних стадиях за счет обеспечения кадрового потенциала и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, повышение качества методического обеспечения выявления и расследования самоуправства, а также усиление межведомственного взаимодействия по выявлению и пресечению причин и условий, а также фактов самоуправства.

Повышение эффективности превентивного воздействия в данной сфере требует интеграции информационно-аналитических ресурсов правоохранительных ведомств и органов судебной власти на единой цифровой платформе с применением алгоритмов предиктивного анализа, что позволит своевременно выявлять актуальные и латентные имущественные конфликты.

Формирование доступных и оперативных легальных механизмов разрешения имущественных конфликтов выступает основным условием минимизации мотивации к совершению противоправных деяний, предусмотренных статьей 330 УК РФ.

§ 3. Индивидуальные меры предупреждения самоуправства

Принимая во внимание центральную роль личности преступника в механизме совершения преступления, в системе предупредительного воздействия на преступность теоретическое и прикладное значение имеет реализация мер индивидуального предупреждения. В соответствии с доктринальными подходами, индивидуальное предупреждение преступлений представляет собой комплексную деятельность уполномоченных субъектов, которая включает в себя выявление лиц, обладающих высокой вероятностью

совершения противоправных действий. Кроме того, данная деятельность предполагает осуществление систематического, корректирующего, воспитательного и праворазъяснительного воздействия на мотивационную сферу указанных лиц и их криминогенное окружение. Целью данного воздействия является недопущение реализации преступных намерений (в том числе посредством виктимологической профилактики в отношении потенциальных жертв), а также предупреждение рецидивной преступности[236].

В современной доктрине ведется дискуссия относительно объекта превентивного воздействия. Часть исследователей отстаивает концепцию системного влияния на личность правонарушителя в совокупности ее свойств. Напротив, другие авторы полагают, что индивидуальное предупреждение должно носить строго целевой характер и направляться не на личность в целом, а на ее отдельные, специфические криминогенные характеристики[237].

Индивидуальная профилактика самоуправства признается сложным видом превентивной деятельности, эффективность которой напрямую зависит от личностных характеристик субъекта, его ценностных ориентаций, уровня правовой социализации, а также от внешней ситуации, в которой формируется решение о совершении преступления[238]. Представляется, что применительно к предупреждению самоуправства наиболее обоснованным является выделение в качестве приоритетного объекта превентивного воздействия на индивидуальном уровне деструктивных дефектов правосознания и мотивационной сферы правонарушителя.

Специфика данной деятельности предопределяет тот факт, что основной детерминантой индивидуального предупреждения самоуправного поведения

---

[236] См.: Криминология: учебник / М.В. Арзамасцев, В.Н. Бурлаков, В.В. Векленко и др.; под науч. ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. 3-е изд. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета. 2025. С. 164; Криминология: учебник / К.И. Богомолова, С.Ю. Бытко, А.Н. Варыгин и др.; под ред. А.Н. Варыгина. Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2024. С. 124; Курс мировой и российской криминологии: учебник для магистров. В 2 т. Т. I. Общая часть / В. В. Лунеев. М.: Издательство Юрайт, 2015. С. 482.

[237] См.: Кургузкина Е.Б. Проблемы индивидуальной профилактики преступлений в современной России: монография. Воронеж, 2002. С. 31.

[238] См.: Чапчиков С.С. Индивидуальные меры предупреждения самоуправства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2026. № 6. С. 184-189.

выступает искаженное субъективное восприятие правонарушителем допустимости и правомерности своих действий, уверенность в наличии права распоряжаться чужим имуществом по своему усмотрению, субъективно понимаемое «восстановление справедливости» или «возврат должного». В условиях острого имущественного или межличностного конфликта субъекты нередко обнаруживают неспособность разграничить уголовно наказуемое самоуправство и законные способы защиты гражданских прав либо сознательно игнорируют их различия.

Организация индивидуального предупреждения требует системного учета ситуационных факторов, в том числе и виктимологических. Поведение жертвы (в частности, ненадлежащее исполнение обязательств), как показало исследование, нередко выступает фактором, который в сочетании с дефектами правосознания преступника детерминируют формирование и реализацию преступного умысла. Необходимо учитывать, что в ситуационно-конфликтной модели механизма совершения самоуправства умысел формируется под воздействием непосредственного взаимодействия с потерпевшим, тогда как в инструментально-принудительной модели незаконный способ реализации притязания избирается преступником заранее.

Если в рамках специально-криминологического предупреждения самоуправства Закон о профилактике правонарушений выступает организационно-правовой основой построения межведомственного взаимодействия, то его превентивный потенциал на индивидуальном уровне раскрывается непосредственно через систему форм профилактического воздействия. Статья 17 указанного нормативного правового акта содержит перечень таких форм, среди которых в качестве основных индивидуальных мер выделяются профилактическая беседа, официальное предостережение, а также профилактический учет. Реализация данных мер осуществляется посредством комплекса взаимосвязанных криминологических методов индивидуального

воздействия, традиционно дифференцируемые на четыре основные группы: убеждение, оказание помощи, принуждение и поощрение[239].

Метод убеждения предусматривает разъяснение лицу, в отношении которого осуществляется индивидуально-превентивное воздействие, обоснование недопустимости преступного поведения, а также формирование устойчивой убежденности в необходимости отказа от совершения преступления. Указанный метод реализуется в законодательно закрепленной форме профилактической беседы, направленной на оказание воспитательного воздействия на правосознание субъекта с целью корректировки его деструктивных установок.

Профилактическая беседа в соответствии со статьей 19 Закона о профилактике правонарушений представляет собой разъяснение лицу его моральной и правовой ответственности перед обществом, государством, а также социальных и юридических последствий продолжения антиобщественного поведения. Тем самым в содержание данной формы воздействия входит доведение до лица информации об общественной опасности и противоправности самоуправных действий, указание со стороны субъекта предупреждения на недопустимость совершения незаконных действий, а также определение законных путей разрешения возникшего спора. Специфика профилактической беседы заключается в том, что лицо на основе полученных сведений самостоятельно принимает решение об изменении модели своего последующего поведения.

В то же время основными функциями убеждения как метода индивидуального предупреждения самоуправства выступают раннее разрешение конфликтных ситуаций, разъяснение участникам законных способов урегулирования спора, а также формирование и реализация правомерных

[239] См.: Алексеев А.И. Индивидуальная профилактика рецидива преступлений // Российский криминологический взгляд. 2010. № 1. С. 36-93; Титаренко А.П. Формы и методы индивидуальной профилактической деятельности полиции в современных социально-экономических условиях // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 201-206; Шуров А.А. Индивидуальные меры предупреждения заведомо ложного доноса // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 3. С. 66-71.

моделей поведения. Профилактическая беседа по данной категории дел должна быть направлена на устранение ложного представления лица о наличии у него субъективных прав или о правомерности предпринимаемых им способах защиты, которые по своей сути являются противоправными.

Важным элементом беседы выступает указание правовых пределов самозащиты и разграничение институтов самозащиты гражданских прав и уголовно наказуемого самоуправства. До сведения лица в обязательном порядке доводится информация о характере ответственности и юридических последствиях самоуправного поведения. Это способствует формированию осознанного отказа от совершения самоуправных действий и ориентирует субъектов конфликта на использование законных способов защиты нарушенных или оспариваемых прав. Эффективность применения метода убеждения в рамках индивидуального предупреждения самоуправства констатируют 65,5% экспертов.

В отличие от метода убеждения, метод принуждения предполагает воздействие на сознание и поведения лица под угрозой наступления неблагоприятных последствий[240]. Следует отметить, что указанный метод, реализуемый в конкретных формах превентивной деятельности, имеет четко установленные пределы, поскольку применение принудительных мер напрямую затрагивает законные интересы лица и может ограничивать его права. Традиционно в криминологии считается, что меры принуждения по сравнению с иными методами играют вспомогательную роль и применяются в случаях, когда другие методы индивидуального воздействия не принесли положительного результата[241].

Метод принуждения в системе индивидуального предупреждения самоуправства носит преимущественно превентивно-ограничительный характер

[240] См.: Шуров А.А. Индивидуальные меры предупреждения заведомо ложного доноса // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 3. С. 69.
[241] См.: Титаренко А.П. Формы и методы индивидуальной профилактической деятельности полиции в современных социально-экономических условиях // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 402. С. 201-206.

и направлен на создание правовых барьеров, препятствующих совершению противоправных деяний. В практической деятельности индивидуальное принудительное воздействие реализуется через систему дифференцированных правовых инструментов. Мнение об эффективности использования принуждения при реализации индивидуального предупреждения самоуправства разделяют 77,2% экспертов.

В случае наличия сведений о готовящихся противоправных деяниях дополнительной мерой выступает прокурорское предостережение о недопустимости нарушения закона (ст. 25.1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»). В криминологической доктрине ведется дискуссия относительно правовой природы данного инструмента. Отдельные эксперты отмечают, что отсутствие прямых правовых последствий за невыполнение требований, содержащихся в официальном предостережении, по сути, превращает его в меру убеждения, имеющую психолого-правовой характер[242]. Представляется, однако, что предостережение сочетает в себе элементы обоих методов: выступая формой психологического воздействия, оно одновременно фиксирует противоправную направленность умысла лица, что в случае продолжения противоправной деятельности выступает основанием его привлечения к установленной законом юридической ответственности.

Наряду с публично-правовыми средствами, в случаях злоупотребления правом на самозащиту применимы меры гражданско-правовой ответственности, включая возмещение убытков и отказ в защите прав (ст. 10 ГК РФ). Гражданско-правовое принуждение лишает правонарушителя материальных стимулов к совершению противоправных действий и возвращая разрешение конфликта в рамки законного судопроизводства.

Не менее важным методом индивидуального предупреждения самоуправства является оказание помощи, поскольку значительная часть

[242] См.: Позднякова Е.В. Официальное предостережение (предостережение), объявляемое органам внутренних дел: вопросы теории и правоприменения // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 3. С. 1-6.

самоуправных действий обусловлена объективными недостатками в деятельности государственных органов по защите прав и законных интересов граждан и организаций. Эффективность использования данного метода при реализации индивидуального предупреждения самоуправства отмечают 46,6% экспертов.

Действующее законодательство закрепляет возможность урегулирования имущественных конфликтов путем проведения переговоров, посредничества, включая процедуру медиации, судебного примирения или иных примирительных процедур (ст. 153.3 ГПК РФ). В контексте индивидуального предупреждения самоуправства правовая и организационная помощь может заключаться в разрешении возникшего спора легитимными юрисдикционными формами. К формам такой помощи относятся оказание квалифицированной юридической помощи, содействие в организации примирительных процедур, а также использование судебных и нотариальных механизмов защиты прав и законных интересов сторон[243]. Как показывает практика, именно своевременная правовая поддержка и обеспечение доступа к легальным инструментам разрешения конфликтов устраняет мотивацию лица к самоуправному поведению.

Как отмечалось ранее, во многих случаев самоуправство возникает в ситуациях, когда субъект считает свое требование обоснованным и законным, но не доверяет государственным институтам либо не имеет реального доступа к процедуре его правомерного осуществления. Поэтому для предупреждения самоуправства приоритетным является не усиление мер принуждения, а оказание помощи, направленной на повышение доступности примирительных процедур и внесудебных форм защиты прав.

С учетом указанных факторов оценка эффективности предупреждения самоуправства должна основываться не на количестве выявленных и расследованных уголовных дел, а на критериях доступности примирительных

[243] См.: Чапчиков С. С. Актуальные проблемы защиты права собственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 9 (112). С. 86-88.

процедур, оперативности исполнительного производства и эффективности внесудебных форм защиты прав.

Эффективной формой стимулирования лица, имеющего умысел или совершающего самоуправные действия, является правовое поощрение в виде признания законности его притязаний при условии возврата субъекта в правовое поле. Реализация метода поощрения в индивидуальном предупреждении самоуправства может носить моральный, материальный или правовой характер. На потенциальную эффективность применения метода убеждения обращают внимание 19,7% экспертов.

Несмотря на то, что в практической деятельности сотрудников ОВД применение данного метода преимущественно ограничено вербальными формами (например, одобрением конструктивного поведения субъекта), его использование обладает значимым превентивным потенциалом.

В данном контексте наиболее действенной мерой индивидуального превентивного воздействия на лицо, склонное к совершению самоуправных действий, выступает предоставление государственных гарантий защиты его действительного права при условии отказа от использования незаконных способов его осуществления. Такое правовое поощрение, выраженное в содействии законному разрешению спора, способствует изменению правовой установки лица с противоправной на легитимную, трансформируя его в добросовестного участника юридического процесса и нейтрализуя криминогенную мотивацию.

Индивидуальное предупреждение самоуправства предусматривает системное решение комплекса задач, обеспечивающих переход от общего предупреждения к адресному превентивному воздействию. К данным задачам относятся: выявление лиц, чье поведение в конфликтных ситуациях свидетельствует о склонности к самоуправному разрешению споров; изучение личности и источников криминогенного влияния, формирующих установку на игнорирование законных процедур разрешения споров и конфликтов; прогнозирование вероятного поведения субъекта в условиях конфликта;

планирование адекватных мер индивидуального воздействия и непосредственное коррекционное влияние на правосознание и поведение лица.

Направленность индивидуального предупреждения самоуправства на установление факторов формирования и последующую коррекцию мотивации, своевременное выявление деструктивных проявлений в поведении субъектов, а также на недопущение совершения преступления конкретным лицом, позволяет выделить следующие этапы данной деятельности.

1. *Ранняя индивидуальная профилактика* – выявление лиц с деформациями правосознания, находящихся в потенциально конфликтных ситуациях в гражданско-правовой сфере, до момента возникновения у них умысла на самоуправные действия и превентивное воздействие на них. При осуществлении ранней профилактики принципиальное значение имеет не только непосредственное предупреждение противоправных действий, но и устранение явлений и процессов, способствующих возникновению имущественного конфликта и формированию мотивации преступного поведения. В связи с этим на данном этапе выделяются две основные формы превентивного воздействия: устранение криминогенных детерминант и непосредственное влияние на личность, склонную к совершению самоуправных действий. На приоритетность своевременного выявления лиц с деформациями правосознания, находящихся в потенциально конфликтных гражданско-правовых ситуациях, склонных к совершению самоуправных действий как на действенный инструмент предупреждения самоуправства указывают 56,7% экспертов.

На этапе ранней и непосредственной индивидуальной профилактики наиболее эффективны методы убеждения и оказания помощи, а при сохранении устойчивой ориентации на противоправное поведение – метод принуждения, реализуемый посредством официального предостережения. Индивидуальная профилактика формирования криминальной мотивации должна осуществляться посредством комплексного воздействия на ценностные ориентации личности.

Основной формой реализации метода убеждения выступает индивидуальная профилактическая беседа, проводимая сотрудниками ОВД (в

первую очередь, участковыми уполномоченными полиции). В рамках указанного мероприятия лицу в обязательном порядке разъясняются правовые различия между самозащитой гражданских прав и уголовно наказуемым самоуправством. До сведения субъекта доводятся критерии соразмерности и пределы осуществления субъективных прав, а также разъясняется неотвратимость наступления уголовно-правовых последствий совершения самоуправных действий. Эффективность индивидуальной профилактической беседы и правового информирование лиц, склонных к совершению самоуправных действий, в качестве самостоятельных мер предупреждения констатируют 52,4% экспертов.

С целью повышения эффективности превентивного воздействия, в соответствии со статьей 18 и 19 Закона о профилактике правонарушений, проведение индивидуальной беседы должно сопровождаться вручением лицу памятки правового информирования (информационной карты правомерного разрешения имущественного спора). Данный документ должен содержать пошаговые разъяснения о доступных внесудебных и судебных механизмах разрешения имущественных споров, а также координаты центров бесплатной юридической помощи и медиации. Подобный подход позволяет нейтрализовать криминогенную установку личности на силовое урегулирование конфликта и одновременно исключает возложение на сотрудников полиции несвойственных им функций по гражданско-правовому консультированию граждан.

2. *Разрешение конфликта* – оказание адресной правовой и организационной помощи в целях перевода имущественного спора в легитимное русло, включая в том числе механизмы судебной защиты, нотариального производства и институты медиации. Для предупреждения самоуправства данный этап имеет ключевое значение. В рамках превентивного воздействия отказ от противоправного поведения достигается посредством сочетания методов убеждения и предоставления субъекту доступной, оперативной и законной альтернативы силовому или иному противоправному решению конфликтной ситуации. В криминологическом аспекте именно результативное

содействие в реализации легальных процедур защиты прав снижает уровень ситуационной неопределенности, выступающей во многих случаях основным фактором детерминации самоуправного поведения.

На данном этапе индивидуальное воздействие реализуется посредством информирования участников конфликта о наличии и доступности альтернативных процедур урегулирования споров. Результаты проведенного информирования и разъяснения правовых механизмов отражаются должностным лицом ОВД в рапорте о результатах проведения индивидуальной профилактической беседы, который впоследствии приобщается к материалам профилактического учета. Это позволяет зафиксировать факт надлежащего выполнения превентивных функций сотрудником полиции, полностью исключая риски необоснованного возложения на ОВД несвойственных им функций по гражданско-правовому консультированию граждан.

Также сотрудники ОВД в рамках своих полномочий при наличии достаточных оснований к принятию соответствующего решения могут содействовать добровольному возврату изъятого или удерживаемого имущества. Целесообразность принятия мер к разрешению конфликтных ситуаций (разъяснение прав и обязанностей, возврат имущества и пр.) в качестве основного элемента индивидуального предупреждения самоуправства отметили лишь 20,8% экспертов. Это указывает на недооценку сотрудниками правоохранительных органов эффективности метода помощи и данного направления индивидуального предупреждения самоуправства.

3. *Превентивное ограничение и контроль* – применение мер государственного принуждения, направленных на принудительное пресечение продолжающихся самоуправных действий и минимизацию рисков перерастания конфликта в уголовно наказуемое деяние. Данный этап актуализируется в случаях, когда методы убеждения и оказания помощи не оказали должного предупредительного воздействия на личность. При наличии данных о том, что субъект демонстрирует устойчивую криминогенную ориентацию, продолжает

высказывать угрозы в адрес другой стороны либо конфликт сопровождается эскалацией, необходимо усиление превентивного воздействия.

Правовой основой принудительного контроля выступает институт официального предостережения о недопустимости антиобщественного поведения, выносимого ОВД во соответствии со статьей 20 Закона о профилактике правонарушений. В случаях, когда подтвержденная информация свидетельствует о наличии сведений о готовящихся противоправных деяниях, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ, применяется предостережение о недопустимости нарушения закона, выносимое органами прокуратуры. Высокую превентивную значимость института официального предостережения в системе мер индивидуального предупреждения самоуправства констатируют 68,9% экспертов.

В рамках осуществления индивидуального контроля за поведением лица, склонного к совершению самоуправных действий (например, при систематическом незаконном удержании чужого имущества или документов), уполномоченными сотрудниками ОВД осуществляется мониторинг соблюдения установленных правовых предписаний. При фиксации деяний, образующих состав административного правонарушения, субъект привлекается к ответственности по статье 19.1 КоАП РФ.

Применение мер административно-правового принуждения на данном этапе преследует двойную криминологическую цель: с одной стороны, оно обеспечивает немедленное пресечение имущественного или межличностного конфликта, а с другой – выступает юридическим основанием для постановки лица на профилактический учет в ОВД. Подобный подход позволяет реализовать контроль за поведением правонарушителя, минимизируя риски эскалации его действий до уровня уголовно наказуемого самоуправства. Эффективность данной меры индивидуального предупреждения самоуправства отметили 76,2% экспертов.

Анализ правоприменительной практики на данном этапе превентивного контроля выявляет существенный пробел, связанный с оценкой правовых

последствий неисполнения актов индивидуального предупреждения. В целях совершенствования правоприменительного механизма и повышения эффективности индивидуальной профилактики, представляется целесообразным реформировать подход к оценке факта игнорирования официального предостережения ОВД в процессе последующего доказывания признаков субъективной стороны состава преступления, а также при назначении уголовного наказания[244].

Главная сложность расследования преступлений, предусмотренных статьей 330 УК РФ, заключается в доказывании умысла[245], поскольку лица, совершившие самоуправство, нередко ссылаются на отсутствие у них преступного намерения и добросовестное заблуждение относительно правомерности своих действий.

В связи с этим, в рамках разъяснений высшей судебной инстанции целесообразно зафиксировать положение, согласно которому факт умышленного продолжения лицом противоправных действий после официального вручения ему предостережения ОВД (в порядке ст. 20 Закона о профилактике правонарушений) должен оцениваться судами в совокупности с другими доказательствами как обстоятельство, опровергающее доводы подсудимого о его добросовестном заблуждении относительно незаконности совершаемых деяний. Подобный подход позволит оперативно пресекать эскалацию имущественных споров, обеспечит интеграцию организационных и индивидуальных мер предупреждения, а также блокирование противоправного поведения субъекта до наступления общественно опасных последствий.

---

[244] Букалерова Л.А., Кузнецова Н.В., Муркштис М.Й. К вопросу учета особенностей личности преступника и его постпреступного поведения при назначении наказания // Учёные труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 1 (72). С. 93-99.

[245] Куфлева В.Н. Содержательная взаимосвязь принципа законности и вины в контексте прав и обязанностей лица, совершившего преступление // Общество и право. 2025. № 3 (93). С. 56-61; Куфлева В.Н. Лицо, совершившее преступление, в контексте институциональной характеристики основания и условия уголовной ответственности // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2026. Т. 21. № 1. С. 156-185; Куфлева В.Н. Значение данных о лице, совершившем преступление, для определения системы и выбора мер уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3 (107). С. 116-124.

4. *Стимулирование правомерного поведения* – побуждение субъекта к разрешению конфликта исключительно в рамках правового поля посредством одобрения его правомерных действий и предоставления государственных гарантий защиты его прав и законных интересов. Самостоятельным аспектом реализации методов убеждения и оказания помощи является восстановление доверия граждан к институтам юрисдикционной системы, что достигается посредством положительного результата при регулировании правового спора.

В научных исследованиях, подтвержденных материалами судебной практики, подчеркивается, что «лица, удерживающие имущество с целью защиты нарушенных прав, стараются теперь не доводить дело до вынесения приговора и немедленно возвращают имущество потерпевшей стороне, для того чтобы прекратить уголовное преследование»[246]. В контексте индивидуального предупреждения указанная тенденция актуализирует необходимость использования метода правового поощрения на стадии досудебного производства.

Применительно к предупреждению самоуправства данная индивидуальная мера должна быть содержательно согласована с институтами деятельного раскаяния (ст. 75 УК РФ) и примирения сторон (ст. 25 УПК РФ). Должностным лицам органов предварительного расследования в ходе проведения профилактической работы с подозреваемым (обвиняемым) по статье 330 УК РФ целесообразно разъяснять правовые преимущества добровольного и незамедлительного прекращения самоуправных действий (возврата удержанного имущества и документов, освобождения незаконно занятых объектов недвижимости).

Поощрение в виде нормативно обоснованной возможности освобождения от уголовной ответственности, при условии полного заглаживания причиненного вреда, выступает действенным стимулом, позволяющим оперативно

[246] Макаров И.И. Актуальные вопросы разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 3 (61). С. 471.

восстановить нарушенные права и исчерпать имущественный конфликт без применения мер уголовного наказания. На стимулирование к прекращению самоуправных действий, примирению с потерпевшим и деятельному раскаянию как на одну из основных мер индивидуального предупреждения самоуправства указали 48% экспертов.

Самостоятельным и неотъемлемым элементом системы индивидуального предупреждения самоуправства выступает индивидуальная виктимологическая профилактика, направленная на выявление лиц, обладающих повышенной степенью уязвимости по отношению к исследуемому преступному деянию, и оказание на них защитно-воспитательного воздействия. Специфика виктимологической обусловленности самоуправства заключается в том, что поведению потерпевшего в большинстве случаев присущ провоцирующий или детерминирующий характер. Как показало исследование, виктимное поведение потенциальной жертвы (уклонение от исполнения обязательств (25,5%), конфликтное поведение, в том числе на фоне личных неприязненных отношений (11,8%), противоправное поведение, например обман, удержание имущества, похищение чужого имущества (3,9%), небрежное отношение к обеспечению охраны своего имущества (3,9%) выступают криминогенным фактором, активизирующим противоправную мотивацию виновного на самовольное восстановление нарушенных прав.

В связи с этим индивидуальное виктимологическое предупреждение самоуправства должно быть ориентировано не только на обеспечение личной и имущественной безопасности потенциальной жертвы, но и на коррекцию ее собственного виктимного поведения**.** Основной индивидуальной мерой в данной сфере должно стать внедрение ОВД (в рамках реализации положений ст. 18 Закона о профилактике правонарушений) практики виктимологического правового информирования и просвещения лиц, в отношении контрагента (второго участника имущественных отношений) которых обвялены официальные предостережения**.**

При объявлении лицу предостережения о недопустимости совершения самоуправных действий сотрудникам полиции представляется необходимым проводить параллельную индивидуальную работу с потенциальным потерпевшим. В рамках данной меры лицу целесообразно официально разъяснить правовые риски, обусловленные его неправомерным или провоцирующим поведением, а также доводить до его сведения алгоритм легальной защиты своих прав и принудительного исполнения обязательств контрагентом (включая судебный порядок и обращение в органы принудительного исполнения).

Развивая указанную меру, содержание разрабатываемых ОВД памяток (информационных карт) целесообразно дифференцировать с учетом поведенческих факторов виктимности. Индивидуальная виктимологическая профилактика самоуправства в данном аспекте должна носит характер воспитательной работы, ориентированной на формирование у граждан надлежащей юридической осмотрительности в имущественных отношениях. В содержательный блок указанных материалов необходимо включать конкретные алгоритмы безопасного поведения. К ним относятся: отказ от передачи денег в долг без соответствующего удостоверения (составления договора займа), разрешение семейных, имущественных и жилищных споров посредством нотариального удостоверения или привлечения адвокатов. Проведение сотрудниками ОВД подобных разъяснительных мероприятий при получении первичных сведений о конфликтах позволит обучить граждан средствам распознавания криминогенных ситуаций и законным способам их разрешения.

Подобное комплексное воздействие, сочетающее превентивное ограничение потенциального причинителя вреда и правовое ориентирование потенциальной жертвы, позволяет эффективно нейтрализовать криминогенную ситуацию. Коррекция деструктивного поведения потерпевшего и перевод его действий в рамки правового поля во многих случаях лишают виновного фактического основания для совершения противоправных деяний,

предусмотренных статьей 330 УК РФ, обеспечивая предупреждение преступления на ранней стадии.

Следует отметить, что в каждом конкретном случае совокупность методов индивидуального предупреждения самоуправства подлежит определению на основе доминирующих субъективных факторов детерминации преступного поведения.

Так, при определяющем влиянии таких детерминант самоуправства, как низкий уровень правовой культуры и непонимание неизбежности наступления юридических последствий, оптимальным является сочетание методов убеждения в форме правового просвещения, проведения профилактической беседы и оказание квалифицированной правовой помощи. Напротив, корыстная направленность субъекта с устойчивой установкой на допустимость самоуправных действий как способа противоправного разрешения имущественных притязаний обусловливает применение мер принуждения, таких как объявление официального предостережения, постановка на профилактический учет, а при наличии законных оснований - привлечение к административной или гражданско-правовой ответственности. В случае выявления устойчивой криминогенной ориентации лица превентивное воздействие смещается в плоскость государственного принуждения – вынесения официального предостережения ОВД, объявления прокурорского предостережения при получении сведений о готовящихся деяниях, содержащих признаки состава преступления, предусмотренного статьей 330 УК РФ. При доминировании ситуационного фактора и дефектов правосознания участников конфликта наибольшим превентивным потенциалом обладают методы оказания помощи и убеждения, направленные на примирение сторон и перевод спора в легитимное юридическое русло.

С учетом изложенного в данном параграфе можем сделать следующие выводы.

Эффективная модель индивидуального предупреждения самоуправства должна основываться на непрерывном, дифференцированном воздействии,

содержание которого коррелирует со стадиями развития правового конфликта. Функциональная направленность превентивной деятельности уполномоченных субъектов (в первую очередь ОВД) предопределяет необходимость реализации механизма, последовательно сочетающего раннюю индивидуальную профилактику, содействие в законном разрешении конфликта, превентивное ограничение и контроль, а также стимулирование правомерного поведения.

Основным направлением модернизации данного механизма выступает смещение акцента с методов воздействия на инструменты оказания организационно-правовой помощи и убеждения. Содействие участникам конфликта в получении квалифицированной юридической помощи, разъяснение преимуществ примирительных процедур, а также осуществление виктимологического просвещения потенциальных жертв позволяют нейтрализовать криминогенную мотивацию участников конфликта на допреступной стадии и не допустить формирования у них умысла на самовольное его разрешение.

Нормативное закрепление на уровне разъяснений высшей судебной инстанции положений, признающих факт умышленного игнорирования лицом официального предостережения правоохранительных органов обстоятельством, опровергающем доводы о его добросовестном заблуждении, позволит преодолеть дефект правосознания, обеспечит необратимость правовых последствий и минимизирует индивидуальные риски совершения преступлений, предусмотренных статьей 330 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результатом проведенного диссертационного исследования стало комплексное решение теоретических и прикладных задач, связанных с предупреждением самоуправства. Данный результат достигнут на основе разработки и реализации многоуровневой междисциплинарной методологической концепции. Данная концепция позволила интегрировать в единую систему познания философский (диалектический метод, принцип историзма), общенаучный (системный, деятельностный, структурно-функциональный, ситуационный и институциональный подходы) и криминологический (конфликтологический и виктимологический анализ, методы типологизации и моделирования) уровни познания. Указанный инструментарий позволил раскрыть социально-правовую природу самоуправства как криминального феномена. Реализация указанной исследовательской концепции обеспечила изучение самоуправства не как специфического посягательства на установленный порядок управления, а как самостоятельной криминальной практики разрешения имущественных споров и межличностных конфликтов.

Развитие методологической концепции в рамках анализа правоприменительной практики и исторической эволюции отечественного законодательства позволило доказать имущественный характер исследуемого деяния, специфика которого заключается в противоправной реализации виновным собственного имущественного интереса или интересов третьих лиц. Установлено, что самоуправство посягает не столько на субординационные отношения в сфере государственного управления, сколько нарушает законодательно регламентированный порядок осуществления вещных и обязательственных прав субъектов гражданского оборота вопреки установленному порядку разрешения споров.

С учетом изложенного обоснована теоретическая необходимость и практическая целесообразность размещения нормы, устанавливающей

ответственность за самоуправство в главе 21 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против собственности» с целью обеспечения приоритетной правовой охраны отношений собственности.

Посредством комплексного анализа статистических показателей состояния преступности и судимости, а также результатов авторского репрезентативного эмпирического исследования дана целостная криминологическая оценка качественных и количественных характеристик состояния самоуправства. Установлено, что фиксируемая за десятилетний период тенденция сокращения объемов официальной регистрации данных преступлений правоохранительными органами (на 68,8% по состоянию на 2025 год) сопровождается снижением показателей их раскрываемости и качества расследования. Выявлено преобладание в структуре самоуправства квалифицированного состава, сопряженного с применением насилия или угрозой его применения (ч. 2 ст. 330 УК РФ), удельный вес которого составляет 55,7% и характеризуется стабильной тенденцией к росту данного показателя. При этом в суды направляются уголовные дела только по каждому четвертому выявленному случаю самоуправства, а осуждается лишь каждое второе выявленное лицо.

С применением метода экспертных оценок и математического расчета средневзвешенных величин определен уровень латентности самоуправства, составляющий 63,4%. Высокие показатели латентности носят структурный характер и обусловлены преимущественно правовыми и организационными дефектами правоприменения. К ним относятся: степень и качество правового регулирования общественных отношений; несовершенство норм законодательства, прежде всего гражданского, выступающее причиной формирования в массовом сознании иллюзии допустимости самоуправных действий и восприятия их жертвой как правомерных либо непреступных; влияние правовой неопределенности на правоприменительную практику установления правомерности действий при самозащите гражданских прав их разграничения с самоуправными действиями; недостатки законодательной техники, имеющие место при конструировании статьи 330 Уголовного кодекса

Российской Федерации. Указанные недостатки в совокупности с организационными факторами детерминируют латентность самоуправства в результате его квалификации как непреступного поведения, иного преступления либо административного правонарушения. В числе организационных факторов выделяются: ограниченность ресурсного и кадрового потенциала правоохранительных органов; отсутствие необходимого методического обеспечения, в частности научно обоснованных методик выявления, раскрытия и расследования самоуправства.

На основе системно-структурного и статистического анализа сформирована криминологическая характеристика личности преступника, совершающего самоуправство, а также определены особенности мотивации его преступного поведения.

В гендерной структуре преобладают мужчины, однако отмечается относительный рост доли женской преступности. Возрастной ценз преступников сосредоточен в периоде наиболее высокой трудоспособности (лица в возрасте от 30 лет и старше) при стабильном увеличении удельного веса данной группы. Субъектами посягательства преимущественно выступают граждане Российской Федерации, постоянно проживающие в местности совершения деяния. Данный факт подтверждает теоретический вывод о локализации источников противоправного поведения внутри стабильных социальных групп.

Большинство преступников имеет среднее общее, среднее профессиональное или высшее образование при фиксации устойчивого роста удельного веса лиц с высшим образованием. В сфере занятости преобладают лица трудоспособного возраста, не имеющие постоянного источника дохода, либо занятые в сфере физического труда, а также индивидуальные предприниматели, что указывает на связь исследуемого деяния с деформациями правосознания преступника. Сочетание указанных признаков с преобладанием лиц, не состоящих в зарегистрированном браке, свидетельствует об ослаблении институциональных механизмов внешнего социального контроля при сохранении общего уровня адаптации индивида.

Уголовно-правовая характеристика личности свидетельствует о неоднородности исследуемого массива лиц. Преобладающая часть посягательств совершается лицами вне состояния опьянения, не имеющими психопатологий и впервые привлекаемыми к уголовной ответственности. Вместе с тем выявлена устойчивая категория лиц, обладающих предшествующим криминальным опытом, для которых характерна повторность противоправных проявлений. Значимым показателем выступает постепенный рост доли группового совершения самоуправств, что непосредственно связано с выбором насильственного способа реализации умысла.

Ключевым субъективным элементом механизма совершения самоуправства выступает специфическая деформация правосознания. Доминирующим мотивом является не стремление к противоправному обогащению, а субъективно интерпретируемая потребность в восстановлении действительного или предполагаемого собственного имущественного права либо прав третьих лиц. Именно внутренняя убежденность субъекта в наличии у него права распоряжаться чужим имуществом по своему усмотрению выступает системообразующим фактором в механизме формирования самоуправных посягательств. Наличие системного противоречия между внутренним восприятием обоснованности притязаний и объективной противоправностью избираемого способа их реализации подтверждается высоким уровнем последующего признания вины при сохранении первоначальной установки на правомерность своих требований.

В результате криминологического анализа детерминационного комплекса самоуправства установлено, что генезис данных деяний обусловлен системным воздействием объективных и субъективных факторов макро- и микросоциального уровней.

К числу ключевых объективных факторов относятся социально-экономическое неравенство и диспропорции в возможностях удовлетворения потребностей граждан, а также издержки, связанные реализацией судебной защиты, воспринимаемые субъектами в качестве препятствия для легальной

защиты законных интересов. Данные процессы усиливают деструктивное влияние политических факторов, а также низкого уровня образования и культуры населения, активизирующих развитие правового нигилизма. Правовой блок детерминант характеризуется избыточностью подзаконного регулирования при одновременном дефиците определенности границ правомерной самозащиты гражданских прав и высокой степени оценочности признаков диспозиции статьи 330 Уголовного кодекса Российской Федерации. Организационно-управленческие недостатки правоприменительной системы, выражающиеся в высокой служебной нагрузке на судей и некомплекте кадров органов внутренних дел, усугубляются недостаточностью методических рекомендаций по выявлению и расследованию самоуправства. Информационные факторы связаны с распространением в цифровой среде стереотипов неправомерного разрешения имущественных споров и несанкционированного доступа к персональным данным и конфиденциальной информации о деятельности физических и юридических лиц.

Субъективные факторы детерминации самоуправства обусловлены дефектами правосознания и ценностно-нормативной сферы личности преступника. Определена криминогенная роль таких субъективных факторов, как: низкая правовая культура и деформация правосознания граждан; низкий уровень юридической грамотности и связанная с этим недооценка общественной опасности самоуправства; дефекты ценностных ориентаций и корыстная направленность личности; криминальная ориентация личности; субъективное восприятие ситуации конфликта; виктимологические факторы.

По результатам криминологического анализа ситуации совершения самоуправства сформулированы следующие выводы. Доказывается, что самоуправство носит преимущественно урбанизированный характер, а пространственно-временные параметры преступления отражают периоды максимальной социальной активности населения, при этом наиболее распространенным местом посягательства выступает место жительства потерпевшего, где преступник намеренно инициирует межличностный контакт.

Установлено, что конфликт при самоуправстве разворачивается внутри привычной для участников микросоциальной среды и устойчивых горизонтальных связей ранее знакомых лиц, а предкриминальные связи порождают у виновного ложное убеждение в допустимости внеправового разрешения конфликта. Ключевая криминологическая закономерность состоит в том, что посягательство совершается в условиях, когда спор об обязательствах, долге или имуществе не переводится сторонами в рамки легитимных процедур, а остается в плоскости личного взаимодействия, либо там, где на фоне личных взаимоотношений с жертвой у преступника возникает субъективное убеждение в наличии права требовать от нее выполнения обязательств, осуществлять принуждение, изымать и удерживать имущество. При этом в 59,6 % случаев средством принуждения выступает физическое или психическое насилие, носящее выраженный инструментальный характер.

Виктимологические факторы занимают самостоятельное место в формировании и реализации ситуации совершения самоуправства. Исследование специфики взаимодействия участников конфликта позволяет констатировать, что возникновение криминогенных ситуаций во многом обусловливается поведением самой жертвы. Данный фактор выражается в умышленном неисполнении обязательств, конфликтном поведении или в провоцирующих действиях жертвы, ненадлежащем обеспечении сохранности имущества.

Обоснована целесообразность дифференциации двух моделей механизма реализации самоуправства: ситуационно-конфликтной (умысел возникает в процессе эскалации имущественного спора под воздействием непосредственного взаимодействия с жертвой - 45,5 %) и инструментально-принудительной (незаконный способ разрешения конфликта избирается виновным заранее - 43,6 %). Выделение указанных моделей обладает высокой прогностической ценностью и ориентирует правоохранительные органы на дифференцированное применение мер предупреждения самоуправных посягательств.

В результате исследования системы предупреждения самоуправства разработан комплекс мер правового и организационного характера, направленных на повышение превентивного потенциала законодательства и минимизацию следственно-судебных коллизий, связанных с абстрактностью конструирования признаков состава преступления и отсутствием критериев оценки соразмерности самозащиты гражданских прав. С учетом обоснованного вывода о необходимости размещения нормы, устанавливающей ответственность за самоуправство, в Главе 21 Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, предложено на уровне рекомендаций высшей судебной инстанции определить, что совершение действий, направленных на самостоятельное осуществление действительного или предполагаемого права с применением насилия или угрозы его применения, полностью исключает возможность их признания правомерной самозащитой гражданских прав, поскольку насилие не может являться законным способом защиты частных интересов. Кроме того, факт умышленного игнорирования лицом официального предостережения правоохранительных органов и продолжения противоправных действий должен оцениваться судами в совокупности с другими доказательствами как обстоятельство, опровергающее доводы подсудимого о его добросовестном заблуждении относительно законности совершаемых действий.

Реализация предложенной организационно-управленческой модели цифрового просвещения населения на базе интеграции портала «ВПРАВЕ.РФ» с Единым порталом государственных услуг в сочетании с развитием институтов досудебной медиации позволит минимизировать деформацию правосознания граждан и обеспечит замещение противоправных практик легальными механизмами разрешения имущественных споров.

Специально-криминологическое предупреждение самоуправства представляет собой многоуровневую систему превентивной деятельности, эффективность которой обусловлена качеством координации и взаимодействия органов внутренних дел, Следственного комитета Российской Федерации, органов прокуратуры, суда и Федеральной службы судебных приставов.

Обоснована ключевая роль органов внутренних дел как субъекта специально-криминологического предупреждения самоуправства при реализации ситуационно-конфликтной модели механизма его совершения. Акцентировано внимание на том, что эффективная реализации превентивной функции в деятельности органов внутренних дел возможна при надлежащем кадровом, ресурсном и методическом обеспечении.

В целях преодоления деструктивной правоприменительной практики, выражающейся в необоснованных отказах в возбуждении уголовных дел под предлогом гражданско-правового характера спора, предложено нормативно закрепить обязанность вынесения официального предостережения о недопустимости самоуправных действий, выступающего обязательным приложением к копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Необходима интеграция информационно-аналитических ресурсов правоохранительных ведомств и органов судебной власти на единой цифровой платформе с применением алгоритмов предиктивного анализа, что позволит своевременно выявлять актуальные и латентные имущественные конфликты. Также необходимо дополнить ведомственные методические материалы алгоритмами расследования самоуправства, совершаемого с использованием цифровых технологий.

Обоснована ключевая роль судов и Федеральной службы судебных приставов как субъектов специально-криминологического предупреждения самоуправства при реализации инструментально-принудительной модели механизма его совершения. Определена специфика предупредительного потенциала деятельности органов судебной власти, заключающаяся в необходимости активизации превентивных полномочий судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Доказано, что для оперативного пресечения противоправных действий на ранних стадиях процесса судам необходимо активнее задействовать механизм незамедлительного направления материалов в органы предварительного расследования (ч. 3 ст. 226 ГПК РФ, ч. 4 ст. 188.1 АПК

РФ) при обнаружении в ходе заседаний признаков совершения или угрозы совершения самоуправных действий со стороны участников спора.

Установлено, что надлежащая и своевременная деятельность Федеральной службы судебных приставов минимизирует возможности нелегитимного изъятия имущества и риски совершения самоуправных действий. На основе анализа зарубежного опыта доказана криминологическая нецелесообразность введения института частных судебных исполнителей в Российской Федерации из-за высоких рисков эскалации силового давления на должников. Обоснована необходимость активизации применения сотрудниками Федеральной службы судебных приставов мер административной и уголовно-правовой юрисдикции (ст. 17.8 КоАП РФ, ст. 312 УК РФ).

Обоснована необходимость усиления межведомственного взаимодействия органов внутренних дел, прокуратуры и Федеральной службы судебных приставов по выявлению и устранению причин и условий, а также выявлению и пресечению фактов самоуправства. Важное значение имеет активное использование координационных и надзорных полномочий прокурора для проведения межведомственных проверочных мероприятий и принятия мер при выявлении факта несвоевременного реагирования должностных лиц правоохранительных органов на первичные заявления граждан о давлении со стороны кредиторов и иных проявлениях самоуправных действий.

В результате исследования теоретических основ и правоприменительной практики индивидуального предупреждения самоуправства обосновано, что ключевым объектом индивидуального профилактического воздействия должны выступать деструктивные дефекты правосознания и мотивационной сферы лица, обусловленные искаженным субъективным восприятием правомерности собственных действий и неспособностью разграничить легитимные способы защиты гражданских прав с уголовно наказуемыми деяниями.

Доказана необходимость системного сочетания мер убеждения, принуждения, оказания помощи и правового поощрения, выбор которых должен зависеть от доминирования субъективных факторов детерминации, стадий

развития конфликта и модели механизма совершения самоуправства. Предложен алгоритм деятельности сотрудников органов внутренних дел (в первую очередь участковых уполномоченных полиции) на стадии ранней индивидуальной и виктимологической профилактики. Обоснована целесообразность индивидуального превентивного воздействия как на потенциального преступника, так и на потенциальную жертву на основе внедрения информационных карт безопасного поведения участников имущественного спора.

Перспективными направлениями дальнейшего научного исследования являются криминологический анализ самоуправства в системе преступлений против собственности, а также изучение влияние цифровизации на детерминацию и механизм совершения самоуправных посягательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

Действующие нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 27. Ст. 4196.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.

6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

8. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

9. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

10. Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

11. Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

12. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.

13. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (часть I). – Ст. 3851.

14. Постановление Правительства Российской Федерации от 22 февраля 2024 г. № 212 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 декабря 2020 г. № 2113» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 9. – Ст. 1260.

15. Приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 (ред. от 27.10.2025) «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

16. Приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

17. Приказ МВД России от 19 ноября 2001 г. № 1018 «Об утверждении Положения о Главном управлении уголовного розыска Службы криминальной милиции Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

Нормативные правовые акты, утратившие силу

18. Уголовный кодекс РСФСР. – Официальное издание. – Москва: Юрид. изд-во Наркомюста РСФСР, 1925. – 116 с.

19. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года: с изменениями до 1 марта 1929 г. / РСФСР. – Официальное издание. – Москва: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. – 175 с.

20. Уголовный кодекс РСФСР: официальный текст с изменениями на 1 декабря 1963 г. и с приложением постатейно-систематизированных материалов. – М.: Юрид. лит., 1964. – 262 с.

Судебная практика и материалы правоприменительной деятельности

Акты высших судебных инстанций и официальные разъяснения законодательства

21. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2008 г. № 92-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Храповицкого Константина Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 359 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьей 330 Уголовного кодекса Российской Федерации и пунктом 1 части первой статьи 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. – 2008. – № 7.

22. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 8.

23. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 2.

24. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2021 г. № 304-ЭС21-782 по делу № А67-13942/2019 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: vsrf.ru

Решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов

25. Решение Арбитражного суда Рязанской области от 3 июля 2020 г. по делу № А54-134/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/

26. Приговор Благовещенского городского суда Амурской области от 9 января 2024 г. по делу № 1-156/2024. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/OYmgWH5X5Y5U/

27. Приговор Благодарненского районного суда Ставропольского края от 24 октября 2023 г. по делу № 1-157/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/7ZAq4SNtwZmJ/

28. Приговор Гатчинского городского суда Ленинградской области по делу № 1-547/20 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/68714571/extended

29. Приговор Геленджикского городского суда Краснодарского края от 26 января 2024 г. по делу № 1-159/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/6rUyme55iElS/

30. Приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 28 декабря 2023 г. по делу № 1-467/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/yV85fbkAjG5O/

31. Приговор Заельцовского районного суда г. Новосибирска Новосибирской области от 22 января 2024 г. по делу № 1-595/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/GF8Q7GzD7JgK/

32. Приговор Заиграевского районного суда Республики Бурятия от 20 декабря 2023 г. по делу № 1-224/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/69zC6YEEPpx/

33. Приговор Иглинского межрайонного суда Республики Башкортостан

от 6 августа 2024 г. по делу №1-186/2024 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/85057228/extended#decision

34. Приговор Когалымского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югра от 14 апреля 2020 г. по делу №1-94/2020 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/51072446/extended

35. Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 31 мая 2021 г. по делу №1-140/2021 // Судебные Решения РФ. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/61264408/extended

36. Приговор Ленинградского районного суда Краснодарского края от 17 июня 2022 г. по делу №1-135/2022 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/69799775/extended

37. Приговор Мостовского районного суда Краснодарского края от 19 декабря 2023 г. по делу № 1-191/2023 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/iqXkTMGr2amu/

38. Приговор Намского районного суда Республики Саха (Якутия) от 30 июня 2023 г. по делу №1-65/2023 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/77622979/extended

39. Приговор Октябрьского районного суда г. Белгорода от 8 мая 2024 г. по делу №1-308/2024 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/83479644/extended

40. Приговор Октябрьского районного суда г. Иваново Ивановской области от 21 декабря 2023 г. по делу № 1-219/2023 // Судебные и нормативные акты
Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/ieo3KhPVgUNK/

41. Приговор Промышленного районного суда г. Ставрополя Ставропольского края от 31 марта 2021 г. по делу №1-555/2021 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/61071025/extended

42. Приговор Свердловского районного суда г. Белгорода от 9 октября 2020 г. по делу №1-322/2020 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/54624148/extended

43. Приговор Себежского районного суду Псковской области от 29 октября 2025 г. по делу № 1-45/2025 // Судебные Решения РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/fYr3Ka0RBrLw/?ysclid=ms1owq5a86887336301

44. Приговор Соликамского городского суда Пермского края от 17 мая 2023 г. по делу №1-210/2023 // Судебные Решения РФ. URL: https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/77589692/extended

45. Приговор Черновского районного суда г. Читы Забайкальского края от 20 февраля 2024 г. по делу № 1-106/2024 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: sudact.ru/regular/doc/2zFHTS1JUZZ0/

46. Приговор Шпаковского районного суда Ставропольского края от 24 июня 2022 г. по делу №1-268/2022 // Судебные Решения РФ. URL: https://судебныерешения.рф/69541034/extended

Монографии, учебники, учебные пособия

47. Агаев Г.А. Преступления против порядка управления: проблемы теории и практики / под общ. ред. В.П. Сальникова. – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2005. – 280 с.

48. Акутаев Р.М. Криминология и латентная преступность: монография. – СПб: Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. – 179 с.

49. Андреев Ю.Н. Интересы в современном российском праве: теория и практика. – М.: Проспект, 2023. – 496 с.

50. Антонян Ю.М. Криминология. Избранные лекции. – М.: Логос, 2004. – 448 с.

51. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование: монография / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. – М.: ИНФРА-М, 2024. – 368 с.

52. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. Учебное пособие. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1973. – 71 с.

53. Вишневецкий К.В. Криминогенная виктимизация социальных групп в современном обществе: монография / под ред. С.Я. Лебедева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 296 с.

54. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия: монография / под ред. Н.П. Яблокова. Москва–Калининград, 1997. – 248 с.

55. Гилинский Я.И. Криминология. Теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Курс лекций. – С.-Пб.: Питер, 2002. – 384 с.

56. Горяинов К.К., Исиченко А.П., Кондратюк Л.В. Латентная преступность в России: опыт теоретического и прикладного исследования. – М.: Изд-во ВНИИ МВД России. 1994. – 152 с.

57. Гражданское уложение: проект Высочайше учрежденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения: (с объяснениями, извлеченными из трудов Редакционной комиссии): т. 1-2 / под ред. И.М. Тютрюмова; сост. А. Л. Саатчиан. – С.-Петербург: издание Книжного магазина «Законоведение», 1910. Том 1. – 1215 с.

58. Гримм Д.Д. Лекции по догме римского права: пособие для слушателей. 5-е изд., испр. и доп. – Петроград: Государственная типография, 1916. – 409 с.

59. Дуюнов В.К. Квалификация преступлений / В.К. Дуюнов, А.Г. Хлебушкин. – М.: ИНФРА-М, 2012. 372 с.

60. Егиазарян Н.А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (вопросы теории и методологии сравнительно-правового исследования): монография / Отв. ред. Чучаев А.И. – М.: Контракт. 2013. – 158 с.

61. Желудков М.А. Развитие системы криминологического обеспечения защиты личности и общества от корыстных преступлений против собственности: монография. – Воронеж: Воронежский госпедуниверситет, 2011.

62. Задорожный В.И. Виктимологическая профилактика преступлений: организационно управленческий и правовой аспекты: Монография. – М., 2005.

63. Ковалев М.И. Понятие и признаки преступления и их значение для квалификации. – Свердловск, 1977. – 80 с.

64. Комлев Ю.Ю. Интегративная криминология: девиантологический очерк: учебное пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М.: ДГСК МВД России, 2019. 232 с.

65. Коновалов В.П. Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1982. – 72 с.

66. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. 4-е изд., перераб и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2012. – 800 с.

67. Криминология: Общая часть: Учебник / Беляев Н.А., Волгарева И.В., Кропачев Н.М.; под ред. В.В. Орехова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1992. – 216 с.

68. Криминология: учебник / К.И. Богомолова, С.Ю. Бытко, А.Н. Варыгин и др.; под ред. А.Н. Варыгина. – Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2024. – 540 с.

69. Криминология: учебник / М.В. Арзамасцев, В.Н. Бурлаков, В.В. Векленко и др.; под науч. ред. В.Н. Бурлакова, Н.М. Кропачева. 3-е изд. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета. 2025. – 384 с.

70. Криминология: учебник / М.П. Клейменов. – М.: Норма, 2018. – 400 с.

71. Криминология: учебник для вузов / под ред. В. И. Авдийского, Л. А. Букалеровой. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 339 с.

72. Криминология: учебник для вузов / под ред. проф. В.Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. – 544 с.

73. Кудрявцев В.Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. Учебное пособие. – М.: Инфра-М, 1998. – 216 с.

74. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 232 с.

75. Кургузкина Е.Б. Проблемы индивидуальной профилактики преступлений в современной России: монография. – Воронеж, 2002. – 75 с.

76. Курс мировой и российской криминологии: учебник для магистров. В 2 т. Т. I. Общая часть / В. В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 1003 с.

77. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г.И. Борзенкова, В.С. Комиссарова. – М.: Зерцало-М, 2002. Т. 5. – 512 с.

78. Мамонтова Э.А. Предупреждение преступлений органами прокуратуры: монография. – Тамбов: Студия печати Ксении Поповой, 2025. – 102 с.

79. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: Монография. – М.: Юриспруденция, 2015. – 560 с.

80. Морозов В.И., Скутин С.Л., Сумачев А.В. Уголовно-правовая характеристика преступлений против порядка управления: учеб. пос. – Тюмень: Тюмен. юрид. ин-т МВД России, 1999. – 77 с.

81. Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.

82. Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против управления. – М.: Юрид. лит., 1966. – 136 с.

83. Полубинский В. И. Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979. – 83 с.

84. Полубинский В.И. Виктимологические аспекты профилактики преступлений. – М., 1980. – 86 с.

85. Ривман Д.В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. Учебное пособие. – Л., 1975. – 154 с.

86. Проблемы криминологической детерминации / Под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Изд-во Московс. ун-та, 1984. – 208 с.

87. Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984-1994. Т. 4. 1986. – 511 с. Т.6. 1988. – 431 с. Т.8. 1991. – 495 с.

88. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии (изд. 2-е, 1946 г.). – М.: Питер, 2002. – 720 с.

89. Рябченко О.Н. Преступления против порядка управления: история, теория, компаративистика. Монография. – М.: Зерцало-М, 2016. – 251 с.

90. Страунинг Э.Л. Теория самозащиты гражданских прав: монография. – М., 2007. 144 с.

91. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. – Санкт-Петербург, 1894. – 401 с.

92. Титенков И.П. Самоуправство: проблемы квалификации: монография. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2009. – 102 с.

93. Титушкина Е.Ю. Государственная система предупреждения преступлений и иных правонарушений, место в ней органов внутренних дел. – М.: Академия управления МВД России, 2021. – 180 с.

94. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / Здравомыслов Б.В., Караулов В.Ф., Кладков А.В., Клепицкий И.А., и др.; Отв. ред.: Здравомыслов Б.В. – М.: Юристъ, 1996. – 559 с.

95. Филиппов П.А. Преступления против порядка управления в отечественном уголовном праве. Монография. – М.: Проспект, 2021. – 872 с.

96. Шевелева С.В. Концепция свободы воли и принуждения в уголовном праве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 248 с.

97. Чепурнова Н.М. Самозащита гражданских прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект: монография / Н.М. Чепурнова, Е.И. Гончаров. – М., 2012. – 159 с.

98. Яковлева М.А. Органы внутренних дел как субъект в системе профилактики преступности: монография. – М.: Ruscience, 2023. – 183 с.

Научные статьи в периодических изданиях и сборниках

99. Аванесов Г. А., Шегабудинов Р. Ш. Личность преступника в системе причин преступности // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 3. – С. 93-97.

100. Авдеев Р.В. Причины преступности в России // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – № 11 (139). – С. 229-234.

101. Аведян А.А. Взаимоотношения жертвы и преступника на стадии предкриминальной ситуации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 12. – С. 153–156.

102. Алексеев А.И. Индивидуальная профилактика рецидива преступлений // Российский криминологический взгляд. – 2010. – № 1. – С. 36-93.

103. Алексеев К.А. Нотариат как институт превентивного правосудия: теория и практика // Юридическая наука. – 2026. – № 1. – С. 19-22.

104. Алиев Р.Х. Общая характеристика насильственной преступности // Общество: политика, экономика, право. – 2007. – № 2. – С. 5–14.

105. Ананич В. А. Криминологическая модель личности преступника и ее использование в деятельности следователя // Предварительное расследование. – 2019. – № 1 (5). – С. 32−33.

106. Антонян Ю.М. Методологические проблемы в криминологии // Труды Института государства и права РАН. – 2024. Том 19. – № 2. – С. 159-172.

107. Артюшкина С.В. Самоуправство: родовой и видовой объект // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 2. – С. 58-59.

108. Бабаев М.М. Риски законотворчества и противоречия уголовной политики // Общество и право. – 2020. – № 2 (72). – С. 8-14.

109. Бодягин И.М. Соотношение понятий самозащита гражданских прав и самоуправство // Вестник магистратуры. – 2014. – № 4 (31). Том 3. – С. 36-37.

110. Боруленков Ю.П. Мотив как элемент предмета доказывания // Мировой судья. – 2013. – № 2. – С. 28-32.

111. Букалерова Л.А., Кузнецова Н.В., Муркштис М.Й. К вопросу учета особенностей личности преступника и его постпреступного поведения при

назначении наказания // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. – 2024. – № 1 (72). – С. 93-99.

112. Букалерова Л.А., Михневич А.В., Новиков И.Н. Уголовная ответственность за уничтожение военного имущества в России и Китае // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2025. – № 9 (34). – С. 10-16.

113. Букалерова Л.А., Остроушко А.В., Уварова И.А. К вопросу о критериях «устойчивой правовой связи лица с государством» // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2026. – № 3 (38). – С. 102-106.

114. Букалерова Л.А., Сидаков Г.А. Понятие и общая характеристика «тайны» // Юридическая наука. – 2025. – № 10. – С. 132-136.

115. Валеев Д.Х. Проблемы повышения эффективности исполнительного производства // Эффективность принудительного исполнения судебных решений и актов других органов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 8–11 июня 2011 г.) / отв. ред. А. О. Парфенчиков, Д. Х. Валеев. – М., 2011. – С. 186-195.

116. Варыгин А.Н. Современные аспекты методологии проведения прикладного криминологического исследования // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 164, кн. 4. – С. 113-121.

117. Варыгин А.Н., Желудков М.А. Криминология сегодня (состояние, проблемы, развитие) // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – Т. 15, № 3 (57). – С. 64.

118. Вишневецкий К.В. Виктимологическое моделирование корыстной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2019. – Т. 5. № 2. – С. 89-98.

119. Вишневецкий К.В. Виктимологическая характеристика насильственной преступности // Современные проблемы уголовной политики: материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А.Н. Ильяшенко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2014. – С. 355-356.

120. Вишневецкий К.В. Классификация виктимологических ситуаций // Общество и право. – 2015. – № 1(51). – С. 162–163.

121. Вишневецкий К.В. Механизм виктимологической детерминации // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10. – С. 154-157.

122. Гармышев Я.В., Корягина С.А., Лавыгина И.В. Нравственно-психологические характеристики личности преступника // Baikal Research Journal. Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 9, № 4.

123. Гасаналиев А.Ш., Хусруева У.М.Г. Проблема квалификации объективной стороны административного правонарушения по статье 19.1 КоАП РФ (самоуправство) // Закон и право. – 2023. – № 1. – С. 33-35.

124. Гилинский Я.И. О системном подходе к преступности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1981. – № 5. – С. 49-56.

125. Глонти Г.Ш. О механизме преступного поведения // Криминологические проблемы преступного поведения: сб. науч. тр. – М: ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 11-12.

126. Гойман В.И. Правовой нигилизм: пути преодоления // Советская юстиция. – 1990. – № 9. – С. 3-7.

127. Горбунова Л.В. К вопросу об определении наличия состава самоуправства // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 4 (15). – С. 67-70.

128. Давыдов С.И. Криминальная ситуация как объект познания в процессе раскрытия преступления // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2013. – № 4 (51). – С. 3-7.

129. Ефанова В.Н., Сплавская Н.В. Особенности квалификации самоуправства с учетом признаков объективной стороны состава // Государство и право в XXI веке. – 2014. – № 2. – С. 32-37.

130. Зубова Ю.А. Социально-экономические детерминанты современной российской преступности // Финансы и управление. – 2021. – № 2. – С. 63-74.

131. Игнатов А.Н. Латентность преступности: понятие, виды и механизмы образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2025. – № 6. – С. 167-174.

132. Игнатов А.Н. Преступность как система // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № 9. – С. 97-104.

133. Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. – 2015. – № 2. – С. 129–133.

134. Игнатов А.Н., Семенова Е.Г. Гражданско-правовые меры в системе мер противодействия преступности // Общество и право. – 2018. – № 1 (63). – С. 28-35.

135. Исаев Н.В., Устинов В.С. Понятие и система виктимологического воздействия на преступность // Виктимологическое воздействие на преступность: Вестник виктимологической ассоциации. – 2002. – № 1. – С. 2-9.

136. Каменецкий Ю.Ф. Деятельностный подход в методологии исследования следственной профилактики // Предварительное расследование. – 2020. – № 1. – С. 55-63.

137. Капканов В.И. Проблемы законодательной регламентации ответственности за самоуправство // Юридическая мысль. – 2005. – № 6 (31). – С. 74-82.

138. Касницкая И.Ю. Уголовно-правовая характеристика самоуправства и его отграничение от смежных составов преступлений // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2017. – № Т 31. – С. 1431-1435.

139. Квашис В.Е., Генрих Н.В. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы методологии и методики // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2 (36). – С. 17–21.

140. Кирсанова Е.В. Цифровая трансформация исполнительного производства // Пролог: журнал о праве. – 2022. – № 3. – С. 77-85.

141. Коваленко Е.А. Методология криминологического исследования имущественного насилия // Методология и методики проведения

криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения): сб. материалов IV Всерос. науч.-практ. конф. (Москва, 21–22 марта 2024 г.) / науч. ред. В.В. Меркурьев; [сост. М.В. Ульянов, Р.В. Закомолдин]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации; Рос. криминолог. ассоц. – М., 2024. – С. 78-85.

142. Коломытцев Н.А., Одинцова Л.Н. Личность преступника как криминологическая проблема // Государство и право: теория и практика. – 2016. – № 3 (4). – С. 43-53.

143. Колченогова О.П. Системно-структурный подход методологии в криминологии // Социально-экономические и правовые исследования. – 2018. – № 2 (52). – С. 82-90.

144. Комаров И.М., Пономаренко Н.Ю., Ян Е.И. Ситуационный подход как научно-практическая категория криминалистики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2017. – № 3. – С. 104-114.

145. Корецкий Д.А., Халява В.О. Личность преступника: терминологические и сущностные проблемы // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 3. – С. 36-42.

146. Корсик К.А. Исполнительная надпись нотариуса как способ разрешения юридических конфликтов // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. № 11. – С. 174–179.

147. Кузнецов А.П. Преступления против порядка управления: юридическая характеристика, проблемы классификации // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 2. – С. 106-110.

148. Кулакова А.А. Характеристика виктимологической ситуации при совершении пенитенциарных преступлений // Вестник Владимирского юридического института. – 2006. – № 1 (1). – С. 43-48.

149. Куфлева В.Н. Лицо, совершившее преступление, в контексте институциональной характеристики основания и условия уголовной ответственности // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2026. – Т. 21. № 1. – С. 156-185.

150. Куфлева В.Н. Значение данных о лице, совершившем преступление, для определения системы и выбора мер уголовной ответственности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3 (107). – С. 116-124.

151. Куфлева В.Н. Опасное состояние личности и основание уголовной ответственности: доктринально-нормативный опыт // Lex Russica (Русский закон). – 2026. – Т. 79. № 1 (230). – С. 121-133.

152. Куфлева В.Н. Проблемы общественной опасности преступления // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 18, № 4(70). – С. 618-627.

153. Куфлева В.Н. Содержательная взаимосвязь принципа законности и вины в контексте прав и обязанностей лица, совершившего преступление // Общество и право. – 2025. – № 3 (93). – С. 56-61.

154. Лобанова Л.В. Порядок управления как объект уголовно-правовой охраны и классификация преступлений, на него посягающих // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. – 2012. – № 1 (16). – С. 104-105.

155. Лунеев В.В. Главная трагедийность // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2016. – № 2 (41). – С. 13-15.

156. Макаров В.В. Преступность как система: институциональные проблемы // Российский следователь. – 2013. – № 23. – С. 31-33.

157. Макаров И.И. Актуальные вопросы разграничения самозащиты гражданских прав и самоуправства // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 16, № 3 (61). – С. 468-479.

158. Маркин А.В., Яковлев В.В. Преступность с точки зрения теории социального действия: опыт структурного анализа // Общество и право. – 2006. – № 2 (12). – С. 67-69.

159. Мацкевич И.М. Алкоголь и преступность // Актуальные проблемы российского права. – 2013. – № 7 (32). – С. 844-854.

160. Мацкевич И.М. Криминальное поведение человека: психическая и психологическая предрасположенность // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 3. – С. 7-20.

161. Мацкевич И.М. Криминологический портрет преступника (теоретические проблемы составления) // Lex Russica (Русский закон). – 2008. – Т. 67. – № 6. – С. 1424-1444.

162. Мацкевич И.М. Причины преступлений (новый взгляд на хорошо забытые старые проблемы) // Юрист. – 2013. – № 19. – С. 24-31.

163. Михеева Т.Ю. Оценка общественно-опасных последствий при квалификации самоуправства // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 2. – С. 87-90.

164. Михеева Т.Ю. Самоуправство: основные сложности установления признаков деяния // Уголовный процесс. 2010. № 1. С. 46-48.

165. Нагаева А.И. Возможности и пределы использования системного подхода в криминологических исследованиях // Наука и современность. – 2015. – № 36. – С. 266-270.

166. Назаров С.А. Социально-экономические причины, условия и факторы детерминации преступности в экономической сфере в современной России // Russian Economic Bulletin. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 267-277.

167. Намнясева В.В. Латентная преступность в сфере посягательств на интересы правосудия // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 4 (47). – С. 55-62.

168. Новикова Ю.В. Типологические схемы личности преступника в структуре криминологической характеристики преступности (преступлений) // Общество и право. – 2021. – № 2 (76). – С. 32-34.

169. Номоконов В.А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 247-257.

170. Олимпиев А.Ю., Надеждин Г.А. Правовая природа жилищно-бытового самоуправства: проблемы квалификации и разграничения

административной и уголовной ответственности // Криминологический журнал. – 2025. – № 4. – С. 92-99.

171. Пастушеня А.Н. Психологический механизм преступного поведения: системно-функциональный анализ // Прикладная юридическая психология. – 2011. – № 1. – С. 27-38.

172. Пинягина Е.С. Назначение наказания за самоуправство: анализ практики и пути оптимизации // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 4. – С. 295-307.

173. Пинягина Е.С. Общественная опасность как критерий криминализации самоуправства // Актуальные проблемы и перспективы развития инновационной экономики, управления и права: Сборник научных статей по итогам ежегодной Всероссийской научно-практической студенческой конференции с международным участием, Калининград, 27–28 апреля 2023 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Русайнс», 2023. – С. 305-309.

174. Пинягина Е.С. Проблема оценки существенности вреда в составе самоуправства // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3(103). – С. 240-247.

175. Плешаков В.А. Анализ факторов ситуационной преступности // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2023. – Т. 3, № 7 (139). – С. 198-203.

176. Плешаков В.А. Концепция ситуативной криминологии как частной теории криминологии // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2020. – Т. 6, № 12 (108). – С. 123-127.

177. Плешаков В.А. Криминологическая теория ситуаций в рамках науки криминологии // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2019. – Т. 4, № 2. – С. 90-93.

178. Плешаков В.А. Личность ситуационного преступника // Научный портал МВД России. – 2025. – № 3 (71). – С. 106-110.

179. Плешаков В.А. Основы ситуационного предупреждения преступлений // Научный портал МВД России. – 2018. – № 3 (43). – С. 32-36.

180. Плешаков В.А. Ситуация и преступление: криминологический анализ влияния // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 3, № 6 (147). – С. 314-319.

181. Плешаков В.А. Состояние криминологической безопасности как критерий оценки динамики показателей преступности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 10. – С. 200-206.

182. Позднякова Е.В. Официальное предостережение (предостережение), объявляемое органам внутренних дел: вопросы теории и правоприменения // Вестник Воронежского института МВД России. – 2022. – № 3. – С. 1-6.

183. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Неопределенность преступления // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2018. – № 2. – С. 39-45.

184. Радченко К.Н. Причины и условия совершению краж в России на современном этапе // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2022. – № 3. – С. 101-105.

185. Рачкова Н.М. Характеристика ситуации совершения преступления как основного фактора, детерминирующего региональную уличную преступность // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2012. – № 5. – С. 120-123.

186. Романова Я.Н., Букалерова Л.А. Особенности квалификации совокупности преступлений // Правовая реформа. – 2025. – № 1. – С. 40-43.

187. Рябченко О.Н. Виды и система преступлений против порядка управления // Российское правосудие. – 2016. – № 6 (122). – С. 96-106.

188. Сардак Д.Б., Брагин К.С. Социальная обусловленность криминализации самоуправства // Закон и право. – 2022. – № 3. – С. 195-197.

189. Седелиус Н.Н. Отдельные аспекты квалификации самоуправства как административного правонарушения // Мировой судья. – 2023. – № 6. – С. 33-37.

190. Седнев В.В. Модели в криминологии: типология и применение // Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения): Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 21–22 марта 2024 года. – М.: Университет прокуратуры РФ, 2024. – С. 161-168.

191. Соколова О.В. Проблемы квалификации самоуправства // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 64-69.

192. Сурков И.К. Самоуправство: проблемы уголовно-правового регулирования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2003. – Вып. 32. – С. 121-125.

193. Сурков И.К., Мотин О.А. Самоуправство: уголовно-правовой анализ // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2005. – № 4. – С. 28-44.

194. Таможник Е.Л. Система преступлений против лиц, осуществляющих порядок управления // Законность. – 2006. – № 3 (857). – С. 30-32.

195. Титаренко А.П. Формы и методы индивидуальной профилактической деятельности полиции в современных социально-экономических условиях // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 402. – С. 201-206.

196. Титушкина Е.Ю. Система субъектов предупреждения преступлений: понятие и элементы // Научный портал МВД России. – 2019. – № 2. – С. 61-65.

197. Тумаков А.В., Рогачев Е.С., Миронова Л.Ю. Об организационно-правовом обеспечении функционирования института частных судебных приставов-исполнителей в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2020. – № 6. – С. 256-259.

198. Феофилактов А.С. Некоторые вопросы квалификации преступного самоуправства // Российский судья. – 2004. – № 5. – С. 24-25.

199. Филиппов П.А. Значение действительного или предполагаемого права для квалификации деяния виновного как самоуправство // Законность. – 2017. – № 12. – С. 33-35.

200. Филипсон К.Ю. Особенности правовой квалификации удержания имущества и самоуправства // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 3 (56). – С. 71-79.

201. Хагур Ю.А. Особенности профилактики самоуправства // Философия права. – 2025. – № 2(113). – С. 173-179.

202. Хагур Ю.А. Специально-криминологические меры предупреждения самоуправства // Право и практика. – 2024. – № 4. – С. 114-117.

203. Чапчиков С.С. Актуальные проблемы защиты права собственности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2019. – № 9(112). – С. 86-88.

204. Чапчиков С.С. Дефекты функционирования института самозащиты как социально-правовой фактор детерминации самоуправства // Уголовная политика и культура противодействия преступности: Материалы Международной научно-практической конференции памяти профессора В.Е. Квашиса, Краснодар, 20 сентября 2024 года. – Краснодар: Краснодарский университет МВД РФ, 2024. – С. 429-433.

205. Чапчиков С.С. Индивидуальные меры предупреждения самоуправства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2026. – № 6. – С. 184-189.

206. Чапчиков С.С. Место самоуправства в системе Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Юридическое образование и наука. – 2025. – № 3. – С. 40-45.

207. Чапчиков С.С. Общественная опасность самоуправства // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2024. – Т. 14, № 5. – С. 143-151.

208. Чапчиков С.С. Объективные факторы детерминации самоуправства // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 398-406.

209. Чапчиков С.С. Организационно-правовые факторы латентности самоуправства // Криминологическая политика и практика противодействия

преступности (памяти профессора кафедры В.А. Уткина): Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 27 марта 2025 года. – М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. – С. 477-482.

210. Чапчиков С.С. Совершенствование уголовно-правовых мер предупреждения самоуправства // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 05-06 июня 2026 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2026. – С. 409-415

211. Чапчиков С.С. Субъективные факторы детерминации самоуправства // Союз криминалистов и криминологов. – 2025. – № 2. – С. 164-172.

212. Шуров А.А. Индивидуальные меры предупреждения заведомо ложного доноса // Союз криминалистов и криминологов. – 2023. – № 3. – С. 66-71.

213. Черных Е.В. Допреступная ситуация и ее роль в генезисе насильственного преступления // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 4. – С. 69-73.

214. Чуклина Э.Ю. Ситуационные превентивные меры в российской теории предупреждения преступности // Национальная безопасность. – 2016. – № 3 (44). – С. 338-346.

215. Эминов В.Е., Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1 (50). – С. 107-112.

216. Ярошенко Т.В. Превентивная функция нотариата: актуальные вопросы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия Гуманитарные и общественные науки. – 2021. – № 4. – С. 5-12.

217. Ястребов В.Б. К вопросу о понятии криминологической характеристики преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – М.: Юрид. лит., 1982, № 37. – С. 14-20.

218. Яшин А.В. Уголовно-правовые признаки личности преступника как объект криминологического изучения // Современное право. – 2021. – № 9. – С. 87-91. С. 88.

Диссертации, авторефераты диссертаций

219. Агаев Г.А. Преступления против порядка управления: проблемы теории и практики законодательства: автореф. дис. … доктора юрид. наук. – СПб, 2006. – 43 с.

220. Артюшкина С.В. Самоуправство: теоретические и правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 2012. – 27 с.

221. Биньковский А.П. Уголовно-правовые и криминологические аспекты самоуправства: дис. … канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 218 с.

222. Ванеев С.У. Уголовная ответственность за самоуправство по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... кандид. юрид. наук. – М., 2006. – 25 с.

223. Витман Е.В. Самоуправство: проблемы квалификации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006. – 27 с.

224. Власова И.В. Криминологические и уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, сопряженным с принуждением к совершению сделки или к отказу от ее совершения: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2010. – 27 с.

225. Дубов Е.И. Уголовно-правовой механизм противодействия преступлениям, связанным с деятельностью по возврату просроченной задолженности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2022. – 35 с.

226. Егиазарян Н.А. Преступления против порядка управления в уголовном праве Армении и России (сравнительно-правовое исследование): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2014. – 27 с.

227. Желудков М.А. Развитие системы криминологического обеспечения защиты личности и общества от корыстных преступлений против собственности: автореф. дис. ... доктора юрид. наук. – М., 2012. – 47 с.

228. Зуева Ю.В. Институт самозащиты по законодательству России (доктрина, практика, техника): автореф. дис. канд … юрид. наук. – Нижний Новгород, 2022. – 28 с.

229. Казакова Е.Б. Самозащита как юридическое средство: проблемы теории и практики: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Тамбов, 2006. – 28 с.

230. Капканов В.И. Уголовная ответственность за самоуправство: проблемы законодательной регламентации и квалификации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб, 2006. – 26 с.

231. Кошкин А.В. Ответственность за самоуправство по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – 24 с.

232. Лазаренкова О.Г. Право удержания и самозащита в современном гражданском праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – 24 с.

233. Муслов Б.В. Латентная преступность: некоторые вопросы теории и практики противодействия: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2006. – 19 с.

234. Петухов К.И. Адвокат как субъект предупреждения преступности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2024. – 23 с.

235. Пинягина Е.С. Уголовно-правовая оценка самоуправства: ст. 330 УК РФ: дис. … канд. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2026. – 200 с.

236. Степкин С.П. Институт обращений граждан в органы публичной власти: автореф. дис. … доктора юрид. наук. – М., 2026. – 50 с.

237. Сурков И.К. Самоуправство (уголовно-правовые и криминологические аспекты): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Самара, 2006. – 20 с.

238. Титенков И.П. Уголовная ответственность за самоуправство: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2009. – 22 с.

239. Шишова О.П. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, посягающих на объекты культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук. – Ханты-Мансийск, 2025. – 254 с.

Электронные ресурсы

240. ВПРАВЕ.РФ: Единый портал правового просвещения и бесплатной юридической помощи / Министерство юстиции Российской Федерации. URL: https://вправе.рф

241. Минюст РК рассказал о недостатках в работе частных судоисполнителей. Электронный ресурс. URL:https://total.kz/ru/news/obshchestvo_sobitiya/minust_rk_rasskazal_o_nedostatkah_v_rabote_chastnih_sudoispolnitelei_date_2018_07_02_16_15_27

242. Сведения о рассмотрении органами внутренних дел сообщений о преступления (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 2-Е (МВД). Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

243. Сводный отчет по России (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме № 491 (1-ЕГС) «Единый отчет о преступности». Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

244. Сводный отчет по России (данные ГИАЦ МВД России). Статистический отчет по форме 2-ЕГС (код 429) «Сведения о лицах, совершивших преступления». Электронный ресурс. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics

245. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2016–2025 гг. Электронный ресурс. Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.

Приложение 1

Результаты опроса сотрудников органов внутренних дел

	ответившие в абс.	ответившие в %
Вопрос 1. Ваша должность?		
следователь	109	
дознаватель	97	
Вопрос 2. Ваш стаж службы в ОВД?		
до 3 лет	31	15%
от 3 до 5 лет	39	18,9%
от 5 до 10 лет	57	27,8%
от 10 до 15 лет	54	26,2%
более 15 лет	25	12,1%
Вопрос 3. Насколько актуально криминологическое исследование самоуправства (ст. 330 УК РФ) с целью выработки эффективных мер его предупреждения?		
не актуально	7	3,4%
актуально	122	59,2%
крайне актуально	77	37,4%
Вопрос 4. Укажите основной фактор, который определяет общественную опасность самоуправства?		
посягает на собственность	119	57,7%
посягает на порядок управления	87	42,3%
Вопрос 5. Какой уровень латентности характерен для самоуправства?		
низкий (латентными остаются до 33% преступлений)	49	45,6%
средний (латентными остаются от 33% до 66% преступлений)	63	30,6%
высокий (латентными остаются более 66% преступлений)	94	23,8%
Вопрос 6. Укажите основные проблемы оценки реального состояния самоуправства?		
латентность самоуправства	170	82,5%
трудности разграничения от смежных составов преступлений и административных правонарушений	155	75,2%
трудности установления лиц, совершивших преступления	107	51,9%
недостатки методики формирования статистической отчетности	92	44,6%
Вопрос 7. Укажите основные факторы (причины) латентности самоуправства?		

трудности разграничения самоуправства от гражданской-правовых отношений (правомерной самозащиты)	188	91,2%
кадровый дефицит в органах внутренних дел	176	85,4%
трудности квалификации данного преступления, обусловленные наличием оценочных признаков	163	79,1%
самоуправные действия расцениваются жертвой как непреступные или правомерные	157	76,2%
«злоупотребление» участниками гражданско-правовых отношений правом на защиту своих интересов уголовно-правовыми средствами	111	53,8%
недостаточность научно обоснованных методик выявления, раскрытия и расследования самоуправства	104	50,5%
недостаточный уровень профессиональной подготовки и компетентности сотрудников правоохранительных органов, расследующих данное преступление	67	32,5%
нежелание жертв самоуправства обращаться в правоохранительные органы	42	20,4%
Вопрос 8. Укажите доминирующий мотив совершения самоуправства?		
защита или восстановление своих имущественных прав	85	41,2%
корыстные побуждения	53	25,7%
защита или восстановление имущественных прав третьих лиц	44	21,3%
личная неприязнь и иные низменные мотивы	24	11,8%
Вопрос 9. Укажите основные объективные факторы детерминации (причины и условия) самоуправства?		
распространение в информационной среде стереотипов противоправного поведения и разрешения имущественных споров	166	80,6%
нормативно-правовая неопределенность института самозащиты гражданских прав	155	75,2%
несовершенство конструкции диспозиции статьи 330 УК РФ	145	70,4%
технические возможности доступа к персональным данным, личной и конфиденциальной информации	139	67,5%
объективное и (или) субъективно воспринимаемое социально-экономическое неравенство	106	51,4%

влияние политических факторов на уровень правового нигилизма	88	42,7%
недостатки деятельности судебных и правоохранительных органов	84	40,7%
Вопрос 10. Укажите основные субъективные факторы детерминации (причины и условия) самоуправства?		
дефекты правосознания граждан	160	80%
низкий уровень юридической грамотности граждан	157	76,2%
криминальная деформация личности	124	60,2%
дефекты ценностных ориентаций, корысть и эгоизм	117	56,8%
виктимное поведение жертвы самоуправства	96	46,6%
склонность к совершению ситуационных преступлений	93	45,1%
Вопрос 11. Укажите основной критерий типологии ситуаций совершения самоуправства?		
момент возникновения у преступника умысла на совершение самоуправства	99	48%
взаимосвязь (знакомство, характер отношений и пр.) преступника и жертвы	49	21,3%
предшествующее совершению самоуправных действий поведение преступника	40	19,4%
применение насилия или угрозы его применения	18	8,7%
Вопрос 12. Укажите основные общесоциальные меры предупреждения самоуправства?		
системное информирование населения о недопустимости разрешения споров и конфликтов противоправными способами и о юридической ответственности за противоправные действия	191	92,7%
четкая нормативная и процессуальная регламентация способов и пределов правомерной самозащиты гражданских прав	180	87,4%
правовое воспитание и просвещение, направленное на формирование у населения навыков самозащиты гражданских прав	151	73,3%
конкретизация оценочных признаков состава самоуправства, в частности признака существенного вреда	144	69,9%
расширение практики примирительных процедур по гражданско-правовым спорам	121	58,7%

установление ответственности за самоуправство в Главе 21 УК РФ	120	58,2%
совершенствование санкции ст. 330 УК РФ	98	47,8%
Вопрос 13. Укажите основные специально-криминологические меры предупреждения самоуправства?		
выявление имущественных конфликтов в бытовой сфере и сфере экономических отношений	182	88,3%
обеспечение кадрового потенциала ОВД и повышение квалификации сотрудников ОВД	165	80%
совершенствование информационно-аналитического обеспечения ОВД	133	64,5%
повышение качества методического обеспечения выявления и расследования самоуправства	105	51%
усиление межведомственного взаимодействия (ОВД, прокуратура, ФССП России и др.) по выявлению и пресечению причин и условий, а также фактов самоуправства	91	44,2%
усиление следственной профилактики (вынесения представлений в порядке части 2 статьи 158 УПК РФ)	83	40,3%
Вопрос 14. Какие из методов индивидуального психологического воздействия имеют наибольший превентивный потенциал при предупреждении самоуправства?		
принуждение	150	77,2%
убеждение	135	65,5%
помощь	96	46,6%
поощрение	40	19,7%
Вопрос 15. Укажите основные индивидуальные меры предупреждения самоуправства?		
постановка лица, склонных к самоуправным действиям, на профилактический учет в ОВД	157	76,2%
вынесение официального предостережения о недопустимости антиобщественного поведения	138	68,9%
выявление лиц с деформациями правосознания, находящихся в потенциально конфликтных гражданско-правовых ситуациях, склонных к совершению самоуправных действий	117	56,7%

индивидуальная профилактическая беседа и правовое информирование лиц, склонных к совершению самоуправных действий	108	52,4%
стимулирование к прекращению самоуправных действий, примирению с потерпевшим и деятельному раскаянию	99	48%
принятие мер к разрешению конфликтных ситуаций (разъяснение прав и обязанностей, возврат имущества и пр.)	43	20,8%

Приложение 2

Результаты изучения материалов уголовных дел

Параметры	Количество	Показатели, %
Количество уголовных дел	141	
Количество лиц, совершивших преступление	165	
Количество потерпевших (жертв)	153	
1. Пол преступника		
мужской	147	89,1%
женский	18	10,9%
2. Возраст преступника		
18-29 лет	66	40,0%
30-49 лет	93	56,4%
50 лет и старше	6	3,6%
3. Уровень образования		
высшее профессиональное	27	16,4%
среднее профессиональное	45	27,3%
среднее общее	66	40,0%
основное общее, начальное или нет образования	27	16,4%
4. Семейное положение		
состоит в зарегистрированном браке	42	25,5%
в зарегистрированном браке не состоит	123	74,5%
5. Род занятий (социальное положение) преступника		
рабочий	48	29,1%
служащий коммерческой или иной организации	9	5,5%
лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность, участвующее в предпринимательской деятельности либо являющееся самозанятым	12	7,3%
трудоспособное лицо без определенного рода занятий	84	50,9%
иное	12	7,3%
6. Лицо ранее было привлечено к уголовной ответственности		
нет	117	70,9%
да, в том числе:	48	29,1%
один раз	24	14,5%
два раза	12	7,3%
три раза и более	12	7,3%
7. Лицо (из числа лиц, которые ранее были привлечены к уголовной ответственности) ранее привлекалось к уголовной ответственности за		

преступления, совершенные с применением насилия либо с угрозой применения насилия)		
да	6	12,5%
нет	42	87,5%
8. Лицо (из числа лиц, которые ранее были привлечены к уголовной ответственности) ранее привлекалось к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 330 УК РФ		
да	3	6,3%
нет	45	93,8%
9. Лицо (из числа лиц, которые ранее были привлечены к уголовной ответственности) совершило преступление		
в течение 1 года после отбывания наказания	7	14,6%
по истечению 1 года после отбывания наказания	25	52,1%
условно осужденным	13	27,1%
в период неотбытой части дополнительного наказания	3	6,2%
10. Лицо совершило преступление в состоянии		
алкогольного опьянения	30	18,2%
наркотического опьянения	3	1,8%
11. Мотив совершения преступления		
восстановление нарушенного имущественного права (предполагаемого нарушенного имущественного права)	63	38,2%
корысть	21	12,7%
возмещение морального вреда (предполагаемого морального вреда)	6	3,6%
побуждение лица к прекращению действий, воспринимаемых виновным как нарушение его прав	9	5,5%
утверждение (демонстрация превосходства)	9	5,5%
восстановление нарушенного имущественного права (предполагаемого нарушенного имущественного права) третьих лиц	30	18,2%
пресечение преступления (предполагаемого преступления)	3	1,8%
возмещение собственных затрат	12	7,3%
удовлетворение личных потребностей и (или) интересов посредством использования чужого имущества	6	3,6%
ревность	6	3,6%
12. Допреступное поведение лица, совершившего преступление		
лицо предъявляло устные требования о выполнении обязательств	75	45,5%

лицо непосредственно перешло к самовольным действиям (без попыток урегулирования)	90	54,5%
13. Момент возникновения у лица умысла на совершение преступления		
заранее сформировавшийся умысел (с подготовительными действиями к совершению преступления)	33	20,0%
заранее сформировавшийся умысел (без подготовительных действий к совершению преступления)	39	23,6%
умысел возник непосредственно в ходе конфликта (встречи, ссоры)	75	45,5%
умысел возник внезапно без предшествующего конфликта, спора либо переговоров	18	10,9%
14. Преступление совершено единолично или в групповой форме		
единолично	99	70,2%
в групповой форме	42	29,8%
15. Групповая форма совершения преступления		
группа лиц	12	8,5%
группа лиц по предварительному сговору	30	21,3%
16. Количество лиц, участвовавших в совершении преступления в групповой форме		
2	39	27,7%
3 и более	3	2,1%
17. Лицо, совершившее преступление, относится к следующей категории соучастника		
исполнитель	165	100,0%
организатор	0	0,0%
подстрекатель	0	0,0%
пособник	0	0,0%
18. Наличие у преступника аномалий психики		
да	3	1,8%
нет	162	98,2%
19. Признание вины в совершенном деянии		
признание вины в полном объеме	144	87,3%
частичное признание вины	9	5,5%
лицо вину не признало	12	7,3%
20. Вид наказания		
штраф	21	12,7%
обязательные работы	9	5,5%
исправительные работы	9	5,5%
лишение свободы, *в том числе:*	126	76,4%
лишение свободы заменено принудительными работами	3	1,8%
наказание условное	96	58,2%

21. Размер наказания в виде лишения свободы		
до 1 года	9	7,1%
1 год	84	66,7%
2 года	33	26,2%
22. Время совершения преступления		
00:00 – 06:00	12	8,5%
06:00 – 12:00	12	8,5%
12:00 – 18:00	66	46,8%
18:00 – 00:00	51	36,2%
23. Место совершения преступления по типу местности		
город	111	78,7%
сельская местность	27	19,1%
вне населенных пунктов	3	2,1%
24. Место совершения преступления		
общественное место (парк, магазин, офис, ночной клуб, остановка общественного транспорта, автостоянка, автозаправочная станция и т.д.) или в непосредственной близости к ним	30	21,3%
поле, заказник и т.д.	6	4,3%
такси	3	2,1%
подъезд многоквартирного дома	3	2,1%
придомовая территория	21	14,9%
место жительства жертвы	55	39%
место жительства преступника	3	2,1%
место жительства преступника и жертвы	9	6,4%
место работы жертвы	6	4,2%
место работы преступника	5	3,5%
25. Предмет посягательства		
денежные средства	85	60,3%
велосипед	4	2,8%
автомобиль	9	6,4%
строительные инструменты	6	4,3%
гаджеты (мобильный телефон, планшет, музыкальная колонка и пр.)	30	21,3%
иные личные вещи (предметы одежды, обувь, аксессуары и пр.)	7	4,9%
26. Способ самовольной реализации права		
изъятие имущества у должника в счет погашения невыплаченного (ненадлежаще выплаченного) долга либо предполагаемого долга	26	18,4%

изъятие имущества в счет компенсации причиненного вреда	9	6,4%
изъятие (удержание) имущества с целью побуждения к надлежащему исполнению обязательств	36	25,5%
изъятие имущества в счет платы за работу, оказанные услуги (пользование жильем и т.д.), в том числе в пользу третьих лиц	22	15,6%
изъятие (удержание) имущества с целью разрешения неимущественного конфликта, а также в качестве компенсации морального вреда	8	5,7%
изъятие имущества, являющегося, по мнению виновного, лица его собственностью, из предполагаемого незаконного владения	6	4,3%
изъятие имущества в счет возврата имущества или долга третьих лиц	14	9,9%
изъятие имущества во временное пользование в личных целях без согласия собственника	10	7,1%
изъятие имущества с целью препятствования реализации лицом права, которое, по мнению виновного, оно не имеет	7	5%
изъятие имущества с целью пресечения предполагаемого преступления	3	2,1%
27. Применение насилия при совершении преступления		
без применения насилия	57	40,4%
с применением насилия	54	38,3%
с угрозой применения насилия	30	21,3%
28. Наличие очевидцев преступления		
нет	81	57,4%
да, *в том числе*	60	42,6%
сам потерпевший	54	38,3%
знакомые потерпевшего	18	12,8%
знакомые преступника	33	23,4%
случайные лица	6	4,3%
сотрудники ОВД (при проведении ОРМ)	3	2,1%
29. Преступление выявлено в результате		
заявления потерпевшего	138	97,9%
поступления информации оперативному дежурному из травмпункта	3	2,1%
30. Совокупность с иными преступлениями		
Ст. 139 УК РФ	6	4,3%
Ст. 127 УК РФ	3	2,1%
31. Количество жертв		
1	129	84,3%

2	12	7,8%
32. Пол жертвы		
мужской	111	72,5%
женский	42	27,5%
33. Возраст жертвы		
18-29 лет	39	25,5%
30-49 лет	102	66,7%
50 лет и старше	12	7,8%
33. Род занятий жертвы		
рабочий	45	29,4%
служащий коммерческой или иной организации	27	17,6%
лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность или участвующее в предпринимательской деятельности	21	13,7%
учащийся или студент	3	2,0%
трудоспособное лицо без определенного рода занятий	42	27,5%
военнослужащий по призыву или по контракту	3	2,0%
иное	12	7,8%
34. Жертва ранее знакома с преступником или нет		
нет	30	19,6%
да, *в том числе*	123	80,4%
родственные или близкие отношения, в т.ч. бывшие супруги	7	4,6%
совместная трудовая деятельность	19	12,4%
соседи	15	9,8%
совместное проживание (общежитие, хостел, аренда комнаты в квартире и т.д.)	12	7,8%
ситуативное знакомство (оказание услуг и т.д.)	45	29,4%
совместное времяпрепровождение, в том числе распитие спиртных напитков	21	13,7%
дружеские отношения	3	2,0%
совместное отбывание наказания в ИУ	1	0,6%
35. Допреступное поведение жертвы		
правомерное, конфликт отсутствовал	36	23,5%
правомерное, но конфликтное (оспаривание требования)	48	31,4%
уклонение от исполнения обязательств	39	25,5%
противоправное поведение (обман, удержание имущества, похищение чужого имущества и т.д.)	6	3,9%

конфликтное, в том числе на фоне личных неприязненных отношений	18	11,8%
небрежное отношение к обеспечению охраны своего имущества	6	3,9%
36. Степень тяжести вреда здоровью, причиненного потерпевшему в результате совершения преступления		
средней тяжести вред здоровью	12	8,5%
легкий вред здоровью	15	10,6%
повреждения, не причинившие вред здоровью	57	40,4%
37. Характер материального вреда, причиненного в результате совершения преступления		
изъятие или удержание имущества	141	100,0%
повреждение имущества	0	0,0%
уничтожение имущества	0	0,0%
ограничение пользования имуществом	0	0,0%
38. Размер имущественного вреда, причиненного в результате совершения преступления		
нет	10	7%
да, *в том числе:*	131	92,9%
до 1 000 рублей	3	2,1%
1 000 – 10 000 рублей	36	25,5%
10 000 – 50 000 рублей	61	43,3%
50 000 – 100 000 рублей	12	8,5%
100 000 – 500 000 рублей	5	3,5%
39. Вред причинен		
физическому лицу	139	98,6%
организации	2	1,4%